

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum miserisque succurrere disco.

1821 ГОДЪ.

Ч А С Т Ь XIV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
тательнаго Дома.
1821 года.

№ 9783/1

1891. кн. 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерсва Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, одинъ для Императорской Академіи Наукъ, одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи. Санктпетербургъ, Марша 2-двѣя, 1821 года.

Цен. Кол. Сов. и Кан. Ис. Ястребцовъ.

П Р О З А.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ИСКУСТВЪ.

Исторія Искусствъ можетъ раздѣлиться на *уизрительную* и *положительную*. Первая, основываясь на общихъ началахъ, опличаетъ успѣхи искусства разными временами, и опличіе каждаго періода называетъ *характеромъ*, или *стилемъ*. Превосходнѣйшій примѣръ таковой Исторіи показалъ Винкельманъ, сей Геній, достигшій тайны Искусства. Положительная Исторія утверждается на извѣстіяхъ, до насъ дошедшихъ; она вычисляетъ творенія каждаго Художника порознь, даетъ судъ имъ и больше имѣетъ

Часть XIV. Кн. I.

твердости, нежели первая. Прекрасный союзъ ихъ удивляетъ и восхищаетъ наблюдателя: ибо Исторія Искусства, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть исторія образованія человѣчества.

Скульптура, особенно въ Греціи, древнѣ Живописи; ея Исторія заключаетъ въ себѣ Историю Искусства вообще. Оспроумный Винкельманъ раздѣляетъ ее на четыре періода и каждому даетъ особый характеръ: *I* отличаетъя сѣхостію, грубостію, несовершенствомъ; *II* величіемъ и высокостію; *III* красотою и прелестію, а *IV* подражаніемъ: но знаменитый Гейне не во всемъ съ нимъ согласенъ.

Греки могутъ почесаться новѣйшимъ народомъ, если сравнить ихъ съ древними царствами Азіи, съ Финикійцами и Египтомъ. Но (честь имъ и слава)! они, являсь позже, превзошли всѣхъ древнихъ, и такъ отличились въ искусствахъ, что никто послѣ не могъ сравниться съ ними, хотя образцы ихъ были передъ глазами. Можеть быть, первые уроки взяли они отъ Египтянъ и Финикійцевъ; но это пособіе такъ ничтожно, что мы рѣшительно

сказать можемъ: „Греки сами создали Искусства.“

Было время въ Греціи, когда два куска дерева, соединенные поперегъ палкой, представляли *Кастора и Поллукса*, сихъ братьевъ, знаменистыхъ любовію и дружбой. — Павзаній видѣлъ ихъ въ Лакедемонѣ. Но если искусство подражать такимъ образомъ виду челоѣка, извѣстно было за долго до войны Троянской, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія: по должно думать, что симъ славнымъ близнецамъ поклонялись несравненно прежде той эпохи, въ которую Мифологія полагаетъ рожденіе сихъ братьевъ Елены. Впрочемъ Мифологія Грековъ весьма различна у разныхъ поэтовъ, мифографовъ и художниковъ. Мнѣ кажется, слѣдуя обыкновенной Мифологіи и полагая Кастора и Поллукса братьями Елены, современными осадѣ Трои, можно согласить эпо противорѣчіе. Можетъ быть, Скульптура употребляема была только въ нѣкоторыхъ странахъ Греціи, между тѣмъ, какъ въ другихъ вовсе была неизвѣстна. Можетъ быть, послѣ изобрѣтенія Скульптуры, Греки иногда слѣдо-

вали древнему обычаю, то есть, указывали только предметы поклонения, а не изображали ихъ.

Во время путешествія Павзанія были еще остатки древняго поклоненія Грековъ. Въ *Афинахъ*, близъ воротъ Нимфадскихъ, въ Гимназїи, хранили камень, пирамидальной формы, очень не высокой, копорой назывался (Θῆβος Καρίνος) *Аполлонъ Кариносъ*. Тогда Афины, опечетство Фидіасовъ и Праксителей, не имѣли, какъ видно, и того искусства, какое находятъ у дикихъ. Въ *Коринѣ*, славномъ послѣ красопою бронзовыхъ швореній и искусствомъ ихъ опдѣлки, находился (Ζεὺς Μηλήχιος) *Зевсъ Мелехій* въ видѣ пирамиды, а *Диана*, покровительница-спраны ихъ, предсавлена была, для божескихъ почестей, въ видѣ колонны. Теспійцы съ давнихъ временъ поклонялись Эропу, и сей богъ любви, предметъ ихъ главнаго и всеобщаго поклоненія, былъ не что иное, какъ дикій камень безъ всякаго вида. *Пракситель* и *Лизиппъ*, каждый особо, сдѣлали имъ послѣ прекраснѣйшія статуи сына Киприды: но никогда сіи лучшіе об-

разды искусства не были почтены тѣмъ благоговѣніемъ, какое привыкли воздавать древнему камню.

Сіе поклоненіе кускамъ дерева, камнямъ, пирамидамъ и колоннамъ должно опноситься къ глубочайшей древности: ибо, по изустному преданію, дошедшему до современниковъ Павзанія, *Скульптура* извѣстна была Грекамъ за 1600 лѣтъ до Р. Х. Въ Аѳинахъ былъ еще деревянный *Гермесъ*, который, какъ утверждали, привезенъ *Цекропсомъ*. Извѣстно, что *Цекропсъ* въ 1581 году до Р. Х. завелъ селеніе въ *Апшикѣ*, въ *Саисѣ*.

Почти 70 лѣтъ спустя, *Данай*, по примѣру *Цекропса*, оспавилъ Египетъ и прибылъ въ Грецію. Онъ воздвигъ храмъ Аполлону и поставилъ въ немъ деревянный кумирь сего бога. — Всѣ статуи, глубочайшей древности, были изъ дерева. Это одно вещество, по свидѣльству Павзанія, употребляли для скульптуры Египетскіе выходцы, пришедшіе съ *Цекропсомъ* и *Данасомъ*, хотя въ отечествѣ ихъ давно уже знали искусство обдѣлы-

вапь камни и липь мепалмы. Можеть быль, въ шо время, когда прибыли они въ Грецію, не знали еще ни одного мѣста для ломки мрамора; можеть быль, спутники сихъ родоначальниковъ были худые аршиспы и не могли обдѣлывать вещесль, пребующихъ усилія художника; можеть быль никогда не занимались скульпшурой въ опечесль, и спашуи, сдѣланныя ими въ Греции, были не что иное, какъ грубое подраженіе тому, что они видѣли въ Египтѣ.

Въ томъ же городѣ, *Гиперлиестра*, дочь Даная, посвятила спашую Венерѣ, которая сущесльвовала еще во время *Павзанія*. Очень жаль, что сей путешественникъ не описывалъ съ большею подробностію первыхъ опытовъ искусства, которые видѣлъ онъ въ такомъ множесль. Сія спашуя держала въ рукѣ богиню побѣды. *Гиперлиестра* посвятила сіе приношеніе Венерѣ въ шо время, когда (будучи обвинена опцомъ за шо, что, по примѣру сесль, не умершвила супруга *Лицея*) она совершенно была оправдана судомъ Аргивскимъ,

Въ Герміонѣ, въ священной рождѣ, проспирившейся отъ горы Понтинской къ морю, находилась другая статуя Венеры, копорую, говоряшь, посвятили шакже дочери Даная. Павзаній повѣствуя о сей статуѣ, противорѣчитъ самъ себѣ, ибо говоритъ, что она была мраморная, между тѣмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что всѣ статуи Египтянъ, пришедшихъ въ Грецію и вообще всѣ древнія статуи, были деревянные. Вѣроятно, онъ правъ въ послѣднемъ случаѣ; но не правъ, когда почиаетъ мраморную статую приношеніемъ дочерей Даная. Легко угадать, что это новѣйшая статуя, сдѣланная для замѣщенія древней, копорую, можетъ быть, испребило время, или другой случай. — Къ тѣмъ же временамъ, или къ послѣдовавшимъ скорѣ послѣ Даная, отнести должно статуи Египетскихъ художниковъ, копорыя видѣлъ Павзаній въ Гимназіи, въ Мессинѣ.

Финикія можетъ спорить съ Египтомъ въ образованіи Греціи, и она участвовала въ сей славі. Почти въ то же время, когда Данай пришелъ изъ Египта,

Кадмъ прибылъ въ Грецію изъ Тира, и основалъ городъ *Фивы*, въ воспоминаніе *Фивы* Египетскихъ, гдѣ, по преданію, онъ родился. Въ семъ городѣ находилась статуя, копорую, какъ утверждали, посвятилъ онъ самъ. Тамъ же были еще при статуи *Венеры*, сдѣланныя изъ дерева того самаго корабля, на копоромъ *Кадмъ* пріѣхалъ — преданіе говоритъ, что сіи статуи посвящены *Гармонію*, его дочерью.

Но если Египетъ и Финикія участвовали въ населеніи и образованіи Греціи; то нѣкоторые ученые (*Фредъ* и *Гейне*) полагаютъ, что народы сѣверные еще больше споспѣшествовали ея населенію, а, можетъ быть, и образованію. Произведенія искусствъ, приписываемыя *Пелазгамъ* (общее названіе сѣверныхъ выходцовъ), должны быть древнѣе переселеній *Цекропса*, *Даная* и *Кадма*. Къ числу сихъ принадлежатъ статуя *Орфелъ*, сдѣланная изъ дерева, копорая находилась въ храмѣ *Цереры Элевзинской*, въ *Лаконіи*, недалеко отъ вершины *Тайгета*. Если *Пелазги*, поселившіеся сперва въ *Фессаліи*,

а отсюда разсѣвшіеся по всей Греціи, были *Фракіяне*, какъ можно думать: по они должны были воздавать божескія почести Орфею, сему священному Фракійскому пѣвцу боговъ, учредителю таинствъ и обрядовъ, которые нигдѣ такъ не были празднуемы, какъ въ *Фессалии*.

Д Е Д А Л Ъ.

За 1350 лѣтъ до Р. Х. Аѳины, коимъ принадлежишь вся слава искусствъ изящныхъ, произвели на свѣтъ древнѣйшаго художника *Дедала*. Онъ былъ внукомъ Аѳинскаго Царя Эрихтея. Имя его подало поводъ къ вымысламъ и баснямъ и сдѣлалось споль славнымъ, что всякое мастерское произведеніе, въ древности, называлось *Дедаловымъ*. Дедалъ, умерививъ сына сестры своей, удалился къ Миносу II, царю Крита; тамъ сдѣлалъ онъ множество скульптурныхъ произведеній какъ для царя, такъ и дочери его. Вообще полагають, что онъ первый опдѣлилъ члены своихъ статуи и открылъ глаза имъ. Онъ также былъ славенъ въ зодчествѣ и

въ механикѣ. Пылкое, спремительное чувство, источникъ его генія и славы, сдѣлало и характеръ его неукропимо пылкимъ. Обагранный кровію племянника, онъ бѣжалъ изъ опечесства, и новымъ смерпоубійствомъ навлекъ на себя гнѣвъ царя, который далъ ему убѣжище. Минось заключилъ его въ пемницу вмѣстѣ съ сыномъ. Дедалъ нашель средство убѣжать; онъ скрылся въ Сицилійскомъ городѣ *Ипихѣ*, у царя *Каула*, и пѣмъ причинилъ войну между Сицилійцами и Миносомъ, которой его пребоваль.

Между пѣмъ творенія Деллада прославили его во всей Сициліи и въ большей часпи Ипаліи. Можно думать, что Сицилійцы и Эпруски были питомцы сего знаменитаго художника. Во время Павзанія видѣли еще, или помнили многія творенія его, или по крайней мѣрѣ пѣ творенія, которыя были ему приписываемы: въ Аѣинахъ, царское сѣдалище, родъ Трона; въ Коринѣ, близъ храма Паллады, *Халанитигѣ*, нагаго Геркулеса, изъ дерева; другую, пакже деревянную, спасую въ храмѣ Геркулеса въ *Фивахъ*; спа-

шую Трофонія, въ Ливадіи, тогда хранили еще произведеніе сего художника, *Бритомартисъ* въ Олинпѣ, Крипскомъ городѣ, и Минерву *съ Кноссъ*. Въ семъ городѣ находилось еще твореніе *Дедала*, прославленное спихами Омера—это была группа, представлявшая пляску, которую сдѣлалъ онъ для *Ариадны*. Павзаній говоритъ, что это твореніе было мраморное. Почему можно думать, что это былъ не оригиналъ *Дедаловъ*, но копія, или новое произведеніе того же содержанія, посланное на мѣсто оригинала, истребленного временемъ.

Извѣстно, что въ Сициліи, въ городѣ *Гелѣ*, Искусства процвѣтали съ давнихъ временъ. Нѣкто ученый Италіянецъ думалъ, что онѣ родились тамъ прежде нежели въ Греціи. Но когда читаемъ Павзанія, что творенія *Дедала* перенесены изъ *Омфакъ*, въ эротъ городъ; по очевидно, что онѣ родили охоту въ Сицилійцахъ къ искусствамъ, и служили имъ первыми образцами. Народъ дѣятельный и остроумный ждешъ только Генія, ищешъ

пути, и за первымъ вождемъ • спремич-
ся быстро и смѣло къ прекрасному.

Нѣтъ нужды доказывать, что шворенія перваго художника, который отдѣ-
лилъ руки и ноги отъ статуи, и от-
крылъ глаза имъ, не могли быть совер-
шенствомъ Скульптуры. Но Павзаній за-
мѣчаетъ, что, при всей грубости сихъ
статуй, въ нихъ примѣтно было что-то
необыкновенное, божественное. Посему
заключить должно, что могъ бы произ-
вестъ сей художникъ, еслибъ родился въ
то время, когда пользовались открытія-
ми и успѣхами предшественниковъ.

*Отъ Дедала до Энеаса, или до войны Тро-
янской.*

С М И Л И С Ъ.

Смилисъ, родомъ изъ Эгины, былъ со-
временникъ *Дедала*, но не достигнулъ его
славы. Впрочемъ слава не всегда равна
шаланшу. Многія путешествія и при-
ключенія *Дедала*, который въ разныхъ
городахъ оставилъ свои шворенія, дол-
жны были умножить его славу, хотя на-

ланшь его, можетъ быть, не превосходить таланта *Смилиса*. Павзаній видѣлъ въ Самосѣ, въ древнемъ храмѣ Юноны, спашую сей богини, твореніе *Смилиса*.

Со временъ *Дедала* и *Смилиса* прошло нѣсколько вѣковъ, и ни одного художника имя не сохранилось для попомслва: имена художниковъ забыты, но не забыто множество произведеній, которыя доказываютъ, что искусство въ Греціи не умирало, хотя не оказывало блистательныхъ успѣховъ.

Древнѣйшимъ изъ сихъ произведеній полагають должно спашую, которую почитали приношеніемъ Аргонавтовъ. Но такъ какъ она была бронзовая; а Греки, во время Аргонавтовъ, не умѣли еще лить бронзы: то, вѣроятно, сія спашуя была, временъ позднѣйшихъ и, по большой мѣрѣ, можно думать, что она поставлена на мѣстѣ той, которую воздвигли Аргонавты.

На дорогѣ изъ Аргоса въ Манпинею находился храмъ, коего одна дверь была къ востоку, а другая къ западу. У восточной двери находилась деревянная

скульптуры Венеры, а у западной Марса. Думаютъ, что храмъ и скульпуи воздвигнуты въ честь имъ Полиникомъ и Аргосцами за то, что они приняли ихъ спору. По лѣтосчисленію *Паросскихъ мраморовъ* должно отнести время сей скульпуи къ 1251 году до Р. Х.

Нельзя не упомянуть здѣсь о мраморномъ *Львѣ*, который, по преданію, поставленъ Геркулесомъ, послѣ побѣды его надъ *Эргиноидъ*, царемъ Орхоменскимъ. Но во время Геркулеса Греки не дѣлали еще скульпуи изъ мрамора.

Въ Лаконіи былъ кумиръ Стыдливости, поставленный, какъ говорили — Икаромъ, опцемъ Пенелопы. Икаръ, выдавъ за мужъ дочь свою за *Улисса*, спросилъ ее, куда желаетъ она итти, въ Итаку ли вмѣстѣ съ мужемъ, или въ Лакедемонъ, съ опцомъ своимъ. *Пенелопа* не отвѣчала ни слова, вся покраснѣла и крѣпко прижала рукою къ лицу покрывало. Но это молчаніе, эпошъ стыдъ ясно говорили, что она желаетъ оспаться съ мужемъ. Въ семъ положеніи Икаръ представилъ Стыдливость.

Еще спашуя, достойная примѣчанія находилась въ Коринѣхъ, въ храмъ Паллады. Она была деревянная, какъ всѣ произведенія глубокой древности и, можетъ быть, не опличалась ни краскою, ни ошдѣлкой. Но художникъ желалъ дать понятіе о могуществѣ Зевеса надъ небомъ, землею и морями; и о проницательности взоровъ его во всѣ при царствѣ; онъ выразилъ мысль сію страннымъ образомъ, давъ Зевесу при глаза, и прешій предсавивъ по срединѣ чела его. Вотъ та самая спашуя, кошорая находилась въ Троѣ, въ черпогахъ Пріама, и къ ней-то несчастный царь прибѣгнулъ съ семействомъ, при взятіи Иліона. Преданіе говоритъ, что при раздѣлѣ добычи она досталась на часть *Сенелу*, сыну *Капанея*. По льшосчисленію мраморовъ Паросскихъ, Троя взята за 1209 лѣтъ до Р. Х., а Павзаній повѣспвуетъ, что сія спашуя несравненно древнѣе, ибо поставлена предками Пріама.

Достойна примѣчанія еще одна чужеземная спашуя привезенная въ Грецію, окомо погоже времени. Это былъ кумиръ шой самой знаменишой *Дианы*, кошорой въ

Часть IV. Кн. I.

жертву приносили чужеспранцевъ въ Тавриды. Во время путешествія Павзанія, сія статуя находилась въ Афинахъ, въ предмѣстїи *Брауронъ*; она была деревянная.

Э П Е В С Ъ.

Элевсъ, вмѣстѣ съ Греками, находился при осадѣ Трои. Сей художникъ сдѣлалъ этого знаменитаго деревяннаго коня, коимъ доставилъ имя покореніе Иліона и въ копоромъ, или на копоромъ, самъ онъ находился: & ipse doli fabricator Epeus, (*) говоритъ *Виргилій*. Должно думать, что это была деревянная конь была не что иное, какъ военная подвижная башня, или стѣнобитная машина, извѣстная въ послѣдствїи подъ именемъ *агіес*, копорую *Элевсъ* украсилъ конскою головою. Въ Коринѣ находилась древняя деревянная статуя *Меркурія*, копорую почитали швореніемъ сего художника.

Въ Треценѣ былъ храмъ, посвященный *Ипполиту*, и въ немъ деревянная статуя сего героя, ознаменованная печатью глубокой древности. Преданіе говоритъ, что сей храмъ и статуя воздвигнуты по по-

(*) Кн. II. стр. 264.

вельнію Діомеда. Кумирь Паллады въ Мессеніи, въ городѣ Мэонѣ, почитался также приношеніемъ сего героя. Наконецъ еще памятникъ, относившійся къ первымъ временамъ по взятіи Трои, была статуя *Нептуна*, находившаяся въ Аркадіи, въ Финеи. Жители утверждали, что она посвящена *Улиссомъ*: но сей кумирь былъ бронзовый; а Павзаній относитъ къ позднѣйшимъ временамъ изобрѣненіе опливашь спашуи въ бронзѣ.

Вошь шѣ шворенія, которыя относятся ко времени осады Трои, или къ двѣнадцати вѣку до Р. Х. Представимъ, что большая часть ихъ позднѣйшее произведеніе, и что, можетъ быть, ни одна изъ спашуй, видѣнныхъ Павзаніемъ, не принадлежитъ тому вѣку, къ которому ее относили. Пусть всѣ онѣ будутъ позднѣйшія копій, посвященные на мѣсто древнихъ оригиналовъ: но одно преданіе, сохранившееся до времени его, можетъ увѣришь насъ, что Искусства въ Греціи были извѣстны несравненно прежде войны Троянской. Кумирь Діаны въ Авлидѣ и знаменитый Палладимъ въ Троѣ доказываютъ, что

Искусства извѣсны были и шѣмъ народамъ, коихъ Греки называли Варварами.

Попомъ, въ печеніе пяпи вѣковъ ошъ разрушенія Трои, не видимъ ни одного имени художника. — Не ужели думаешь, что Искусства пяпъ сполѣтій дремали? Нѣтъ, они дѣйствовали, но судьба ихъ покрыва мракомъ. Всѣ писатели ошъ *Омера* и *Гезіода* до *Сафо* упрачены. *Феогнисъ*, жившій въ шеснадацатомъ вѣкѣ до Р. Х. извѣстенъ намъ шолько въ опривкахъ. Если кто изъ сихъ писателей и говорилъ о художникахъ, ему современныхъ, то имена ихъ исчезли вмѣстѣ съ его швореніемъ. Сочиненія, кои вполнѣ дошли до насъ, писаны въ цвѣшущій вѣкѣ Искусствъ, и авторы не заботились сохранить имена художниковъ, не знавшихъ искусства. — Можешь быть, въ числѣ древнихъ спашуй, упоминаемыхъ Павзаніемъ безъ имени художниковъ, ешь и такія, кои опносятся къ симъ вѣкамъ, мрачнымъ и не извѣстнымъ; но испорія Искусства опускаетъ завѣсу на пяпъ сполѣтій, и мы видимъ художниковъ въ седьмомъ уже вѣкѣ до Р. Х.

РЕКОСЪ.

Самый древний художникъ, коего имя дошло до насъ, со времени паденія Трои, кажется, былъ *Рекосъ*. Можетъ быть, онъ жилъ еще прежде седьмага вѣка, до Р. Х., ибо Плиній говоритъ, что онъ славился прежде изгнанія Вакхидъ, а сія фамилія изгнана изъ Коринѳа за 863 года до Р. Х. Сей художникъ былъ родомъ изъ Самоса. Онъ первый началъ плавить мѣдь и опливать спашуи. Павзаній прибавляетъ, что *Рекосъ* изобрѣлъ искусство лѣпить, или ваять, и это мнѣніе очень вѣроятно. Ибо пока спашуи дѣлались изъ дерева и даже изъ камня на удачу, по можно было, въ спрогомъ, смыслѣ, обходиться безъ модели и съ перваго приѣма обдѣлывать вещество, назначенное для спашуи; но кпо хотѣлъ опливать фигуру изъ мѣшала, тошъ необходимо долженъ былъ прежде слѣпить модель, и попомъ сдѣлать по ней форму.

Во время Павзанія, въ Ефесскомъ храмѣ была спашуя женщины, извѣстная подъ именемъ *Ноги*. Она почипалась швореніемъ *Рекоса*. Сей ваятель былъ вмѣстѣ

и зодчимъ. Онъ воздвигнулъ въ Самосѣ храмъ, которой во время Геродота считался огромнѣйшимъ во всей Греціи.

ΘΕΟΔΟΡΉ и ТЕЛЕКЛЕСЬ.

Θεοδορѣ и Телеклесѣ, сыновья Рекоса, оба шли по стопамъ отца своего. Они путешествовали въ Египетъ, для усовершенія себя, и нѣсколько времени занимались шамъ искусствомъ. Это происшествіе, говоритъ Діодоръ Сицилійскій, достоверно, по свидѣтельству жрецовъ Египетскихъ, которые нашли имена ихъ въ книгахъ. Сии два брата сдѣлали сшапу Аполлона Пивійскаго, для храма его въ Самосѣ, и въ производствѣ работы слѣдовали примѣру Египтянъ: п. е. снявъ мѣру всѣхъ часпей, одну половину сшапу Телеклесъ сдѣлалъ въ Самосѣ, а другую Θεοδορѣ въ Эфесѣ. Таковое производство работы показываешь, въ какомъ состояніи находились Искусства въ Египтѣ: ибо вовсе нельзя употребить сего способа ни въ какой фигурѣ, пребывающей движенія. Впрочемъ легко понять, что эпошъ способъ могъ быть удаченъ

въ прямыхъ и грубыхъ спашуяхъ, у коихъ руки придѣланы къ бокамъ, а ноги сжаты одна съ другою. Вопрь какими произведеніями ограничивалось все искусство Египтянъ, и въ Греціи не проспиралось оно далѣе, во время сыновей *Рекоса*. Можно подумать, что Египтяне брали въ образецъ не живую и дѣйствующую природу, но подоженіе мумій.

Не должно смѣшивать сего *Теодора* съ другимъ, кошорый также былъ родомъ изъ Самоса, и о кошоромъ упоминаеть *Плиній* въ числѣ не древнихъ художниковъ. Онъ говоритъ, что сей *Теодоръ*, самъ оплилъ порптреть свой въ бронзѣ, что сходство было совершенно, и что въ семъ швореніи должно дивиться нѣжности опдѣлки. Весьма сомнительно, чтобы древній *Теодоръ* могъ сдѣлать порптреть совершенно сходный, и припомъ нѣжность опдѣлки не есть характеръ глубокой древности. Сія спашуя въ правой рукѣ держала пилу, а въ трехъ пальцахъ лѣвой колесницу, запряженную чешырьмя конями, кошорая была такъ мала, что муха однимъ крыломъ

могла закрыть и колесницу и въ ней сидящаго. Плиній прибавляетъ, что творецъ сей спануи поэтъ самый художникъ, который построилъ Лабиринтъ въ Самосѣ. Посему обстоятельство можно думать; что это *Теодоръ* сынъ *Рекоса*, ибо Лабиринтъ былъ очень древнее зданіе, но нельзя ли предположить и такъ, что Плиній, по сходству имени, предсавилъ въ одномъ лицѣ двухъ художниковъ, жившихъ въ разныя времена. Сей почтенный писатель древности часто подверженъ подобнымъ ошибкамъ.

Древній *Теодоръ* былъ вмѣстѣ ваятель и зодчій, если правда, что онъ построилъ Лабиринтъ въ Самосѣ; онъ также на драгоценныхъ камняхъ дѣлалъ ушваря изъ золота. Сей самый художникъ вырѣзалъ знаменитую печать для *Поликрата* (Сардониксъ съ изображеніемъ лиры), которую *Тиранъ* бросилъ въ море и опять нашелъ въ рыбѣ, къ нему принесенной. Твореніемъ сего *Теодора* почиталась также большая серебряная чаша, которую *Крезъ* посвящилъ Дельфійскому храму.

ДИВУТАДЪ.

Сей художникъ долженъ здѣсь занявъ мѣсто, попому, что онъ древній, хотя впрочемъ нельзя опредѣлить времени его жизни; онъ былъ ваятель. Плиніи повѣствуетъ, какимъ образомъ нашель онъ средство дѣлать поршрепы изъ глины. Дочь его, любя одного молодого челоука, которій разлучался съ нею надолго, вздумала, для ушѣшенія себя въ горести, на спѣвѣ начерпиль гнѣ своего любимца; *Дивутадъ*, дивясь чрезвычайному сходству лица, наложилъ его глиною, которую послѣ обжегъ на огнѣ, вмѣстѣ съ другими произведеніями. Увѣряють, что эполъ слѣпокъ хранился въ Коринѣ, въ Нимфеумѣ, до самаго разрушенія сего города *Муммислѣ*. *Дивутадъ* работалъ въ Коринѣ, а родился въ Сиціонѣ.

(Продолженіе впрѣдъ).

СТАРАЯ И НОВАЯ ЛАДОГА.

Живописные, крутые берега Волхова представляют совсем отличный вид от песков Ладожских. Здесь природа, подобно волшебнице, преобразует все в лучший вид; ровные исчезают места, и взору открываются темные леса и деревни, красиво расположенные по берегам Волхова. Чем ближе подъезжаешь к Старой Ладогой, первой исторической землей нашего отечества, тем занимательнее становится каждый пригорок, каждый камень, напоминающий о первобытной России и о жилищах; но на камнях почти надписей; время сохранило только малые отрывки древних повестей и представило нам в темных и очаровательных красках изображение наших праотцев.

Два высокіе кургана, воздвигнутыя надъ прахомъ богатырей, спояшь предъ самою Ладогою. Самой высочайшей имѣеть въ вышину 8 а въ окружности 80 сажень. Близъ Ладожскаго озера и около Волхова находится довольное число подобныхъ кургановъ одинакаго вида и величины. Въ языческія времена воздвигали сіи курганы надъ умершими, а Ладожскіе жипели говорятъ, что подъ ними погребены воины, убитые въ сраженіяхъ со Шведами. Нѣкошорые курганы были разрыты, и въ нихъ найдены человѣческія кости необыкновенной величины и нѣсколько желѣзныхъ сшрѣль (*).

Огромныя полуразвалившіяся стѣны, поросшія густою правою, возвышающся предъ курганами. Эпо Рюриковъ замокъ, котораго самое время, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, не могло совершенно разрушиться. Древность его внушаетъ къ себѣ

(*) Въ Россіи очень много находится кургановъ. Въ языческія времена былъ обычай во всемъ сѣверѣ дѣлать насыпи надъ прахомъ героя. Въ Даніи, Норвегіи и Швеціи существують таковыя же памятники.

благоговѣніе; а развалины напоминають шѣ грозныя времена, когда неуспрашиваемые Норманы носились на быспрыхъ своихъ корабляхъ по Балтійскому морю, и, подобно опустошительной грозѣ, прошекали съ мечемъ и огнемъ цѣвущія спраны Галліи, Англійи и хладнокровно убивали беззащитныхъ жителей при самыхъ опшаряхъ. Сіи бичи рода человѣческаго, омытые кровію, обремененные добычей, съ веселіемъ возвращались въ свое отечество. Привѣшливый гласъ Скальдъ вспрѣчалъ вопіелей, и въ пѣсняхъ передавалъ имена ихъ опдаленному попомспву. Сіи развалины напоминають намъ и о вѣкахъ брани, когда сыны Одена, покоривъ подъ власпъ свою враждебныя и разсѣянныя племена Славянскія, дали имъ законы и вдохнули въ нихъ сей неукротимый духъ къ завоеванію, который еще и нынѣ воспаменяетъ сердца соопечеспвенниковъ нашихъ.

Замокъ Рюрика возвышается надъ самымъ Волховомъ (*). Твердыя спѣны и ба-

(*) Н. М. Карамзинъ гласеть (Т. I. стр. 104), что въ Ладогѣ донинѣ есть мѣсто, называемое Рюриковиль домилѣ. Во время

шни его сложены изъ булыжника, покрытаго плитнякомъ, копорой шеперь совершенно обвалился. Стѣны укрѣплены были чепырьмя квадрашными башнями, имѣвшими круглую внутренность. По словамъ жителей, на стѣнѣ находилась плита съ надписью, копорая, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, упала и разбилась въ куски. Жаль, что такъ мало дорожатъ опеченными древностями. Можетъ быть, камень сей объяснилъ бы исторію Рюрикава замка, извѣснаго подъ симъ именемъ по одному польско преданію. Ровъ, окружавшій замокъ, нынѣ засыпанъ пескомъ, наносимымъ волнами Волхова и заваленъ камнями, падающими съ разрушающихся стѣнъ: одни полько успѣя сего рва иногда наполняются водою. Кромѣ шого замокъ обнесенъ былъ также валомъ, копорого слѣды и донынѣ видны. Въ одной башнѣ показываютъ опверспіе, ведущее къ подземнымъ ходамъ, копорые будно бы проспирались подъ самой Волховъ. За де-

пребыванія своего въ Ладогѣ, я удостовѣрился, что развалины называющіяся Рюриковымъ замкомъ.

сяшь лѣтъ предъ сѣмь одинъ ученый (Генераль Маіоръ Герардъ) входилъ въ это опшверсіе: каменная лѣшница привела его въ одну проспранную чешвероугольную комнашу, изъ коей онъ ояшь по лѣшницѣ же спустился въ другую комнашу, подобную первой. Отсюда проспирались подземные ходы на большое проспранство, но онъ не могъ продолжашь своихъ изысканій: чрезвычайно густой и сырой воздухъ препяпспвовалъ дыханію, и множесиво непопырей совершенно преграждали ему дальнѣйшій путь.

Старая Ладога есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ на сѣверѣ и первая столица Россіи. Кпо ее поспроилъ — Испорія не упоминаеть (*); вѣроятно Славяне, которые, можеть быль, назвали сей городъ Ладогою, въ честь Лады, богини любви.

(*) Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора сказано, что Рюрикъ поспроилъ крѣпоспъ Ладогу, но она, по народному преданію, существовала до его прибышя. Н М Карамзинъ, слѣдуя истинному сказанію Нестора пишеть, что Рюрикъ прямо пріѣхалъ княжишь въ Новгородъ, а не въ Ладогу.

По перенесеніи столицы въ Новгородъ, Ладога долгое время была важнымъ мѣстомъ въ Сѣверо-Восточной Европѣ, зависѣла отъ Новгорода и производила значительную торговлю. Ганза шрема дорогами привозила свои повары въ Новгородъ. Первая, самая удобнѣйшая и обыкновеннѣйшая, лежала чрезъ Неву и Ладожское озеро, вверхъ по Волхову; другая по рѣкѣ Наровѣ, отъ Нарвы; а шремя по рѣкѣ Двинѣ чрезъ Лифляндію (*). Ладога, по своему мѣстоположенію, получала большую выгоду отъ торговли. Въ XVI вѣкѣ Шведамъ, Лифляндцамъ и сѣвернымъ Нѣмецкимъ народамъ позволялось прѣзжати въ Россію для торгу полько въ Новгородъ (**). Сіе постановленіе было полезно для Ладоги: она отъ того могла принимати большое учасіе въ сѣверной торговлѣ, которая обогащала Россію иностранными издѣліями, вымѣнивая оныя на

(*) Geschichte des Hnnseatischer Bundes von Sartori. 2 Bänder. Göttingen. 1803.

(**) Herberstein: Commentaria rerum Moscovitarum edit. 1600 Francofurti p. 42.

спроевой лѣсъ, мѣха, пеньку, соль и хлѣбъ. Хопя Ладога неоднократно видѣла подѣ своими стѣнами непріятелей, неоднократно была ихъ жершвою, испребляема огнемъ и мечемъ, но и нынѣ еще существуешъ въ бѣдныхъ, стѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнныхъ, оспашкахъ.

О семь городѣ часпо упоминаешся въ Сагахъ (*) и у сѣверныхъ писателей подѣ именемъ Алдейгоборга, въ коемъ будно бы многіе Россійскіе Князья имѣли свое мѣшпопробываніе. По разсказамъ сихъ Сагъ, во время Владиміра, Эрикъ Ярль (**), производя съ Скандинавами разбои по Восточнымъ берегамъ Балшійскаго моря, пришель съ сильнымъ флотомъ къ Ладогѣ. Онъ взялъ городъ, сжегъ оный, умертвилъ многіхъ жителей, разорилъ крѣпость и

(*) Сагами называющся историческія и вымышленныя Исландскія повѣсти.

(**) Ярль былъ поже, что Вице-Король: онъ предводилъ арміею и во время болѣзни, отъѣзда Государя, или по другимъ причинамъ, именемъ его, производилъ судъ. Н. М. Карамзинъ (ш. 1 стр. 321) сіе слово перевелъ: *Принцъ*

производиль въ Россіи великія опустошенія. Весьма шрудно опредѣлишь, когда сіе случилось: по нѣкоторымъ догадкамъ можно вывести изъ нашихъ лѣтописей, что сіе произшествіе случилось въ томъ году, когда нѣкоторые Варяги, недовольные Владиміромъ, ушли въ Константинополь. Въ самыя древнія времена Готландскіе купцы имѣли здѣсь церковь Св. Николая съ кладбищемъ и лугами. Въ 1114 году Ладога перенесена ближе къ рѣкѣ, и, по повелѣнію Князя Мспислава, окружена каменными стѣнами. Въ 1164 году приходили Шведы на бо судахъ опустошашь ея окрестности, но были опражены съ великою поперейо. Въ XIII столѣтіи Ладожскіе жители давали медъ и рыбу для стола княжескаго, особенно изобилуя оными (*). Въ 1214 году Шведы сожгли Ладогу, а въ 1337, помогая Кареламъ, побили многихъ Ладожскихъ купцевъ и сожгли предмѣстіе города.

Старая Ладога, опшшая отъ Новой въ 12 верстахъ, называется нынѣ селомъ Успенскимъ; въ ней двѣ церкви: ка-

(*) Исторія Рос. Государства. Т. IV, стр. 95.

менная и деревянная; онъ находящся въ Рюриковомъ замкѣ, первая построена во имя Св. Велико-мученика Георгія, а послѣдняя во имя Св. Велико-мученика Димитрія. Въ олшарѣ каменной церкви существуетъ надпись, изъ которой видно, что въ 1618 году Юня 2 дня, воздвигнутъ на церкви крестъ; почти на всѣхъ стѣнахъ сего храма изображены лики угодниковъ, нынѣ едва примѣшныя; кромѣ многихъ образовъ, особенно достоинъ замѣчанія, по древности своей, образъ Божіей Матери. Въ Ладогѣ два монастыря: Мужеской (Никольской), въ коемъ живутъ два монаха, а въ Женскомъ (Успенскомъ), существовавшемъ еще, какъ говоритъ преданіе, до прибытія Шведовъ въ Новгородъ, десять монахинь. Въ старой Ладогѣ считается нынѣ 40 домовъ и 60 душъ мужескаго пола. Здѣшніе мѣщане не имѣютъ собственной земли: они всѣ промышленники, иные торгуютъ, иные нанимаются къ купцамъ въ работники или прикащики.

Волховъ протекаетъ у самой Старой Ладоги. Наши лѣтописи повѣствуютъ, что нѣкогда по сей рѣкѣ развѣзжалъ славной

богатырь Волхвъ, сынъ князя Славена, пришедшаго въ Сѣверную Россію и поспроившаго Славенскъ. Имя Волхвъ дано ему по его чародѣйству, а и имъ передано Волхову, который прежде назывался Мутною, вѣроятно отъ цвѣту своей воды. Превращаясь въ крокодила (*), разбойничалъ онъ по сей рѣкѣ и силою своего чародѣйства производилъ ужасныя и удивительныя дѣйствія. По смерти признали его Боже-спвомъ и, опправивъ надъ нимъ Тризну, воздвигли надъ прахомъ его великій курганъ на берегу Волхова. Нынѣ сія рѣка распроспранила свое печеніе, ибо бревны, которыя кладены для связей на стѣнахъ Рюрикова замка, находяшся уже въ водѣ.

(*) Подъ именемъ крокодила не должно ли разумѣть Дракона? Извѣстно, что военные корабли въ самыя древнія времена назывались въ Даніи Драконами, пошому что у нихъ на носу была драконова или змѣиная голова, а на кормѣ острый конецъ на подобіе хвоста. Дан: Истор: Сума. Suhms Ildtog of Danmark, Norges og Holstens Historie Kibenhavn 1813 p. 13.

Новгородцы, для защищенія торговли и для огражденія Республики отъ непріятельскихъ набѣговъ, построили около Ладожскаго озера нѣсколько крѣпостей: Копорье (1280), Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ (1295) и Новую Ладогу (*); Шведскія же крѣпости Карелу (Кексгольмъ, построены Шведами 1295) и Ландскрону или Ниеншанецъ (въ С. Петербургѣ селеніе Охта, опустошено въ 1301) разорили. На полуостровѣ, называемомъ Медвѣдца, гдѣ теперь соборъ Николая Чудотворца, въ древности существовалъ монастырь. Олеарій, въ своемъ путешествіи (въ 1634 году), пишетъ (**), что одинъ монахъ изъ сего монастыря вышелъ на встрѣчу посланнику и поднесъ ему въ даръ хлѣбъ и сушеную рыбу. Онъ ничего не говоритъ о монастырѣ, но только удивляется погдашней дешевизнѣ, когда за три курицы плащили по 2 а за 9 яицъ по одной копейкѣ.

(*) Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода, Архіепископа Евгенія М. 1808 стр. 57.

(**) Reise Beschreibungen nach Muskau und Russien. Von Olearii. Hamburg 1696 in fol. p. 11

Городъ новая Ладога построень по повелѣнію ПЕТРА ВЕЛИКАГО въ 1709 году и населень ошчасни жипелями Сипарой Ладоги. Сперва обнесень онъ былъ валомъ, проспиравшимся на 272 сажени, коего ошшапки и шеперь еще видны при успьѣ Волхова. Большой Ладожской каналъ начали рышь въ 1719 году, Марша 22 числа, въ присушствіи ПЕТРА ВЕЛИКАГО, который самъ вывезъ при шележки земли. Въ 1724 году Государь провѣхаль по каналу на бошикъ, кошорой шянули мальчики, одѣшые въ бѣлое машпрозское плашье, чрезъ Ладогу до селенія Дубно, опспоящаго опъ города въ 24 верстахъ. Какъ бошикъ, шакъ и орудіе, кошорымъ Императоръ работалъ на каналъ, храняшся въ селеніи Дубно въ особенномъ спроеніи. По всему каналу ошкрылся ходъ въ 1731, а въ 1754 году работы совершенно окончаны. Новое успье Ладожскаго канала, што за церковнымъ валомъ, начали рышь въ 1766 году и окончили въ 1798 году. Сясской каналъ начашъ въ 1766, окончанъ 1802 году. Свирской же въ 1803 году, а работы окончаны 1809. При рытіи сего канала находили много окаменѣлостей.

и вещей, принадлежащихъ къ судоходству; на глубинѣ 6 футовъ отъ поверхности воды опрыли большой дубъ, а въ 43 верстахъ отъ Ладоги (на Загубскихъ Верешяхъ). на 9 футовъ нѣсколько оловянной посуды. Ладожскіе пески и найденныя вещи доказываютъ, что въ самыя древнія времена была здѣсь вода и Ладожское озеро разливалось на несравненно большее пространство. Берега озера примѣрно мѣлководны, такъ какъ и берега всѣхъ морей, особливо же Балтійскаго. Въ среднихъ вѣкахъ на берегахъ сего послѣдняго были многія хорошія гавани, куда приспавали большіе корабли, нынѣ рыболовъ едва впаскиваетъ шуда свою лодку; по сему весьма трудно опредѣлить, по нынѣшнему состоянію береговъ, древнее положеніе гаваней и городовъ. Кажется, что Спарал Ладога стояла близъ самаго озера, потому что за нѣсколько верстъ отъ города начинаются пески или древніе предѣлы Ладожскаго озера. По Архангельской дорогѣ, и теперь еще, видѣнъ песчаной валъ, поросшій сосновыми и еловыми деревьями и паралельно простирающійся съ Ладож-

скимъ озеромъ. Опъ сего вала идетъ пологоспъ къ озеру, на которой вспрѣчаются шакой же булыжникъ, какимъ усѣяны берега озера. Посему-то сей валъ можно почеспъ древнимъ берегомъ онаго.

Ладога не имѣетъ никакихъ примѣчательныхъ строеній. На мѣспѣ, гдѣ находится нынѣ соляной, винной и провіантской магазейны, спожь прежде большой деревянной, выкрашенный синею краскою, дворецъ Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, въ которомъ она жила, будучи еще Великою Княжною. Пропивъ сего строенія сущеспвовалъ другой Дворецъ съ рощею, въ коемъ въ 1785 году оспанавливалась ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА. Въ Ладогѣ считаеся 1125 душъ мужескаго, 450 домовъ и 5 церквей, изъ коихъ одна построена Суворовымъ и находится при самомъ въздѣ въ Ладогу. Въ семь городѣ бываесть 15 числа Августа ярмарка.

А. Р.

ДЕМУТЪЕ ВЪ ВИНЦЕНСКОМЪ ЛѢСУ,

или

ПРИМИРИТЕЛЬ.

Если природа скупа къ однимъ въ ма-
 лѣйшихъ преимуществвахъ ума и сердца
 и кладеть на черпы ихъ печать отвер-
 женія, то напрошивъ она изливаеть на
 другихъ дары свои щедрою рукою, надѣляя
 ихъ всѣмъ, что можеть нравиться и вну-
 шаетъ любовь. Изъ числа ея любимцевъ
 былъ остроумный авторъ *Писемъ къ Эми-
 лии*, посвятившій пріятное и легкое перо
 свое счастью и образованію женщинъ. Слад-
 кая обязанность, ведущая къ славъ и не-
 возбуждающая зависти! Незъяснимое
 блаженство, всегда наполняющее душу,

находимое во всѣхъ семействахъ, блаженство, соупсвующее до дверей гроба и раждающее въ насъ умилишельныя воспоминанія!

Умъ и пріятности Демутье можно только сравнить съ кропками черпами его лица и съ неизьяснимою привлекапельностію его голоса. Взоръ его внушалъ довѣренность, уста не произносили ни одного слова, которое бы не возбуждало желанія познакомиться съ нимъ и не раждало чувства любви къ нему. Чуждый предосудительныхъ происковъ на поприщѣ словесности, онъ ограничивался малымъ кругомъ друзей, въ которомъ судилъ о своихъ соперникахъ съ снисхожденіемъ благонамѣреннаго писателя, знающаго прудныя обязанности автора. Онъ былъ спрогъ къ однимъ врагамъ истиннаго достоинства, беспресшанно завидующимъ возрастающей славы, для которыхъ малѣйшій успѣхъ есть казнь. Защищавъ отсутствующихъ, примирявъ обмануемыхъ самолюбіемъ, или увлеченныхъ раздоромъ — было числѣйшимъ наслажденіемъ сего любезнаго человека, ко-

шорый съ такою вѣрностію изобразилъ себя въ Комедіи, названной: *Примиритель*.

Онъ окончилъ сіе швореніе въ Винценнѣ, куда не рѣдко ходилъ пипшь молоко, для уполенія боли въ груди, кошорая часпо его мучила и во цвѣшѣ лѣтъ похипила у многочисленныхъ враговъ его. Комедія *Примиритель*, лучшее изъ его драммати-ческихъ швореній, опнимала у него даже и время опдохновенія. Онъ написалъ ее съ примѣпною легкостію, и долго поправлялъ, прежде изданія въ свѣтъ. Я не зналъ ни одного Литерашора, менѣе довѣрившаго соб-швеннымъ своимъ способностямъ. Успѣхи не полько не поселяли въ немъ само-надѣянности, но еще болѣе приводили его въ робостъ. Онъ часпо говорилъ, что ве-сьма прудно поддерживашъ заслуженную славу; однакожь, кшо лучше его умѣлъ скривашъ испинный паланшъ подъ завѣсою скромности опкрѣвленной и безко-рыспной, подъ видомъ проспосердечной веселости и милой привѣшпливости?

Въ Маѣ 1791 года назначень былъ день для чпенія *Примирителя* на Французскомъ шеашрѣ. Мысль сего шворенія была швма

счастливѣе, что въ это время Франція, и особенно столица ея, начинали чувствовашь вліяніе полипическихъ бурь, копорья вскорѣ повергли въ уныніе всѣ согласія общества. Но желаніе согласить умы хотя и было тогда намѣреніемъ похвальнымъ, но предспавляло въ тоже время опасности, не успрашавшія Демущье. Онъ слишкомъ хорошо зналъ людей — и, съ одной спороны, осперегался прикоснушья уже къ раскаленному углю, отъ котораго малѣйшая искра могла причинить опустошительный пожарь, а съ другой, одаренный вѣжною душою и добрымъ сердцемъ, онъ не могъ пріучить себя видѣть въ свѣтскомъ кругу однихъ враждующихъ родспвенниковъ, недовѣрчивыхъ друзей, уничиженное достоинство и высококомѣрное безуміе: словомъ самые грозные признаки ниспроверженія общественнаго порядка. И такъ онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе — предспавить на сценѣ характерь, благородное рвеніе и награду *Прилирителя*.

Наканунѣ назначеннаго чпенія, Демущье, взявъ свою рукопись, съ восходомъ солнца вышелъ изъ своего домика въ Вин-

ценнѣ, и во время прогулки по лѣсу намѣревался въ послѣдній разъ просмотрѣть сочиненіе, къ которому писалъ особенную привязанность. Въ уединеніи, при сіяніи прелестнаго весенняго утра, подъ юною сѣнію деревъ — свободное воображеніе способно открывать ошибки, часто ускользающія отъ взора самаго опытнаго литератора. Демутье перечисывалъ съ строгимъ вниманіемъ всю піэсу, рассуждалъ о ея планѣ, цѣли и ходѣ. Онъ мысленно переносился въ партеръ и судилъ себя, какъ неумолимый крипикъ, обязанный защищать честь словесности и опредѣлять достоинство писателей. Пройдя многія пропинки лѣса, онъ приближался къ пирамидѣ, помѣщенной посреди большой площади, отъ которой дороги идутъ къ разнымъ селеніямъ. Тамъ, упомянутый прогулкою, желая укрыться отъ зноя солнца, уже высоко поднявшагося надъ горизонтомъ, онъ садился подъ деревомъ, снова разсмаприваетъ каждый стихъ своей комедіи и восхищается надеждою успѣха. Вдругъ сладкія мечты его прерываются шукомъ карены, которая проѣзжаетъ ми-

мо его, останавливается на большой Сем-
 Морской дорогѣ — и молодой человекъ, воо-
 оруженный шпагою, выходитъ изъ кареты:
 смущенный видъ его показывалъ, что онъ
 приготоувился къ ужасному поединку. —
 Дѣйствительно, вскорѣ является въ коля-
 скѣ другой молодой человекъ, также воору-
 женный, въ кошоромъ все изображаетъ
 прошивника пераго. Оба посылаютъ сво-
 ихъ слугъ и, измѣряя одинъ другаго глазами,
 воспламененными гнѣвомъ, принимаютъ
 оборонительное положеніе. „Какъ!“ дума-
 етъ Демущье, — кошорый, проиходя отъ
 спараго офицера Королевской гвардіи,
 зналъ лучше другихъ законы чести —
 „какъ, бился безъ свидѣтелей! Причина
 ссоры должна быть или слишкомъ важная,
 или очень ничтожная.“ Онъ выходитъ изъ
 недоумѣнія, услышавъ, что одинъ изъ нихъ
 сказалъ другому; „не забудь нашего условія:
 одинъ изъ насъ долженъ насъ на мѣстѣ.“
 — „Я поже хопѣлъ себя напомнишь, опъ-
 вѣчалъ прошивникъ. —

Демущье, въ самую эту минупу пере-
 чищивая прекрасную сцену поединка, въ
 кошорой его *Примиритель* заспавляетъ

обнявшись двухъ раздраженныхъ соперниковъ, вмѣнилъ себѣ въ обязанность не быть нѣмымъ зрителемъ въ подобномъ обстоятельстве. Онъ подходитъ къ противникамъ, которые успремились уже другъ на друга, бросается между ними, удерживаетъ ихъ и говоритъ: „извините, милостивые государи, я осмѣливаюсь васъ остановить; не хочу препятствовать вамъ сразиться; но, видя, что вы исполняете такимъ образомъ спротивъ обязанности чести, не могу и я не исполнить того, что она, кажется, повелѣваетъ мнѣ въ эту минуту. — Удалились, отвѣчаетъ ему одинъ дикимъ и грознымъ голосомъ. — Кто вы, спрашиваетъ другой, и почему намъ препятствуете? — Я честный человекъ, смѣю увѣрить васъ; поступокъ мой безъ сомнѣнія спраненъ; удостойте меня выслушать и попомъ судите Я Демусъ, Липперашоръ — Какъ! вы Авторъ *Пуселъ къ Эмилию*? — Такъ точно: завтра на Французскомъ театръ я долженъ читать Комедию въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, которую я здѣсь поправлялъ: пѣса называется *Примиритель*.

Нравственная цѣль ея — соспоспѣть въ доказательствѣ, что изъ всѣхъ удовольствій, къ коимъ стремился благородный человекъ, ни одно не сравнится съ удовольствіемъ примирить друзей, раздѣленныхъ враждою. Случай привелъ васъ сюда въ самую минушку поржества моего героя. Не побуждаетъ ли это меня соединить примѣръ съ наставленіемъ? Не долженъ ли я употребить всѣхъ средствъ къ вашему примиренію? — Эти средства не существуютъ: одинъ изъ насъ долженъ погибнуть. — Насъ примирить! не возможно. Ипакъ, вы сразитесь; но, противъ вашего желанія, милосивые государи, вы будете имѣть свидѣтеля: онъ приметъ послѣднюю волю умирающаго, и будетъ руководствовать побѣдителя, коимъ, какъ обыкновенно въ подобномъ случаѣ, имѣетъ великую нужду въ другѣ.... Но если вы питаете ко мнѣ нѣкоторое уваженіе, если вы, подобно мнѣ, чувствуете что эта непредвидѣнная встрѣча есть нѣчто чрезвычайное и, кажется, повелѣваетъ мнѣ исполнить долгъ; то, конечно, не откажете въ милости, коимъ прошу онъ васъ. — Въ

какой милости? изъяснитесь скорѣе. — Прежде сраженія выслушашь моего *Примирителя*. Если дѣйствительно причина вашей ссоры такъ важна, что вы не можете примириться, то, по крайней мѣрѣ, я исполню священнѣйшую обязанность; но если поводомъ вашего раздора была или пылкость молодости, споль легко воспламеняющейся, или ошибка самолюбія, или ложная довѣренность предапелла: ахъ! позвольте, умоляю васъ, позвольте упопрѣбишь все для спасенія вашей жизни и не осуждайте на вѣчныя мученія того изъ васъ, который переживешь другаго!“

Выразительный звукъ голоса Демутше, благородное вдохновеніе, изобразившееся въ кропкихъ чертахъ лица его, произвели въ противникахъ такое дѣйствіе, копорому они съ великимъ прудомъ могли воспротивиться. — Они ошказывающъ, колеблюся и наконецъ, уступивъ его просьбъ, садяся подлѣ Демутше. Поэтъ, ободренный первымъ торжествомъ, одушевленный надеждою воспользоваться своимъ талантомъ для благороднѣйшаго подвига, воспламеняешся во-

споргомъ и читаешь съ пѣвнической
выразительностію. Съ какою силою от-
крывается онъ въ роль *Пришрителя* блескъ
этого острого ума, этого тонкаго на-
блюдателя приличій, копорый, не спра-
шась отважись на споръ, искусно из-
бѣгаешь, или благоразумно предупреж-
даетъ его! Съ какою точностію изобра-
жаетъ старинныя наследственные ссоры,
не однажды причинявшія разстройство и
отчаяніе семействъ! Уже постепенно у-
ничтожалась суровость на лицахъ слу-
шателей; но всего болѣе подѣисповало
на противниковъ описаніе дружбы дѣш-
ства, въ одинъ мигъ разрушенной и у-
ступающей мѣсто свое ненависти, изум-
ленной побѣдою, изображение двухъ ю-
ныхъ друзей, готовыхъ умершвить одинъ
другаго — и сіи стихи, въ копорыхъ ис-
тина споритъ съ чувствомъ:

Недоумѣніе причиною всѣхъ золъ:

Бездѣлка завсегда раздоры начинаешь;

Пошомъ щеславіе (а кто имъ не страдаетъ?)

Вдругъ сердцемъ овладѣвъ, его воспламенишь,

Сначала гнѣвъ въ душѣ бунтуешь и лицишь,

А тамъ спановимся и бѣшенства рабами.....

Но разумъ пусть блеснетъ оправдаными лучами—

Часть XIV. Кн. I.

4

И буря кончипся желанной пишиной,
И врагъ спѣшишь къ врагу съ опшверсною рукою.

„Конечно Дорсай не можетъ сомнѣ-
ваться въ искренной любви моей къ не-
му, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей,
не будучи въ состояніи скрыть своего
смущенія. — Докуръ знаетъ мою къ себѣ
преданность, опшвѣчалъ другой дрожащимъ
голосомъ и пощупивъ глаза, что бы не
вспрѣшишь взору своего прощивника. —
Но, сказалъ первый, подозрѣвать меня въ
вѣроломствѣ! Увѣдомить моихъ родщвен-
никовъ о долгахъ по игрѣ! — Называть кле-
ветникомъ самаго вѣрнаго друга! Счи-
пашь прещупленіемъ желаніе ошано-
вить его на краю пропасти! — Обходить-
ся со мною съ видомъ судьи, повелителя!
— Плащипъ за такую преданность угро-
зами и самыми горькими насмѣшками!
Такое оскорбленіе можетъ быть омыпо
только кровію. — Только смерщю можно
загладить подобную дерзосщъ. — И такъ,
сказалъ въ свою очередь Демуще, вопъ
причина вашей ссоры! Одинъ пощерялъ
въ игрѣ свое спокойствіе, свою щесщъ;
другой хочещъ спасти его отъ эщой па-

губной склонности и для эпаго вы
 жошѣли испоргнуть другъ у друга жизнь!
 Чшо значашъ вырвавшіяся изъ успѣ слова,
 когда сердце въ нихъ не участвовуетъ:
 ахъ, не обагряйте кровію рукъ, копорыя
 сполько разъ были сжимаемы одна дру-
 гою, позвольте соединить ихъ на моемъ
 сердцѣ, упоенномъ радостію! Никогда
 мой *Примиритель*, каковъ бы ни былъ ус-
 пѣхъ его, никогда не доставитъ мнѣ на-
 слажденія, равнаго тому, копорое чув-
 ствую въ эту минушу.

Сказавъ сіе, онъ заключаетъ ихъ въ
 свои объятія — и оба соперника, побѣжден-
 ные голосомъ столь сладкимъ, столь бѣ-
 дительнымъ и благороднымъ порывомъ
 истиннаго достоинства, обнялись и
 примирились. Демусше узналъ отъ нихъ,
 что они были единственною надеждою
 почтенныхъ семействъ, и безъ него; мо-
 жель бытъ, поселили бы въ нихъ уны-
 ніе. „Таковы дѣйствительно, воскликнулъ
 „Демусше, таковы пагубныя слѣдствія
 „поединковъ: родственники и убійцы и
 „жертвы — равно несчастны! Жестокая
 „истина, ужасная картина, копорой ча-

*

„сто не умѣють представить взорамъ
 „юношества и копорая, не вредя чести,
 „должна укрощать спраспи, быть по-
 „лезною нравамъ и челоѡчеству.“

На другой день *Примиритель* былъ
 чипанъ во французскомъ театръ. Еди-
 нодушное одобреніе ускорило его предста-
 вленіе, имѣвшее самый блистательный
 успѣхъ. Примиренные съ своими семей-
 ствами; увѣдомленными обо всемъ, опли-
 чались рукоплесканіями въ числѣ зрители,
 спекавшихся во множествѣ въ театрѣ.

Возможно ли не предаваться востор-
 гу, внушенному признательностию? Сіе
 сочиненіе имѣло множество представле-
 ній; и каждый разъ, когда *Дорваль* произ-
 носилъ стихи, обезоружившіе двухъ, столь
 яростныхъ и столь рѣшительныхъ со-
 перниковъ, *Демутье*, съ чувствомъ пріят-
 наго воспоминанія, мысленно переносился
 въ Винценскій лѣсъ и воображалъ себя
 подъ деревомъ, гдѣ имѣлъ первой успѣхъ
 его *Примиритель*.

Съ Франц. Н. Ф.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М И Н И Х Ъ.

(Элегія).

Края пустынные, безлюдная страна,
Гдѣ, подѣ жезломъ разгнѣванной Природы,
Не смѣешь на лугахъ разкинувшись весла,
Гдѣ, вѣчнымъ льдомъ окованныя, воды
Незримо капяшся въ безвѣспный океанъ,
Гдѣ изрѣдка безмолвіе смущаешь
Перелешающій съ сосны на сосну вранъ,
Гдѣ шопотомъ неровнымъ отшѣчаетъ
Угрюмый лѣсъ, когда оленей шабуны
Появляшся, порой, на шундрахъ мщисныхъ,
Гдѣ дикій Самоѣдъ ихъ ждетъ средѣ шишины
И слѣдомъ ихъ лешитъ на лыжахъ быспрыхъ!
Предѣлъ забвенія и славы и честей!
Какъ часто ты манишь воображенъе
Суровою красой невѣдомыхъ спешей
И въ мрачное уносишь отдаленъе!

Но чаще любить пламя задумчивый поэтъ
 Сидѣть съ мечшой подъ кровлей одинокой,
 Гдѣ видится ему напечатлѣнный слѣдъ
 Величіемъ въ судьбѣ своей жестокой.

Вспрѣчая мыслію въ пущинахъ сѣрый дымъ,
 Надъ юрпами прямымъ снолбомъ встающей,
 Гдѣ Тауда пихая зовешъ къ себѣ Пелымъ,
 Между береговъ утесистыхъ бѣгущій,
 Онъ остановился и съ любопытствомъ ждешъ
 (Бродя вокругъ несмышными глазами
 По снѣжной бѣлизнѣ), гдѣ взоръ его найдетъ
 Поникшія кровь надъ вепхими спѣнами.
 Забытое жилье въ незнаемой глуши!
 Развалины швой ему безцѣнны.

Онъ вопрошаетъ ихъ съ волненіемъ души,
 Какъ Стоикъ нашъ, судьбой непобѣжденный,
 Провелъ тушь дванцать лѣтъ, въ изгнаніи
 почтенъ,

Въ безславіи со славою завидной,
 Забвенный счастьемъ, молвою не забвенъ
 И ссылкой не приспыженъ поспыдной?

Близъ нихъ пропекшія воскреснутъ времена
 И оживешъ величіе прямое;
 Погибшія дадутъ свой годось племена
 И вызовутъ изъ гроба все бывшее.

Напрасно, скипешъ взявъ власпительной
 рукой

И гордую подвигнувъ колесницу,
 Богиня счастья по блага льешъ рѣкой,
 То мшящую проспешъ свою десницу;

Напрасно долный міръ порабощить спѣшитъ

И править имъ по прихотливой волѣ :

Мудрецъ на счастье съ холодношью глядитъ,

Хоть въ устахъ онъ, хоть на златомъ пре-
шолѣ.

Великая душа свершаетъ жизни путь,

Какъ дневное по небесамъ свѣщло :

Спускась за горизонтъ въ шуманахъ опдо-
хнущъ,

Оно землѣ въ любви не измѣнило !

Невѣдомымъ путемъ текутъ его лучи

И, темную позолотивъ планету,

Лампадой свѣшлою появився въ ночи

И тихій блескъ разсыплется по свѣту.

Не суетной шолпы гремящая хвала,

Не льстивая улыбка мощной власти

Зовущъ на поприще безсмертныхъ дѣла

И славныхъ воспевающихъ спраши:

Ихъ небо съ гордостью порой на землю шлепъ

Изъ тайнаго безсмертныхъ силъ жилища,

И пищей не земной величіе живетъ —

Лишь въ бышніи своемъ его вся пища.

Такъ жилъ въ изгнаніи философъ и герой,

Евгеній нашъ завоеватель Крыма,

Съ непобѣдимую, спокойною душой

На берегахъ пустыннаго Пелыма!

Высокія мечшны: геройство, слава, честь,

Отечества счастливыя побѣды,

Врагамъ неистовымъ погубельная мечь,

Въ докорности строптивые сосѣды —

И шамъ сіи мечшы не скрылись отъ него!

Онъ вождя въ бездѣйствіи пипали;

Въ прогулкахъ и шрудахъ, какъ друга своего,

Онъ вездѣ его сопровождали.

Кто былъ учаспникомъ въ сихъ сладоспныхъ
мечшахъ,

Кто раздѣлялъ возвышенныя думы,

Когда онъ новый путь на выпавшихъ снѣгахъ

Прокладывалъ въ кедровый лѣсъ угрюмый?

Онъ самъ себѣ былъ другъ! Забывши свой удѣлъ,

Въ жару души, прекрасныхъ мыслей полный,

Подъ игомъ времени, казалось, онъ юнѣлъ,

Презрѣвъ вражды буншующія волны.

Такъ вихремъ брошено зерно въ пустынный
боръ,

Созрѣвшее на нивѣ молчаливой,

Подъемлентъ новый снебль межъ одичалыхъ
горъ

Безъ помощи руки шрудолубивой.

И жизнь Великаго одною ли войной

Признапельнымъ потомкамъ драгоцѣнна?

Слеза, пролишая съ несчастною семьей,

Равно для нихъ мила и незабвенна!

Когда, свой кончивъ шрудъ, мудрецъ, въ сво-
бодный часъ,

Далекое селенье посѣщаетъ

И, молча, слушаешъ, не пронесетъ ли гласъ

Сшраданія: онъ насъ, шущъ научаешъ,

Что мы властители сладчайшихъ намъ утѣхъ,
 Что жребіи намъ отданы Судьбою
 И тайно покоренъ непостоянный смѣхъ,
 Что радости съ душевной тишиною
 И легкокрылое веселье нашихъ дней
 Не случая игра — онѣ созданье
 Ума высокаго, властителя спросей,
 И доблестей сердечныхъ воздаянье.
 Кусокъ, голодному опосланный пайкомъ,
 Убогому послѣдняя полушка,
 Ребенку мащери больной и первымъ сномъ
 Забывшейся любимая игрушка . . .
 Все, все невѣдомый вливаешь въ насъ покой,
 Суровую смягчая нашу долю:
 Мы примираемся съ могущею Судьбой
 И жизнь свою ей отдаемъ на волю

Шуми, кедровый лѣсъ, въ пустынной сторонѣ
 Надъ хижиной, подавленной сѣтями,
 Гдѣ пламенный герой, въ безвѣстной тишинѣ
 Не побѣжденъ былъ гнѣвными судьбами!
 Не разъ моя мечта на шумъ твой прилепишь:
 Пробудялся въ душѣ воспоминанья —
 И Муза вѣрная еще изобразишь
 Высокихъ душъ нѣмыя упованья.

Плетневъ.

~~~~~

В Е С Н А.

Какъ узникъ въ радости, покинувъ мракъ шем-
ницы,

Вспрѣчаетъ солнца лучъ златой.

Такъ я, освободясь изъ скучныхъ спѣвъ спо-
лицы,

Любуюсь юною весной!

Она живишь мой гласъ, и съ лиры молчаливой
Свѣваетъ тихо сладкой сонъ:

И звукъ въ нѣмыхъ струнахъ, какъ въперокъ
игривой,

Весны дыханьемъ пробужденъ!

Свѣсплѣй горишь заря на облакъ румянномъ

Передъ весеннимъ, яснымъ днемъ,

И джкихъ скалъ верхи, обвѣшны шуманомъ,

Сіяють радужнымъ огнемъ!

Съ лазорешкиъ небесъ гусиная скрылася плути;
 Спада бѣгушь съ весельемъ въ лугъ;
 А шамъ уже воли чрезъ пни и пернъ колючій
 Влекушь по нимъ ржавый плугъ.

*

Ручей журчишь— и ледъ, въ волнахъ его сверкая,
 Вдали скрывается опъ глазъ;
 И въ зеркалѣ воды паспушка молодая
 Свой образъ видишь въ первый разъ.

*

Но роза вѣжная разцвѣсть еще не смѣешь
 Среди обшавшихъ снѣговъ,
 И упреннй морозъ на муравъ бѣлѣешь,
 И въ роцѣ слышенъ шумъ вѣшровъ.

*

Природа, мнишь мнѣ, обявшися съ весною,
 Боишься, что опашь взойдешъ
 Зима на льдисный пронъ, и хладною рукою
 Вѣнокъ съ чела ея сорвешъ.

*

Такъ дѣва робкая помнишь ожиданьемъ:
 Глаза красавицы въ слезахъ,
 Но вошь уже видна съ опраднымъ упованьемъ
 Улыбка на ея услахъ!

*

Все скоро оживесть: гласъ горлицы унылой
 Наспроиштъ вновь любви попка,
 И юноша поидесть искаше подругъ милой
 Въ долину первого цвѣшка.

*

Древа покрюють холмъ гостеприимной тѣнью,
 Гдѣ я опъ зноя отдохну;
 Но памъ найду ль приюштъ мечпамъ и насла-
 жденью,
 И возвращу ль свою весну? . . .

*

О юности дней моихъ! Поспой изъ соспра-
 данья!
 Съ шобой я радостью дышалъ,
 И, жишель счастливый въ странѣ очарованья,
 Съ весною вмѣстѣ воскресалъ!

*

Теперь, опъ милыхъ мнѣ мечпаній пробужденный,
 Жалью, что проснулся я,
 И съ гимномъ радостнымъ природы оживленной
 Вновь не сольешся пѣснь моя!

А. Крыловъ.

Б Д Ъ Н І Е.

Одинъ съ любимою мечшою
Въ свѣщлицѣ я сидѣлъ:
Свиспала буря надо мною
И глухо дождь шумѣлъ.

Ужъ поздно было; ночь сгустилась;
Но сонъ бѣжалъ очей:
О дняхъ минувшихъ пробудилась
Тоска въ душѣ моей.

Увижу-ль всѣхъ поля родныя?
Увижу-ль васъ, друзья?
Губя печалью дни молодые,
Примѣшно вяну я.

Грущу сегодня — завтра поже:
Межъ нѣмъ бѣдѣешь свѣшь.
Давно-ль покинуль васъ, и что же?
Двоихъ ужъ въ мѣрѣ нѣтъ!

И мнѣ назначена могила...

Умру въ чужой странѣ!

И легкомысленная Лила

Не вспомнишь обо мнѣ!

Душа спѣснилася плоскою;

Я грустно онѣмѣлъ;

Оперся на руку главою,

Въ окно не зря глядѣлъ.

Очнулся я: румянъ и свѣшелъ

Ужъ новый день сіялъ —

И звучной пѣснью громкой пешель

Мнѣ утпро возвѣщаль.

Е. Б.

Т О С К А.

Давноль разспалась я съ младенчеспвомъ иг-
ривымъ,

Давноли въ радости и счаспїи цвѣла?

И вошь моя душа, внемля надеждамъ льспи-
вымъ,

Меня въ пучину золь и бѣдспвій унесла!

Веселосшь милая любимицу забыла;

Надъ юной пушницей навѣсился шуманъ,

И прежнихъ радоспей знакомое свѣпило

Не озаришь лучемъ опраднымъ океанъ.

О дни младенчеспва, куда, куда вы скрылись?

Какъ госпи добрые безвремени ушли,

И грозной пучею слѣды забавъ зашпились

И удовольспвіе заботы унесли!

Весна прелеспная! Давноль пы восхищала,

Давноль меня сеспрой съ улыбкою звала,

И я величїя призыву не внимала,

И не мрачилъ шуманъ веселаго чела?

Тамъ злочною брега обвѣшы пеленою,
 Тамъ аромашами все нѣжило меня;
 Ласкаема забавъ безпечною шолпою,
 Не знала я шоски сердечнаго огня.
 Повсюду радости наперсницей бывала;
 Но тучи бѣдствія сгустились надо мной,
 Среди забавъ меня задумчивость заснала
 И скрылся шы отъ глазъ, веселій рѣзвый рой!—

М. Калѣ.

ВЪ АЛБОМЪ.

Бы слишкомъ многими любимы:
Знашь наизусть ихъ имена
Черезъ чуръ обязанность трудна —
Сии листки необходимы!
Они не нужны были вспарь:
Въ пошь грубой вѣкъ, въ пошь вѣкъ холодной
Не знали дружбы новомодной;
Сердечной Адресъ-календарь
Почли бы выдумкой негодной.
Что полковашь объ шаринѣ!
Спихи гоповы — можешь спашься,
Они для справки обо мнѣ
Вамъ очень скоро пригодятся.

Е. Б.

ЭПИТАФИЯ

Ф. И. АХВЕРДОВУ.

Почтите, граждане, слезою
Почиющій Ахвердова здѣсь прахъ:
Онъ жилъ для общаго покою,
И долженъ жишь у насъ въ сердцахъ.

А. Тюльпинъ.

Тифлисѣ.

С М Ъ С Ъ.

~~~~~

О ДРЕВНОСТИ ФИНИКІЙСКАГО АЛФА- ВИТА.

*Письмо Графа Вольера къ Графу Лан-
жюине.*

~~~~~

(Изъ Revue Encyclopédique).

~~~~~

Сочиняя книгу о Европейскомъ алфави-
тѣ, которой начало вы одобрили, любезный
сопосадище, и разсуждая о свойствѣ и
основаніяхъ алфавита вообще, я нечаянно
подумалъ, какая была первая побудитель-
ная причина сего изобрѣшенія, по истинѣ
необыкновеннаго, какимъ образомъ достигъ до
пого умъ перваго изобрѣшателя, и пошчасъ
имя Кадма пришло мнѣ на мысль. Не смотря
на увѣренія стихотворцевъ и историковъ, по
крапкомъ размышленіи, я убѣдился, что чело-

*

вѣка сего имени никогда не существовало. Довольно прочитавъ наполненные высокомеріемъ повѣствованія ихъ, дабы узнать одну изъ шѣхъ-басень и кабалистическихъ загадокъ, подъ завѣсою копорыхъ древніе Астрологи почитали обязанностію и злымъ удовольствіемъ скрывать отъ непосвященныхъ прослоудиновъ шайну ихъ науки, подобно искапелямъ золота, начавшимъ съ тогоже времени по ихъ слѣдамъ заниматься Алхиміею. — Но я сомнѣваюсь, чѣмъ мои догадки могли бытъ основаны на какомъ нибудь доказапелствѣ хронологическомъ; впрочемъ я читалъ басню о Кадмѣ въ древнихъ миеологахъ и ихъ оспроумномъ новѣйшемъ исполкованелъ (1). По странному случаю, когда я слѣдовалъ мыслями за предметомъ, отъ меня убѣгающимъ, другой, котораго я совсѣмъ не искалъ, предспавился мнѣ, и возбудилъ мое лкбопышство. Въ Греческихъ писапеляхъ находитса много варварскихъ именъ и словъ, коихъ они сами не понимали; я разбиралъ сіи слова и нашелъ, что оныя суть чистыя Финикійскія, совершенно выражающія мысль. Конечно сей случай не новъ, онъ замѣченъ уже, вы сами знаете, во многихъ миеологическихъ книгахъ; но здѣсь, какъ и шамъ, смѣ

(1) Смолри книгу Дюпюи (Dupuis) *оглавленіе предметовъ въ словѣ Кадмъ*.

ведеть къ заключеніямъ, кои мнѣ кажутся новыми и доспойными вниманія любительей древности.

Вмѣстѣ съ ними вы согласилесь, любезный соповарищъ, что Финикійское нарѣчіе, подобно Еврейскому, Халдейскому и Сирійскому, было одно изъ многочисленныхъ діалектовъ сего древняго и богатаго языка Аравійскаго, копорый ошъ времяъ неизвѣстныхъ господствуетъ въ югозападныхъ странахъ Азіи: и пошому-шо доказываютъ что: „Kadm—os значить *востокъ, восточный* — „Справедливо; но относительненью Греціи, человекъ пришедшій изъ Тира и изъ Египетскихъ Фивъ былъ *южный, а не восточный*; да и черныи цвѣтъ его шѣла заставлялъ почиташъ его Африканцемъ, кой споль отличны ошъ жителей малой Азіи. Не можно также оприцать, чтобы сіе самое слово Kadm—os не означало того, что *идетъ впереди, что предшествуетъ, возвѣщаетъ, что означаетъ въстника, всѣ свойства, приписуемыя Меркурію, вѣстнику Боговъ, начальнику великаго Египетскаго обряда* (описаннаго Климентомъ Александрійскимъ). Далѣе, шикъ какъ Меркурій подъ именами Гермеса, Таупа и проч. у древнихъ, даже и у Санхоніатона, почитаемся и зобръшашелемъ буквъ; шо здѣсь можно думать, что Кадмъ еспъ одно изъ его именъ. Во всѣхъ

домъ случаѣ очевидно, что это слово финн-кѣйское, а этого для меня теперь пока довольно.

Kadm—os есть сынъ *Агенора*, царя Тирскаго. По гречески *Агеноръ* значить *сильный*, отличительное свойство *Геркулеса*, признаннаго *Солнцемъ* и даже богомъ, который царствовалъ въ Тирѣ. По финн-кѣйски *now* значить *свѣтъ*; слогъ же *ag* отдѣльнаго значенія не имѣлъ, а только соспавлялся съ другими.

Kadm—os имѣлъ сестру *Европу*: эта вымышленная женщина похищена *бѣлымъ телцомъ* (принимая имя сіе какъ созвѣдіе), который есть метафора *Юпитера солнца* во время весенняго равноденствія. — Телецъ похититель мгновенно переплываетъ Средиземное море, неся на хребтѣ Царевну Европу въ западныя страны, кои и получаютъ отъ нее свое названіе.

Уже всѣ согласны, что *Европа* означаетъ Луну; я присовокуплю, впрочемъ не утвердительно, что означаетъ шу луну, которая въ эпоху, когда телецъ былъ весенняго равноденствія, имѣла съ нимъ соединеніе особеннаго свойства. Въ шопъ же самый годъ, когда солнце весною приходило въ знакъ *тельца*, осенью оно вслупало въ знакъ *сѣсовъ*: тогда луна уже полная, приходила вечеромъ въ знакъ

пелъца, находясь какъ будто на его шеѣ или хребтѣ: вопшъ важное обспояпельство для аспрологовъ и для народа, покланявшася звѣздамъ. — Всякую ночь видѣли воздушное плаваніе двухъ боговъ, кои достигнувъ горизонша запада, скрывались за предѣлы Среди-земнаго моря. — По финико-еврейски *m' arab* значить *западъ*, коренное слово (*arab*), которое здѣсь управляетъ другимъ словомъ, могло бытъ именованъ сущеспвипельнымъ и произвеспи совершенно слово *oroub*. Мы поищемъ другаго значенія.

Эпопшъ *равноденственной телецъ*, копорымъ начинался годъ прежде овна *Aries*, предспавлялъ важное лице у древнихъ. Въ Японіи сущеспвуетъ его изображеніе: онъ предспавляетъ открывающимъ лице міра своими золотыми рогами. Въ Италіи поэпы совсѣмъ не кспашп сказали (1) *Candidus auratis aperit cum cornibus annunt*. Сей пелець былъ быкъ *osyr—is*, произносимый Греками *osour*, и по финикійски *helour* (2) значить шелець. Также былъ быкъ *bacchus*, копорый въ семь случаевъ и у насъ имѣетъ шоже значеніе. — Сіе имя (*bacchus*) еще не изъяснено. Плущархъ повѣспвуетъ, что Греческіи женщины Элиса, воспѣвая древніе гимны, оканчивали каждую спро-

(1) Наши поэпы еще и теперъ воспѣваютъ овна, копорый уже не считается знакомъ болѣе 2200 лѣтъ.

(2) I изображаетъ букву *ch*.

Фу нѣсколько разъ повторенными словами: *достойный телецъ, достойный телецъ*. Сіе слово *достойный* не есть обыкновенное прилагательное имя: по финжкійско-еврейски *достойный* называется *iaħ*; Греки, у коихъ нѣтъ буквы *h*, употребили вмѣсто оной *x*, копорая дѣлаешь выговоръ гораздо сильнѣе, и говорятъ *iaħħoc*, а у Лашинцевъ называется *iaschus*; но если *u* и *i* Лашинскія когда либо перемѣнились, какъ въ *optimus, maximus*; (•) поначали слово сіе произносишь *iasche, iaħħi* и по сходству *ie* съ *be* произошло *baschus*. Удивительно, что и женскій родъ сего слова значить шлица *басса, васса*. — Воишь какимъ образомъ слово сіе, древнее Лашинское, могло вмѣстѣ съ религіею перейти ошъ иносрапцовъ.

Всегдашнее прилагательное *Бахуса солнца* есть *pater отецъ iaō—piter*; по Финикійски ошець называется *abou*, попомъ, когда *b* сдѣялось *oe*, также удобно какъ и изъ *a, e*; пославное имя *éobé* не могло ничего другаго значить, какъ ошець мой. — И почему всегда *liber* (*pater*)? Я размышлялъ о семъ и нахожу, что *свободный* есть синонима выраженій: *илъющій расторенутыя узы, скинувшій одежду*, и по Финикійски поже коренное слово (*nàtir*) значить вмѣстѣ и *платье, скинутое платье*,

(•) Ибо въ шаряву слова сіи произошли *optimus, maximus*.

имѣте свободные члены: *solutis vestibus*; да и въ спранѣ жаркой пляска, во время собиранія винограда, даже ночью пребывала, чшобъ члены были свободны: *nunc est saltandum, nunc pede libero pulsanda tellus*. Изъ сихъ-то поняшій и выраженій, взяпыхъ съ природы физической, произошло ошвлеченное слово *solutus*, невоздерживый (по французски *dissolu*).

Но почему быкъ естъ знакъ и богъ собиранія винограда? Пошому, чшо въ сию древнюю эпоху, солнце, весною, находясь въ знакъ *тельца*, закрывало оный; осенью, переходя на 30 дней въ знакъ *вѣсовъ*, оспавляло небо ночью сему самому шельцу, коего блестящія и во многомъ числѣ находящіяся звѣзды, казалось, начальствовали надъ играми народа, кошорый, упомившись зноемъ дня, ошдыхаль ночью, или покоясь, или за пляскою. Въ шакомъ климашѣ луна сего мѣсяца долженствовала быть божешвомъ *тихимъ*, *милостивымъ*, *благоклоннымъ*. Да и финикійское слово *âreb* или *orob*, ошъ коего произошло имя *Европа*, имѣеть сѣмъ различныя знаменованія, а наиболѣе оно значить *проводитъ вѣтеръ*. Здѣсь заключаешся сходство княжны Европы съ шелицею *Jo*, похищенною также шельцомъ *Jupiter*, ибо сие слово *Jo* естъ финикійское *iah*, означающее *достойный, прилитный, прекрасный* (*прекрасная луна, присоединенная къ шельцу, какъ его супруга, какъ шелица*).

И шакъ вездѣ безпрестанно встрѣчающ-
ся финикійскія слова. Но это еще не все:
Кадмъ слѣдуя, (на небо) за Европою, приходитъ
къ одной пещерѣ, раселинѣ, называемой
agimé, въ коей нечисливый Тифонъ хранилъ
похищенный имъ громъ Юпитера (*Ju — piter*)
обезоруженнаго. Дабы возвратишь оупъ Тифо-
на громъ, богъ дѣлаешъ съ Кадмомъ заговоръ,
для произведенія коего въ дѣйство, сей по-
слѣдній снимаешъ съ себя одежду, обнажаетъ-
ся, и надѣваешъ другое платье. — Хипросъ
имѣла успѣхъ, но слѣдствіемъ шого былъ у-
жасный ударъ въ природѣ.

Къ тому же по Финикійски слово *agimé*
чрезъ *ain*, значить *хитрость, нагота*: и если
Греки по обыкновенію опкинули оупъ сего слова
и начальной (*h.* швердой), шо оно и должно бы-
ло писанъся *haram* или *harim*, кошорое слово
означаешъ мѣсто проклятія, разрушенія, опу-
стошенія; все это равно сему приличешву-
ешъ: Финикійскій поэтъ могъ употребишь по
своему произволенію сіи однокимьяныя слова
(*homonymies*).

Возстановивъ порядокъ или *гармонію*,
изъ кошораго слова сдѣлали богиню, Кадмъ,
женившійся на ней, хочешъ заклашь шелицу
(которая сдѣлалася уже не нужною: она кон-
чила мѣсяцъ); ему нужна была вода для жер-

пивоприношенія (1) и ищеть оной въ источникѣ *dirké*, защищаемомъ *полярнымъ* дракономъ. По Гречески *dirké* значить источникъ: для чего такой плеоназмъ: источникъ коему и имя также источникъ? — Но сіе слово *dirké* не было ли собственнымъ именемъ, сохранившимся въ оригинальной финикійской повѣсти? — Въ финикійскомъ языкѣ есть слово *irk*, которое въ родительномъ падежѣ принимаетъ Сирийскую букву *d* и дѣлается *dirké*: да и *irk* значить вмѣстѣ *ладья*, *средостолбіе* колонны, *подсвѣчника*, *петлю* дверную, а наиболѣе *полусѣ*. Пишутъ о Скиѣахъ, что народъ сей пришелъ съ *Safoun* (*Сѣверѣ*); многочисленное поколѣніе его родилось изъ *ладвей* земли: такое изображеніе кажешся для насъ страннымъ; но если разсудить, что *ладья* имѣеть фигуру колонны, къ верху мало по малу суживающейся; что такой же фигуры были оси въ древнихъ колесницахъ; что на небѣ полярную точку всегда почитали *осью*, около коей обращаются различныя созвѣздія, какъ *колеса* (*Septem-triones*, колесница Давыдова); — то можно догадаться, что здѣсь выраженіе взято съ простиго и даже грубаго наблюденія природы. Истина неоспоримая, что многія слова и вещи, взятыя оплеченно, имѣють подобныя значенія. Вы сами, любезный со-

(1) Смощр. Дюжюи т. 3. in 4. стр. 40.

поварищъ, не замѣтили ли при моемъ пособіи, что въ древнемъ нарѣчій *Санскрита*, въ семъ языкѣ народа *Синьскаго*, который сами *Египтяне* почитали соперникомъ въ древности (†), не замѣтили ихъ вы, что сія славная гора *Меру* (*Mérou*) есть ничто иное, какъ *лядвезъ и полюсъ Сѣвера*.

Эпо еще не все; здѣсь мы имѣемъ ключъ къ другой загадкѣ, ни къмъ еще не разрѣшенной. — *Мифологія* повѣснваетъ, что *Юпитерь* спряналъ въ свою лядвезю молодого *Бахуса*, родившагося прежде опредѣленнаго времени (въ началѣ 7 мѣсяца). Предположимъ, что изъ числа двѣнадцати лунъ, кои *солнце* посѣщаетъ всякой годъ, находящаяся во время лѣшняго поворота солнца, понесла *генія солнечнаго*, опредѣленнаго къ какой-то астрологической роли. Сей *геній*, достигнувъ поворота зимняго, имѣетъ только 6 мѣсяцовъ отъ своего зачатія, однако, какъ совершенное солнце, онъ воспріялъ путь рожденіе, съ котораго и начинается его годовая оборота. Познъ не могъ ли, изобразить, что, бывъ тогда *скрытъ въ полюсъ* (сѣверномъ), онъ былъ *скрытъ въ лядвезъ неба* (iou — piter) — въ шеченіе прехъ мѣсяцовъ, остававшихся ему для достиженія весенняго равноденствія, въ которое рождается *Бахусъ въ ногѣ быка*? Эпошъ

(†) Смощр. Геродота Кв. II.

Вахусъ есть здѣсь сынъ *Семелы*, дочери *Кадмоу*, рожденный близъ *Зибѣ*: онъ принимаетъ имя *Dio* — *pidios*. По финикійски, *nahl* и *puhl* значить змѣя (богъ змѣй). У Діодора *Кадивъ* есть не иное что, какъ созвѣздіе *Зміеносецѣ*, которое представляющъ гениемъ, держащимъ длинную змѣю, отъ чего и дано ему названіе по Гречески *Orhiukos*. Но сіе происходитъ не отъ Греческаго; ибо, хотя *aphis*, на семъ языкѣ значить змѣя; но финикійское слово *aphā* и *aphé* имѣеть поже значеніе и долженствовало имѣть оное прежде.

Другое названіе змѣи вообще по финикійски есть *mtl.* или *temel*. Если къ сему слову прибавишь членъ *he* (поже что на Французскомъ *le*), будетъ *hermel* (змѣя), то есть имя Меркурія по Гречески, на которомъ языкѣ оно не имѣеть другаго корня; и Меркурій, держащій *Кадущей*, изъ двухъ змѣй составленный, и почишающійся изобрѣшашелемъ буквъ, пошъ же самый *Кадивъ* *Зміеносецѣ*. —

Онъ, продолжая свое печеніе (на небѣ), приходитъ на вершину одной высокой горы, споймъ на ней *Египетскія* *Оисы* по мнѣнію однихъ, *Беоцію* по мнѣнію другихъ, и ни шу, ни другую, по мнѣнію самаго повѣщавшаго; ибо спихотворецъ *Ноннцѣ*, списывашель древнихъ (1) ясно доказываетъ, что

(*) Смощр. Дюльм ч. 3. in 4. стр. 40.

сей городъ значить *небо*, говоря, что оный имѣлъ видъ круглый, что вмѣсто воротъ было въ немъ семь *мѣстъ для отдыха* (stations), носившихъ имена семи планетъ; и для раздѣленія чешыре большія улицы, кошорыя сходились къ чешыремъ равнымъ почкамъ и проч. Но, что означаетъ названіе *Тисви*, неимѣющее на Греческомъ никакого знаменованія? — Я примѣчаю, что оно всегда во множественномъ числѣ *Thebai Thebae*, но никогда въ единственномъ. *Th* соинвъспивуешъ многимъ финикійскимъ буквамъ, между прочимъ *tsade* или *sad* и *schin*. Финикійское слово *zabá* значить все, что *блеститъ, какъ звѣзды* ночью, какъ *оружіе* на полѣ сраженія: Сабиняне, поклонявшіеся звѣздамъ, получили отъ него свое имя: но городъ *Thebai* могъ бы означить *Люми-неръ* и. е. городъ звѣздъ.

Съ другой стороны *leba* (чрезъ *chin*) и *lebai* значить число *семь*, а иногда даже вообще семь планетъ и семь сферъ; въ семь случаевъ *Thebai* могло бы значить *городъ планетъ* (небесный), и по обыкновеніямъ древнихъ почтапелей звѣздъ непременно должно бы быть во множественномъ числѣ. Сіи небесныя *Тисви* были образомъ *Тисв* земныхъ, раздѣленныхъ подобно первымъ. Но я спѣшу окончить.

По мнѣнію Финикіянъ, *Кадидъ* сражаешся съ полярнымъ дракономъ, убиваешъ его, вы-

нимаешь у него *зубы* и садишь въ бороздахъ (вспаханныхъ быкомъ). Изъ зубовъ сихъ рождаются вооруженные люди, кои сначала сопровождаютъ его, потомъ убиваютъ другъ друга, исключая *пяти*, оставшихся въ живыхъ. По мнѣнію другихъ „сія существа, рожденныя въ бороздахъ, суть змѣи, коихъ онъ самъ „убиваешь, по мѣрѣ, какъ онъ рождаются.“ — Такіе рассказы суть ничто иное, какъ загадка, основанная на томъ, что въ финиійскомъ языкѣ есть много словъ, имѣющихъ различныя значенія, изъ которыхъ поэтами составлены двусмысленности. Такимъ образомъ *zen* — зубъ значишь также годъ, *seneh*: — *áwrah*, борозда во множественномъ *áwraut* значишь тоже, что и *áwn*, время; или *áin*, все что имѣетъ *круглую фигуру глазъ, тела головы, солнце, кругъ*, откуда произошло Латинское слово *ann* — *us, annulus* кольцо. Хотя подлинный смыслъ сихъ словъ не опредѣленъ, но догадываются, что *зубы* дракона суть дни года, которые убиваютъ (смѣняются) другъ друга, по мѣрѣ рожденія своего, исключая *пяти*, кои означаютъ пять *эрагонъес*, положенныхъ сверхъ числа 360, составлявшихъ годъ древнихъ. Если Кадмъ сражается, *побѣждаетъ, убиваетъ* полярнаго дракона; а *побѣждаетъ* значишь *превозмогъ, одержать верхъ*; *убиваетъ* значишь *сдѣлать конецъ, окончить*; по все сіе случается

въ печеніе года съ созвѣздіями И такъ вездѣ находимъ безпрестанно финикійскія слова.

Очень хорошо, скажете вы, любезный сошваричъ; но какое отношеніе имѣешь все это къ алфавиту? — Вотъ какое:

Если доказано, что басни миео — аспрологическія древнихъ Грековъ, наполнены словами, принадлежащими къ нарѣчію *нижней Азии* Халдео-Финико-Арабскому; что сіи слова въ почности выражаютъ предметъ, ими означенный; что мѣста и лица, въ сихъ драмахъ встрѣчающіяся, принадлежатъ наиболѣе симъ самымъ странамъ; то не имѣемъ ли мы права заключить: 1) что басни и драмы сочинены были на языкъ Финико-Арабскомъ, 2) что изъ нихъ соснавились поэмы, болѣе или менѣе правильныя, въ родѣ *Пурана* (Pou-ranas) у Индѣйцевъ, 3) что самыя древнѣйшія изъ извѣстныхъ Грековъ, каковы *Орфей*, *Музей* и другіе, были не иное что, какъ переводчики или собиратели сихъ поэмъ, и какъ опголоски произведеній, коихъ иногда они хорошо и смысла не понимали, — 4) что относительно Азіатцевъ существованіе сихъ Финико-сирико-халдейскихъ поэмъ, доказывая высокое образованіе, доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и древнее употребленіе алфавита, ибо *Иероглифы* не удобны для выраженія мысли во всей ея обширности и надобностихъ грам-

Машическихъ. — Теперь присовокупимъ, что самое качество сихъ пиписическихъ повѣстей предполагаетъ систематическія наблюденія и познанія въ Астрономіи, и непрерывное существованіе одного или многихъ земледѣльческихъ народовъ, коихъ нужда пропитанія и желаніе богатства побудили къ сему роду изученія.

Д. Сахаровъ.

БЮГРАФІЯ АВГУСТА КОЦЕБУ.

Августъ фонъ Коцебу родился въ Веймарѣ, 30 Мая 1761 года. Мать его, овдовѣвши въ скоромъ времени послѣ своего замужства, посвятила себя единственно воспитанію дѣтей своихъ. Она обладала всѣми качествами, необходимыми для сей шрудной обязанности, особенно же многоразличными знаніями и мапериною нѣжностію. Соединяя живость нрава съ образованностію разума, она не всегда была счастлива въ выборѣ воспитателей своего сына. Однако, подѣ ихъ руководствомъ, онъ оказалъ нѣкоторыя успѣхи въ механической части воспитанія, а отъ мапери своей научился чувствовашъ и мыслишъ.

Первое сочиненіе, привлекшее вниманіе молодаго Коцебу, было собраніе повѣстей, между которыми находилась повѣсть о *Ромео и Юлии*. Она споль сильно его тронула, что впечатлѣніе сіе осмалось неизгладимымъ въ его памяти до самага конца жизни. Донъ-Ки-

шопъ сдѣлался попомъ испочинкомъ удовольствій для его воображенія; но романъ *Робинзонъ Крузе*, казалось, болѣе сходствовалъ съ его вкусомъ. Едва исполнилось ему шестидѣть, какъ онъ начиналъ уже писать списки, а вскорѣ попомъ сочинилъ небольшой драматической разговоръ *Нѣтъ сомнѣнiя*, что сіи раннія произведенія имѣли весьма слабое достоинство; но мы считали за должное упомянуть о нихъ для того, чтобы показать наклонность ума сего плодовитаго писателя, при самой зарѣ его развитія. Спросилъ его къ драматическому стихотворству еще болѣе воспламенилась, когда онъ въ первой разѣ увидѣлъ театральное представленіе. Это была пьеса *Смерть Адама*, сочиненіе Клоушюка. Она возбудила въ Коцебу множество неизвѣстныхъ ему дополь чувствованій, и съ сей минуты назначеніе его было, шакъ сказать, определено.

Учитель, подѣ присмотромъ коего онъ тогда находился, употреблялъ лучшей способъ для образованія вкуса своихъ воспитанниковъ, не налагавшій на нихъ непремѣнной обязанности писать Лашинскіе списки. Онъ заставлялъ ихъ сочинять на Нѣмецкомъ языкѣ, и лучшее произведеніе, достойное, по его сужденію, быть извѣстнымъ, читалось имъ на кафедрѣ. Въ одномъ изъ шаковыхъ чпеній Коцебу

заслужилъ единогласное одобреніе за прекрасную балладу своего сочиненія: въ слѣдъ за нею онъ написалъ еще нѣсколько шакогоже рода опыповъ, кои всѣ опличались замысловатостию и красою слога; но въ нихъ, по собственному сознанію сочишателя, недоставало новосши изобрѣшенія. Первые прозведенія раждающагося генія обыкновенно соспоицъ въ подражаніяхъ. Знаменипый Гёте, старинный другъ семейства Коцебу, былъ удивленъ остроуміемъ ума сего молодого челоѡка и оказывалъ къ нему особенное благорасположеніе. Для юнаго писателя весьма было полезно предспавлять первые свои опыты на судъ споль совершеннаго писателя, каковъ сочишатель Вернера, и получалъ отъ него заблаговременно полезныя совѣты, кои безъ сомнѣнія имѣли великое вліяніе на все его поприще въ словесности.

На 17 году возраста Коцебу былъ отправленъ въ Іенскій университетъ, гдѣ оказалъ быстрые успѣхи, особливо во Французскомъ языкѣ; сіе тѣмъ менѣе удивительно, что вкусомъ его болѣе сходсповалъ со вкусомъ Французскихъ писателей, нежели его единоземцевъ. Изъ Іены онъ переѣхалъ въ Дкнебургъ, гдѣ соспавилъ общество молодыхъ любшелей шептра, и выпросилъ у шамошнихъ монаховъ позволеніе предспавить въ залѣ монашыря

переводъ *Соперниковъ*, соч. Шеридана. Въ поже время перо его не оставалось въ бездѣйствіи. Онъ написалъ небольшую драмму, подъ названіемъ *Перстень*, и романъ въ родѣ *Вертера*, для котораго однакожь не находилъ онъ издатели. Въ 1779 году Коцебу возвратился въ Іену и съ великимъ спараніемъ учился законвѣденію; но часы отдохновенія по прежнему посвящалъ театру. Онъ написалъ тогда трагедію: *Шарлотта Франкъ*, которая была представлена, но не имѣла большаго успѣха; вскорѣ послѣ того комедія его: *Женщины по модѣ*, имѣла лучшую участь. Едва исполнилось ему 18 лѣтъ, какъ онъ уже былъ принятъ членомъ общесства любителей словесности въ Іенѣ, и читалъ диссертацію въ оправданіе опшупничества Императора Юліана.

Въ 1782 онъ женился на одной дѣвицѣ, происходившей отъ старинной дворянской фамиліи, и былъ пожалованъ предсѣдателемъ Гражданскаго Суда въ Ревель. Въ сіе время Гражданскіе чины въ Россіи сравнены были съ военными, и онъ сдѣланъ Подполковникомъ. Въ концѣ слѣдующаго года Коцебу ѣздилъ въ Кейкель, гдѣ написалъ двѣ первыя свои драммы: *Пустынникъ на Ферментейрѣ* и *Аделаида Вульфенгенъ*, коихъ достоинство состоятъ въ новоспій изобрѣшенія. По возвращеніи же въ Ревель учредилъ часный театр, на оп-

крыпіе котораго написалъ Комедію подъ заглавіемъ: *У всякаго дурака своя погрелушка*.

Въ 1785 онъ пушшесипвоваль по нѣкопорымъ спранамъ Германіи и началъ писать Испорію *Генриха-Лва*, Герцога Брауншвейгскаго, которую однакожъ не кончилъ.

Въ 1787. его посшипгла шижкая болѣзнь, но не смошрѣ на свои спраданія, онъ сочинилъ двѣ драммы, которыя безъ сомнѣнія наиболѣе принесли ему славы: *Индѣйци въ Ангеліи* и *Ненависть къ людямъ и расканіе*. Въ продолженіе сей болѣзни, казалось, умсипвенныя его способности приобрьли новую силу: самыя лучшія произведенія ума бывающъ иногда какъ бы послѣдствіемъ шѣлесныхъ немощей.

Въ 1789 году Коцебу издалъ *Двѣу солнца*, *Сина любви* и нѣсколько другихъ драматическихкихъ сочиненій. Вышедъ въ опсшавку, по причинѣ слабости здоровья, онъ провель нѣскелько времени въ 1790 году на Пирмоншскихъ водахъ; потомъ возвратился въ Веймаръ, гдѣ напечаталъ нѣсколько весьма язвипельныхъ спшашей на сченъ славнаго Докшора Циммермана. Въ послѣдсипвіи онъ никогда не хощѣлъ себя просшишь за ѣдкія свои крыпики; писанныя имъ на сей предметъ. Коцебу былъ всегда на самой высокой шшепени своей авторской славы; драммы его сдѣлались народными во всей Германіи, и каждое новое произ-

веденіе Музы его принималось съ восторгомъ. Они слѣдовали одно за другимъ въ споль великомъ числѣ, что весьма долго и скучно было бы переписывать всѣ ихъ названія.

Лишившись, по несчастію, своей супруги, Коцебу переѣхалъ изъ Веймара въ Парижъ, въ надеждѣ, что зрѣлище необычайныхъ волненій сего города, произведенныхъ революціею, разсѣпъ его домашнія горести. Онъ оставался тамъ до 1795 года; попомъ возвратился въ Россію; а чрезъ годъ отправился въ Вѣну и принялъ мѣсто главнаго надзирашеля надъ Императорскимъ Театромъ; но скоро соскучилъ сею должностію, и въ 1800 году снова возвратился въ Россію: но едва переступилъ черезъ границу, какъ былъ задержанъ по повелѣнію ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I и отправленъ въ Сибирь. Подробности сей ссылки находящіяся въ романическомъ описаніи оной, подъ заглавіемъ: *Достопамятѣйшій годъ моей жизни*. Попомъ вскорѣ онъ былъ вызванъ въ С. Пешербургъ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I осыпалъ его величайшими знаками милоспей. Онъ пожаловалъ ему прекрасную деревню въ Лифляндіи, поручилъ въ его управленіе С. Пешербургскій Нѣмецкій Театръ и произвелъ его въ Надворные Совѣшники.

Въ 1801 году Коцебу снова выѣхалъ изъ

Россіи съ намѣреніемъ путешествовать по Франціи, Испаніи и Германіи и рѣшился ос-
пашься навсегда въ Берлинѣ, гдѣ согласился
съ Меркелемъ издавать Журналь Словесно-
спи, выходящій и по нынѣ подъ заглавіемъ:
Чистосердечный, коіпорый въ началѣ своемъ
имѣлъ цѣлю осмѣивать Гёте и его послѣдо-
вателей, также Вильгельма и Фридриха Шле-
гелей.

Въ 1806 году онъ переѣхалъ въ Кёнигс-
сбергъ, съ намѣреніемъ писать Исторію Прус-
сіи, для коіпорой Архивы сего города содержали
драгоцѣнные испочники. Сочиненіе сіе было
напечатано въ Ригѣ, въ 4 томахъ. Конечно, оно
не естъ образцовое, но извлеченія изъ подлин-
ныхъ докуменповъ, въ немъ содержащіяся, дѣ-
лають его весьма важнымъ. Въ 1813 году ГО-
СУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ пожа-
ловалъ ему мѣсто Генеральнаго Консула въ
Кёнигсбергъ, а въ 1816 наградилъ его чиномъ
Спашскаго Совѣтника. Около сего времени онъ
сочинилъ Исторію Германской Имперіи, коіпо-
рая, сказывають, написана съ великимъ при-
спрасшіемъ. Въ 1817 году онъ путешествовалъ
въ послѣдній разъ по Германіи, съ тѣмъ, что-
бы, какъ думають, дѣлать наблюденія надъ про-
изведеніями словесности и духомъ народнымъ
сей страны. Извѣстно, что Коцебу издавалъ,
подъ своимъ именемъ, ежедневную газету въ

Веймарѣ, въ которой извѣщаль о новѣйшихъ сочиненіяхъ и нападалъ на свободномысліе и политическія мнѣнія. Коцебу сдѣлался чрезъ сіе предметомъ злобы Спуденцовъ и рѣшился возвратиться въ Россію, но въ проѣздѣ чрезъ Мангеймъ былъ убитъ 21 Марта 1819 года спуденцомъ Генрихомъ Рудольфомъ Зандомъ. Подробности прагической его смерти извѣстны были въ свое время чрезъ журналы. Убийца его получилъ уже (въ 1820 году) должное наказаніе.

Коцебу не можеть принадлежать къ числу первоклассныхъ Нѣмецкихъ писателей; но немногіе изъ нихъ при жизни своей столько прославились; немногіе прудились съ такою легкосію и издали въ свѣтъ споль великое число сочиненій; равномѣрно немногіе писали споль чистымъ и пріятнымъ слогомъ. Онъ въ высочайшей степени обладалъ искусствомъ, направляя чувствва своихъ читателей и дѣйствоваыя по своей волѣ всѣми душевными ихъ свойствами: воображеніе его было спольже плодотиво, сколько каршины, имъ изображаемыя, правдоподобны и живы; но рѣдко вспрѣчающся у него глубокія мысли Большая часть его приведеній соспбиль въ драмматическихъ сочиненіяхъ, коихъ числомъ болѣе 200.

Что касается до домашней жизни Коцебу, то она была по всѣмъ отношеніямъ при-

- мѣрная, ибо самые непримиримые враги сей жершвы полишитскаго Фанашизма не могутъ не признашь его добрымъ опцемъ, добрымъ супругомъ и добрымъ сыномъ. Онъ вступилъ въ бракъ при разѣ и оставилъ 12 человекъ дѣшей, изъ коихъ трети, Оппо, возвращаясь изъ путешествія около свѣта на брикъ Рюрикъ былъ уже въ пути для свиданія съ опцемъ своимъ, во время несчастнаго случая, прекратившаго жизнь его. Другой сынъ, Морицъ, недавно напечаталъ извѣстіе о Россійскомъ посольствѣ въ Персію, при которомъ онъ самъ находился.

Съ Француз.

П И С Ь М О

Къ издателямъ Соревнователя просвѣщенія.

Въ журналъ вашемъ (№ 11 1821 годъ) подъ спашью *Торжественное засѣданіе Россійской ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи*, напечатаны нѣкопорыя разсужденія о происходившихъ въ оной членіяхъ. Ежели смотрѣшь только на часпное лице, написавшее сіи разсужденія, то конечно нѣтъ никакой надобности выводить справедливость или несправедливость ихъ, уступая сему, хотя и не весьма хорошему правилу, что всякъ воленъ судить, какъ ему кажется или хочется. Но съ другой стороны нельзя не принять въ уваженіе, что книга, издаваемая отъ Общества, должна возбуждать къ себѣ больше довѣренности, нежели журналъ, издаваемый однимъ какимъ нибудь лицомъ; ибо предполагается, что книга сія всѣми Членами Общества просматривается, и слѣдовательно помѣщенныя въ ней, хо-

дя и частныхъ лицъ сташа, почищаются какъ бы общими, но есть оны всѣхъ одобренными. Сіе обстоятельство становится нѣмъ важнѣе, когда судъ произносится въ видѣ возраженій противъ сочиненія, читаннаго въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи, копорая, по долгу званія своего, обязана крѣпко наблюдать, чпобъ всякое исходящее оны ней сужденіе объ языкѣ, какъ о существенномъ и главнѣйшемъ ея дѣлѣ, основано было на истинныхъ началахъ. Конечно, всякое человеческое произведеніе можешь быть цогрѣшительно, а поному и шо, чпо читается въ Академіи, можешь подвержено быть возраженіямъ; но по крайней мѣрѣ, если и поспавишь знаніе свое выше всѣхъ другихъ, и дашь себѣ волю произносишь свой судъ, шо надлежишь возраженія сіи дѣлать на шѣ слова или мысли, копорыя дѣйствительно въ осуждаемомъ нами сочиненіи находяпся, и кажущя намъ несправедливыми; но возражаешь противъ того, о чемъ тамъ совсѣмъ не говорено, ешь нѣчто похожее на желаніе находишь худое даже и въ томъ, чего мы не знаемъ. Таковыя ошибочныя суды не должны повали бы имѣть мѣста въ книгахъ, издаваемыхъ оны обществу. Посмотримъ теперь не почно ли шаковъ изреченный на чтение Академическое судъ, заключающійся между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ:

„*Не свѣлѣбъ судитѣ о превосходствѣ Русскаго языка предѣ протими,*“ — (кажется, шпуть не смѣлосшь надобна, а знаніе разума и силы словъ, какъ въ своемъ языкѣ, такъ и въ другихъ) — „*еще менѣе о рѣчи Президента;*—“ (шпуть такъ же не смѣлосшь надобна, а проситъ вниманіе, особливо когда хочешь о ней разсуждашь) — „*ибо для сего нужны долговременная опытность и обширныя знанія нарѣчій иностранныхъ.*“ — (замѣшимъ здѣсь первое, чпо прилагательное *иностранныя* согласуется болѣе съ словомъ *языки*, нежели съ словомъ *нарѣчій*, попому чпо подѣ *нарѣчійми* обыкновенно разумѣюцца опрали одного и шого же языка; впорое, хопя для всякаго труда пошребны опытносшь и знаніе, однакожь шрудъ сей состоипть не въ *обширныхъ знаніяхъ иностранныхъ нарѣчій*, но въ другихъ иѣкопорыхъ доболше сего свѣденіяхъ). — „*легко сказано, затѣ необдуманное рѣшеніе о предметѣ, которой трудно было изслѣдовать и обдумать,*“ — (это совершенная правда!) „*но легко и обманутся, а иногда своимъ заблужденіемъ волеетъ въ оное другихъ.*“ — (и это справедливо; но шолько надлежитъ при этомъ знать, кто обманывается: шопъ ли, кто не обдуманно шрудинся, или шопъ, кто необдуманно о семъ шрудѣ его судипть). — „*Потому ограничимъ кругъ своего мнѣнія тѣмъ, что намъ ка-*

„жется налѣреніе автора свѣ рѣчи похва-
 „нлѣмъ, трудъ истинно Патріотическѣмъ и са-
 „мое исполненіе соответствующимъ цѣли.“ —
 (Сей кругъ мнѣнія, состоящій въ шрехъ стро-
 кахъ, которыми хошяпъ показанъ патриоти-
 ческій трудъ автора, заключающійся въ про-
 изнесенной имъ рѣчи, весьма не великъ, и
 припомъ еще сомнишеленъ; ибо въ немъ по-
 спавлено выраженіе *налѣ* кажется, которое
 напечатано курсифомъ, повидимому для того,
 дабы чшпатель замѣшилъ оное, и не принялъ
 сего за насшоящее увѣреніе. Но оставимъ сіи
 небольшія, молчаливо говорящія хитрости,
 и скажемъ шолько, что по сихъ поръ сочи-
 шель *круга мнѣнія* оприцаешя ошъ изрѣче-
 нія суда своего, и вмѣстѣ съ опрѣченіемъ на-
 чинаешъ оный слѣдующими словами: — „при-
 „знавалъ богатство Рускаго языка въ живопис-
 „номъ и звучномъ выраженій“ — (мы должны
 здѣсь признашся, что при всемъ напряженіи
 нашего ума и вниманія не можемъ поняшъ,
 что шакое значить живописное и звучное вы-
 раженіе языка. Подъ словомъ живописное ра-
 зумѣется живо написанное, на примѣръ звѣрь,
 на каршинѣ шакъ изображенъ, что кажется
 бышъ живымъ. Это мы знаемъ; но какимъ об-
 разомъ *выраженіе языка*, или еще, какъ по
 составу рѣчи кажется, *выраженіе, выражаю-
 щее языкъ*, можешъ бышъ похоже на что ни-

будь живое, того не знаемъ. Тожь самое должно сказать и о *звучномъ выраженіи языка*. Подъ словомъ *звукоподражаніе* разумѣется голосъ въ словѣ, подражающій голосу того живого, или звуку той вещи, которая попому и названа симъ именемъ. Такъ напримѣръ *кукушка* на многихъ языкахъ имѣетъ одинакое имя. Русское слово *громъ* и Лашинское *tonitru* также, одно началомъ, другое концемъ своимъ, равно звукоподражательны, попому что въ нихъ звуки *гр* и *тр* сходствуютъ съ естественными звуками *грома* или *треска*. Но звучное выраженіе долженствуетъ значить нечто особое отъ *звукоподражательнаго*, а въ чемъ сіе нѣтъ, трудно безъ опредѣленія добраться). „должно, кажется, признаться, что „*въ логическомъ и метафизическомъ онъ не „превосходитъ языковъ сдѣлавшихся классическими*.“ — (Здѣсь также встрѣчаемъ мы два затрудненія, препятствующія намъ согласиться; первое, подъ словомъ *классическаго* писателя разумѣемъ мы того, котораго сочиненія по превосходству и достоинству ихъ почитаемъ полезными преподавать въ *классахъ* (т. е. училищахъ) для наставленія юношей въ искусствѣ красноречія; но сего понятія о писателѣ не можемъ приложить къ языку; ибо на примѣръ Расинъ, Буало, и многіе другіе суть конечно классическіе писатели, но языкъ

ихъ (ш. е. Французскѣй) не естъ шопть, копорому бы такое же, какъ имъ, достоинство приписывать можно было. Писатель и языкъ его (ш. е. на которомъ онъ пишеть) суть два предмета, не подходящіе подъ одинакое сужденіе. Второе, богатство или преимущество Рускаго языка состоятъ именно въ *логическомъ* и *метафизическомъ* составѣ его, разумѣя подъ сими словами, какъ инаго и разумѣнь не можно, чистый умъ, порождавшій въ немъ каждое слово по соображенію подобій, свойствъ и качествъ означаемыхъ ими вещей; а не въ шомъ, что сочинитель *круга мнѣнія* называетъ *живописнымъ* и *звучнымъ* *выраженіемъ* языка; ибо ежели подъ симъ разумѣнь ясное и звукоподражательное въ языкъ, то сіе въ нѣкоторомъ ограниченномъ кругу каждому языку свойственно. Искусство писателя можетъ въ каждомъ языкѣ находить сіе качество и приводить оное въ очевидность. Тасъ въ поэмѣ своей Освобожденный Іерусалимъ, описывая адъ и чертей, умѣлъ нѣжному языку Италянскому дать удивительную силу грубости, а Метастазій напрошивъ въ описаніяхъ спрасныхъ помлецій удивительную силу нѣжности) — „*Просвѣщеніе не вдругъ про- никло въ души предковъ нашихъ, но по природѣ вещей, мало по малу развило новыя идеи, которыя требовали новыхъ знаковъ для выра-*

„женія; ибо нельзя ни называть, ни пожелать того, о чем не имѣли ни малѣйшаго понятія.“ — (Кто, прочитавъ сіе, не подумаетъ, что Г-нъ. Президентъ Академіи въ рѣчи своей говорилъ: просвѣщеніе вдругъ проникло въ умы предковъ нашихъ; они называли именами такія вещи, о которыхъ ни малѣйшаго понятія не имѣли? Но ни сего, ни подобнаго сему въ рѣчи Президента не видимъ. Такъ на что жъ, въ видѣ возраженія, взводишь на него то, чего никогда и нигдѣ не сказано имъ? Гдѣ ушверждалъ онъ, что языкъ Адамовой семьи былъ столько же обширенъ, содержалъ въ себѣ столько же словъ, какъ нашъ нынѣшній?) — „Науки, изобрѣли знаки сіи, или имена, а утонченныя системы наукъ раздробили лестницу номенклатуры на мелкія ступени, ведущія къ совершенству.“ — (Оставимъ эту ученую диссертацию о системѣ Номенклатуры, она до насъ не касается; пусть, кто хочетъ, всходитъ, по сей лестницѣ, раздробленной на мелкія ступени). — „Рускіе, подобно всѣмъ, переходили терезъ поле невѣжества къ рубежъ образованности.“ — (Пропустимъ и это: пусть Рускіе, и всѣ, идучи по сему полю, были нѣмы, и пришедъ къ рубежу вдругъ заговорили прекрасными языками). — „И языкъ нашъ, всегда вѣрней истолкователь понятій

„и нравовъ народа, шелъ всегда наравнѣ съ
 „ними; гремѣлъ въ пѣсняхъ Баяновъ, приплъ
 „на себя антицизмъ отъ переводовъ религиоз-
 „ныхъ — (прекрасное Руское слово) — книгъ,
 „падалъ передъ Татарами, парилъ съ Ломо-
 „носовымъ, преслѣвался съ Тредьяковскимъ,
 „изулялъ въ Державинѣ, разцѣлялъ подъ пе-
 „ромъ Карамзина;“ — (вопль, что называется
 отвѣчать другому, не зная, о чемъ поэтъ
 говорилъ! Эпо похоже на то, какъ бы кто
 сказалъ носомъ нюхаютъ, а другой бы спалъ
 возражая, что носомъ никогда не нюхаютъ,
 разумѣя подъ словомъ его корабельный носъ.
 Такъ и здѣсь: одинъ разсуждалъ вообще объ я-
 зыкѣ Рускомъ, а другой, возражая противъ
 него, говорилъ объ языкѣ писателей: два
 весьма различные между собою предмета! Ло-
 моносовъ парилъ, Тредьяковский преслѣвался.
 Эпо относился не къ языку, а къ ихъ умѣнью
 употреблять языкъ. Можно сказать: языкъ
 Ломоносова прекрасенъ, Тредьяковскаго напро-
 тивъ худъ; но заключивъ изъ Ломоносова о
 красотѣ, а изъ Тредьяковскаго о худости Ру-
 сскаго языка, было бы заключеніе весьма не-
 основательное. Каждый изъ нихъ писалъ, ху-
 до ли, хорошо ли, однимъ и шѣмъ же языкомъ,
 до нихъ существовавшимъ; они шворцы со-
 чиненій своихъ, а не языка, котораго есть
 плодъ вѣковъ и народовъ. Какъ же языкъ по-

го, или другаго писателя, смѣшивашь подъ одно понятие съ шѣмъ, что называется *Рускимъ языкомъ*, утверждаешь, что онъ *падалъ передъ Татарами*? Да когда же онъ *возсталъ*? Ломоносовъ самъ говоришь, что безъ цѣненія церковныхъ книгъ не можно бышь ситьну въ языкъ, а книги сіи написанны за долго до нашествия Татаръ. Спало бышь языкъ не падалъ передъ Татарами, и Ломоносовъ не поднялъ его, но самъ ошъ вниманія въ оный поднялся). — „*Но можно ли найти въ лѣтописи „Несторовой термины физическіе или философскіе?“* — (Вошъ чудный вопросъ! Да кто велилъ въ Несторовой лѣтописи искашь того, чего тогда еще не знали, и чему въ лѣтописи и бышь нельзя? Кто велилъ искашь слово *порохъ* въ словаряхъ, писанныхъ до изобрѣшенія пороха? По какому поводу сочинитель *круга мнѣнія* предполагаешь въ сочинитель Академической рѣчи такую неосмопрительность?). — „*Не было у насъ Невтоновъ, Лейбницевъ, ни Бюфоновъ: за то нѣтъ и языка философскаго, нѣтъ номенклатуры цѣлной*“ — (На это многіе жалуются, можно сказашь, справедливо и несправедливо; ибо понимающъ это иначе, нежели понимаешь надлежащъ. Мы со введеніемъ наукъ приняли многія иносшранныя слова, и, привыкнувъ употребляшь ихъ, шаемъ объ этомъ говоримъ, какъ

будто бы языкъ нашъ не способенъ уже быть ничего подобнаго выразишь. Но мы забываемъ, что никакой языкъ словъ сихъ безъ опредѣленія выражать не можетъ. На тѣхъ языкахъ, на которыхъ онѣ изобрѣшены, сперва дано имъ опредѣленіе, а потомъ сдѣлались оныя уже для каждаго понятны. Надобно было съ открытіемъ какой либо науки назвать въ ней вещь: на примѣръ въ геометріи *квадратъ*, или въ географіи *экваторъ*; слова сіи не съ неба къ нимъ упали; они произвели ихъ отъ другихъ словъ, отъ *quatuor* (четыре) и *aequus* (равный). Не ужь ли же у насъ нѣтъ слова *тетрѣ*? А ежели есть, то для чегожъ не можемъ дѣлать изъ языка своего тоже, что они изъ своего дѣлали? Скажешь: да ихъ слово употребительно, а наше нѣтъ. Но кто жъ намъ не велишь тѣмъ же самымъ образомъ извлекать изъ корня вѣшви, опредѣлять ихъ и употреблять? Слово ихъ *aequator* не больше говоришь, какъ наше уравнишель; на чтожъ мы чужому чрезъ употребленіе даемъ силу, а своему не даемъ? Для чего иное приняли, какъ на примѣръ *дѣлитель*, *числитель*, *дѣлимое* и проч. а другаго не приемлемъ, какъ то, науку считаешь или числишь называемъ *арифметикою*, а не *числительницею*? Можно ли землю укоряешь бесплодіемъ, когда ее не воздѣлываешь и ничего на ней не сѣешь, или сѣешь

кропиву и ропщупъ, для чего не взошли розы? Можно ли обвинять языкъ, когда не производяшь изъ него словъ для выраженія понятій, или, упошребляя въ немъ чужезычныя названія, жалуется на недоспашокъ своихъ собственннхъ? Приведа на память сказанное выше сего: *Рускіе, подобно всѣмъ, переходили терезъ поле невѣжества къ рубежу образованности*, не кажется ли здѣсь совсѣмъ напротивъ, что они, идучи по полю невѣжества, соспавили богашый, сильный, великолѣпный языкъ, а пришедъ къ рубежу образованности не умѣюшь болѣе ничего произвестъ, и привяшіемъ чужихъ словъ, или располаганіемъ своихъ по чужому разуму, шеряюшь и шо самое богашство, которое предки ихъ собрали на полѣ невѣжества. Мнѣ кажется со спороны недоспашка въ шерминахъ наукъ и художествъ должны мы скорѣе на самихъ себя пѣняшь, нежели на языкъ свой: *у насъ нѣтъ философскихъ словъ, нѣтъ номенклатуры чужеземной* — да развѣ чужеземцы сію номенклатуру не изъ словъ явика своего соспавили? Развѣ они посылали за нею на луну, куда мы посылашь не можемъ? Спранное дѣло! Жалованься на впо, и въ шоже время вопіяшь противъ шого, что разсуждаешь о способѣ, какимъ бы образомъ достигнуть до сей цѣли, чтобы имѣшь свои собственныя названія, и не говорить

религіозній, сатисфакціозной, фізіологіозной,
и другихъ подобныхъ словъ, несносныхъ Ру-
скаго слуха бичей.

И такъ, Милосердые Государи, изъ все-
го вышесказаннаго видимъ мы ясно, что из-
ложившій *кругъ мнѣніа своего* противъ рѣчи
Президента Академіи, начавъ словами *не смѣю*
судить, окончилъ сужденіемъ весьма *смѣлвмъ*;
ибо возражающъ противъ какагобъ то ни бы-
ло сочиненія не на то, что оно въ себѣ со-
держитъ, но на собиственныя свои предпола-
гаемыя въ немъ мнѣнія, которыхъ шамъ не
бываетъ, и ниже шѣи похожаго вѣщъ, еспъ,
по истинѣ судъ весьма *смѣлвмъ*; а потому и
мы смѣло и справедливо повипоритъ можемъ,
что не надлежало бы ему имѣть мѣста въ
книгахъ, издаваемыхъ опъ обществъ, а особ-
ливо *соревающихся просвѣщенію*.

Вашъ покорный слуга

Одинъ изъ вашихъ починателей.

ССОРА МЕЖДУ ДИДЕРОТОМЪ И РУССО (*).

~~~~~

Дидеротъ, замѣпивъ, что мы оба довольно далеко находились отъ своихъ соповарищей, которые уже не могли слышать нашихъ разговоровъ, началъ свой расказъ слѣдующимъ образомъ: „Ежели бы вамъ не было опчашпи извѣстно случившееся со мною происшествіе, то бы конечно я вамъ не открылъ (такъ какъ никому и не открываю) ни начала, ни причинъ обиды, лично мнѣ причиненной со стороны такого человѣка котораго я любилъ и о которомъ еще сожалѣю; поелику онъ несчастенъ. Жестко терпѣшь напрасную клевету, слышь измѣнникомъ, другомъ вѣроломнымъ и, при всемъ томъ, находишься въ не-

---

(*) Изъ III части *Памятныхъ Записокъ* Мармонтеля, которая вышла изъ печати и выдается Гг. Преву-мераншамъ въ С. П. Бургѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, въ Москвѣ у М. Глазунова и Ширяева. Цѣна за всѣ 4 части 20 руб. ей. За пересылку въ другіе города прилагается еще 5 рублей.

возможности себя оправдать; таково-то есть мое настоящее пожелание! Вы далее увидите, что честь моя очень много страдает. Но, когда надобно защищать ее не иначе, как на счет чести другого; то, по моему мнению, надлежит лучше молчать, и я молчу. Руссо меня поносит; а за что, того не объясняет. Я обязан бы был ему отвести свое и все подробно изложить; обязан бы был обнаружить то, что у нас происходило втайне; и онъ очень предвидѣлъ, что никогда не рѣшусь поступить иероломно. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что скорѣе позволю ему всячески меня злословить, нежели соглашусь дать знать публикѣ о тайнѣ, которая совсѣмъ не ко мнѣ относилась; и въ семъ случаѣ Руссо есть злонамѣренной начинщикъ; онъ поражаетъ безоружнаго.“

„Вамъ извѣстна несчастная спрость Руссо къ Госпожѣ . . . . Онъ имѣлъ безразсудность открыться предъ нею довольно дерзкимъ образомъ. Спустия послѣ сего нѣсколько времени, онъ является ко мнѣ въ Парижъ;“ Какой я дуракъ; я пропалъ, говоришь мнѣ: вошь что со мною случилось;“ и рассказалъ мнѣ о своемъ произшествіи. Хорошо! я отвѣчалъ ему, гдѣ же шумъ несчастіе! — Какъ гдѣ несчастіе — возразилъ онъ, развѣ вы не видите, что она уведомитъ Гна . . . . о моемъ намѣреніи ее оболь-

спитъ и похитишь у него? Не ужели вы думаете, что онъ не вмѣнитъ мнѣ сего поступка въ дерзость и вѣроломство? Онъ оспанется во всю жизнь смертельнымъ моимъ врагомъ. — Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ я ему хладнокровно. Гнѣ... есть человекъ справедливой: онъ знаетъ, что вы ни Киръ, ни Сципionъ. Послѣ этого, о чемъ дѣло? О минувшѣ воспорга, заблужденія? Не оплагайте вдаль; напишите ему письмо; во всемъ признайтесь и, предсказавъ свое минувшее упоеніе, которое должно быть ему самому извѣстно, просите у него прощенія. Я вамъ ручаюсь, что онъ за такую откровенность еще болѣе васъ полюбитъ. “

„Обрадованный Руссо обнялъ меня. — Вы мнѣ возвращаете жизнь, сказалъ; и совѣтъ вашъ меня примиряетъ съ самимъ собою: нынѣшнимъ же вечеромъ посылаю письмо. — Послѣ сего Руссо совершенно успокоился; и я никакъ не могъ сомнѣваться, чтобы онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. “

Но спустя не много времени, Гнѣ... постыдивъ меня объявилъ, что онъ крайнѣ досадуетъ на Руссо. Я, полагая, что Руссо къ нему ничего не писалъ, спросилъ: развѣ вы не получали отъ него письма? Получилъ, отвѣчалъ онъ; и шакое письмо, которое достойно примѣрнаго наказанія; “

„— Ахъ! Милоспивый Государь, отвѣчалъ я, не ужели васъ шакъ окорбляешъ минушная глупость, въ кошорой онъ самъ признается и проситъ вашѣго прощенія? Ежели это письмо васъ огорчаетъ, шо меня вините: я присовѣтоваль написахъ его.“— А знаете ли вы, сказатъ онъ, что содержишь это письмо? — Знаю; оно содержишь признаніе, извиненіе и прощеніе, кошораго онъ у васъ проситъ. — Ни чупъ не бывало: это ешь хипроспленіе коварства, безсовѣспности, злонамѣренія возложишь собспвенную свою вину на Госпожу... — Вы меня изумляете: онъ совсѣмъ не шо хощѣль вамъ писанъ Тогда я разсказаль просно, чтообы успокоитъ его, о печали, разскавннн и рѣшимости Руссо проситъ прощенія.“]

„Сіе мое объясненіе, съ Гмъ... Руссо прннлль за вѣроломство. Какъ скоро онъ узналь, что я, оправдывая его, открьль, какъ все дѣло происходило; шо, опмѣнно шѣмъ огорчившись, называль меня какимъ шо измѣнникомъ. О семъ извѣспившись, я пошчасъ явился къ нему. — За чѣмъ пожаловали сюда? спросиль онъ меня. — Я пришель узнать, какъ васъ считаешь — за сумасшедшаго ли человекъ, или за злонамѣреннаго? Ни за шого, ни за другаго, отвѣчалъ мнѣ грубо: но я крайнѣ обиженъ вами. Опселъ не хочу васъ болѣе видѣшь. — Да что я вамъ сдѣлаль? спросиль его. — Вы

проникнули въ сокровенности моей души; вы похитили у меня шайну; вы мнѣ изменили; вы меня подвергнули презрѣнію и ненависти пакаго чловѣка, которой никогда меня не простишь.“ Предоставивъ ему полную свободу испоциль всѣ возможные упреки, наконецъ я сказалъ: — насъ шеперь двое, и, между нами, ваше краснорѣчіе бесполезно; пусть будутъ здѣсь общими судіями разсудокъ, истина, моя и ваша совѣсть. Не угодно ли вамъ спросить ихъ? На сіе не отвѣчая мнѣ ни слова, онъ бросился въ креслы и закрылъ глаза свои руками, а я продолжалъ говорить слѣдующее:

„Тогда, какъ вы мнѣ дали слово, что опкровенно все изложише въ письмѣ вашемъ къ Г... вы тогда, по словамъ же вашимъ, были примирены съ самимъ собою; что же послѣ заспавило васъ перемѣнить свою рѣшительность? Вы мнѣ не отвѣчиваете; и шакъ я самъ за васъ буду отвѣчать. Когда вамъ надлежало взять перо и излагать покорное признаніе въ несчастной спраси, признаніе, которое сдѣлало бы вамъ честь, въ то время проснулась проклятая гордость, (шакъ, ваша гордость: вы меня обвиняете въ в'роломствѣ, и я шердѣлъ; шерпите же въ свою чреду, что бы я обвинялъ васъ въ гордости: иначе сей пошудокъ будешь самой низкой); и шакъ эша-

то гордость вамъ внушила, что не прилично съ такимъ характеромъ унижаться предъ человѣкомъ и просить извиненія у счастливаго соперника; что не васъ шутъ должно винить, но по лицу, которое чрезъ свою плѣнишельность, приманчивость и любезныя ласки васъ очаровало. И вы, съ своимъ искусствомъ, изукрашивъ се хитросплетенное оправданіе, шото не примѣчаете, что, приписывая любовныя интриги чувствительной и деликатной женщины предъ глазами человѣка, которой ее уважаетъ и любитъ, оскорбляете чрезъ шовмѣсь два сердца. — Хорошо сказалъ онъ съ жаромъ, пусть я несправедливъ, глупъ, безчувственъ; вы чѣмъ оправдаетесь, что измѣнили сердечной моей шайнѣ? — Тѣмъ, что вы сами меня обманули; сами ввели меня въ ошибку васъ всячески защищая, оправдывая. Для чего мнѣ напередъ не сказали, что перемѣните свое намѣреніе? Я бы не говорилъ о вашемъ разскажаніи; не повпорялъ бы собственныя словъ вашего письма. Вы ушайили опъ меня шото, чего бы конечно я не одобрилъ; и когда умыселъ вашъ кончился шакъ, какъ ему по необходимости должно шовствовало кончиться, шото вы вздумали всю вину возложить на меня! Такъ, сударь! Вы, не смотря ни на какую искренность и нѣжность дружбы, всегда ищете случая къ обидѣ; слѣдовательно ваше серд-

це способно только ненавидѣть.“ — Торжесшуй, варваръ! сказалъ онъ мнѣ; подавляя челоуѣка слабого и несчастнаго. У меня только и оспавалось въ свѣпѣ, для упѣшенія, общивенное къ самому себѣ уваженіе, а ты и его похищаешь. — Тогда Руссо былъ шакъ краснорѣчивъ и проташелень, какъ никогда мнѣ не случалось ни слышать его, ни видѣть. Смотри на него, я не могъ удержаться отъ слезъ; сіе замѣшивъ, онъ самъ прослезился и обнялъ меня. “

„И шакъ вопъ мы примирились. Онъ, по временамъ, продолжалъ чипать мнѣ свою *Новую Елоизу*, кошворую только кончила; и я два, или три раза въ недѣлю, ходилъ изъ Парижа къ нему въ пуспынѣку слушать сіе чпеніе и, по пріятельски, опвѣчать довѣренноспш моего друга. Лсъ Моншморанси служилъ мѣспомъ нашего свиданія. Я всегда приходилъ шуда покрышый попомъ: а онъ все не прешпавалъ жаловаться, что я его заспавлялъ себя ождашь. Въ сіе-шо самое время появилось письмо о зрѣлищахъ съ извѣспнымъ изрѣченіемъ, или ношою, въ кошворой онъ меня обвинялъ за оскорбленіе и за измѣну.“

Какъ! прервалъ я, послѣ вашего примиренія! Эшо не вѣроятно. — Такъ, не вѣроятно; но между шѣмъ весьма справедливо. Руссо давно умышлялъ разорвать связь со мною и

съ моими друзьями; не доспавало только ему благовиднаго къ тому случаю; и онъ въ самомъ дѣлѣ нашель для себя всего удобчѣе оклеветашь меня въ томъ, въ чемъ я не могъ и оправдывашься. Послѣ сего, не имѣя другаго предлога больше безславить мое имя, онъ вообразилъ себѣ, что самое примиреніе съ моею стороны, была одна игра, въ кошорой я его обманывальъ.“

Какой человекъ! опять прервалъ я его; и Руссо считаешь себя добрымъ! Онъ былъ бы добръ, отвѣчалъ Дидеротъ, поелику онъ природы чувствительнень, и, при всемъ усиліи онъ людей, онъ все еще довольно ихъ любилъ; ненавидилъ только тѣхъ, которые къ нему близки, поелику гордоснь его заставляель думать, что они его завистники; что дѣлають ему добро въ намѣреніи чрезъ то его унизишь, а ласкають для того, чтобы повредилъ, и что всѣ, по видимому, къ нему расположенные, суть шайные ему недоброжелатели. Это его болѣзнь. Онъ, по своимъ несчастіямъ, дарованіямъ, расположенности къ добру и душевной правотѣ, конечно могъ бы имѣть друзей, если бы довѣрять друзьямъ. У него ихъ не будетъ, или они одни его будутъ любить, потому что онъ, съ своей стороны, всегда къ нимъ недовѣрчивъ“.

Сія шо пагубная недовѣрчивость, сія-шо легкая и скоропоспѣжная готовность не шолько подозрѣвать, но и ожидать оупъ своихъ друзей поступковъ низкихъ, подмыкъ и безславныхъ, приписывать имъ безсовѣстность и вѣроломство безъ всякихъ причинъ, а по одной причудливости мрачнаго и пылкаго воображенія, которое кружило несчастную его голову и коего зловредное вліяніе отправляло его наилучшія качества; сей наконецъ бредъ ума дикаго, боязливаго и спрощиваго оупъ несчастія, были дѣйствительно болѣзнію Руссо и припадкомъ его мыслей.

Ежедневно случалось видѣть, какъ онъ обидно поступалъ съ людьми, душевно ему преданными: шо будшо бы они ему разсвадываютъ сѣпи; шо за нимъ присматриваютъ, измѣняютъ, и продаютъ его недоброжелателямъ. Я знаю невѣроятныя сему примѣры, изъ коихъ напр. слѣдующій покажетъ и ужасную его неблагодарность за всю нежную и дѣлательную дружбу добродѣтельнаго Давида Гюма, и глубокую злоспность язвительно насмѣхаться и обижать. Вы найдете въ самомъ собраніи пвореній Руссо сей памятникъ его безсовѣстности, Вы тамъ увидите, съ какою хитростію онъ соплетаешъ свою клевету; какъ ложно укоряешъ испиннаго, честнѣйшаго и наилучшаго друга въ непостоянствѣ, не-

вѣрности, двоедушія; вы съ негодованіемъ будете чашать неблагодарную его черту прощиву своего благодѣшеля и шопъ оборощъ на смѣлки, кошпорой еспль верхъ дерзбости:

Premier soufflet sur la joue de mon patron.

Second soufflet sur la joue de mon patron.

Troisieme soufflet sur la joue de mon patron.

Я полагаю, что общее мнѣніе уже рѣшено на счетъ сихъ двухъ мужей; но, ежели къ понимію о свойствахъ Давида Гюма, еще пошребны досповѣрѣнція доказашельства, шо вощъ опыны благородныхъ его посвувковъ, коихъ я самъ былъ свидѣшелемъ.

Когда, по рекомендаціи Милорда Марешала и Графини Буфлеръ, Гюмъ предложилъ Руссо изходашайствовать ему въ Англіи независимое и спокойное убѣжище, и когда Руссо охотно согласился на сіе великодушное предложеніе; шо, въ слѣдъ за шѣмъ, они оба немедленно и изгошовились къ опшѣзду. Между шѣмъ Гюмъ, увидѣвшись съ Барономъ Гольбахомъ, увѣдомилъ его, что онъ везешъ съ собою Руссо въ свое опечештво. „Государь мой, сказалъ ему Баронъ, вы хощите опогрѣшь у себя въ пазухъ змію; я васъ объ эпомъ предувѣдомляю; вы скоро почувспвуеште ея угрызешіе.“

Баронъ нѣкогда самъ принималъ къ себѣ Руссо и спарался угождашь ему; домъ его былъ

мѣспомъ собранія, такъ называемыхъ, Философовъ. При всей безопасности, каковую внушаетъ благороднымъ душамъ ненарушимая святынь гостепріимнаго приспанища, Гольбахъ и его друзья приняли Руссо въ свое общество. Между шѣмъ можно видѣшь въ его *Эмилѣ*, какими красками онъ ихъ всѣхъ описалъ.

И такъ Баронъ на счетъ общественныхъ милоспей очень хорошо узналъ его. Впрочемъ доброй Давидъ Гюмъ принималъ опзывъ Барона объ Руссо болѣе за приспращной, нежели за испинной. По сему и не перемѣнилъ намѣренія взять его съ собою и оказывать ему въ своемъ опечествѣ всѣ дружескія услуги. Онъ думалъ и долженствоваль думать, что содѣлалъ счастливымъ самага чувствительнаго и наилучшаго изъ людей; поздравлялъ уже себя съ шѣмъ во всѣхъ письмахъ къ Барону Гольбаху и не преспаваль вооружаться прощиву дурнаго мнѣнія, кошорое онъ имѣлъ объ Руссо; превозносилъ ему въ похвалахъ доброту, опкровенность и чиспосердечіе своего друга. „Весьма жалѣю, между прочимъ онъ прописываль, что вы въ опношеніи къ нему несправедливы. Повѣрьше мнѣ, Руссо со всѣмъ не злой человекъ. Чѣмъ болѣе съ нимъ обращаюсь, шѣмъ болѣе его почишаю и люблю.“ Каждое письмо Гюма содержало новыя похва-

лы Руссо, каковыя Гольбахъ, читая предъ нами, всегда повпорялъ: онъ его еще не узналъ; подожди: скоро узнаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, спустя не много времени. Гольбахъ получаетъ письмо отъ Гюма, которое начинается сими словами: *Вы правду мнѣ говорили, Господинъ Баронъ! Руссо есть чудовище!* А! сказалъ намъ Баронъ хладнокровно и не показывая никакаго удивленія: онъ наконецъ его узналъ.

Отъ чего послѣдовала такая неожиданная и такая скоропоспѣжная перемена во мнѣнїи одного и въ поведенїи другаго? Вы объ этомъ подробно можете читать въ актахъ, изданныхъ въ свѣтъ двумя прошивными учеными паршїями. Здѣсь же, къ свѣденію вашему, упомяну только о томъ, что въ то самое время, когда Руссо жаловался въ Лондонъ на обманъ и измѣну Гюма, сей самый честный, посюанный и вѣрный его другъ Гюмъ, всячески старался изстребить дурное объ немъ мнѣніе въ Парижѣ и пославилъ его въ уваженіе и благосклонность тѣхъ, которые его ненавидѣли и презирали.

Чего не производила неприсупная гордость въ душѣ, отъ природы кропкой и чувствительной! При такомъ просвѣщенїи и дарованїяхъ, какая слабость, сколько жалкихъ странностей отъ одного безпокойнаго мрачнаго, сварливаго и мстительнаго самолюбїа, ко-

порое чрезвычайно раздражались и опять же не прощало ни дѣйствительнаго, ни даже мнимаго оскорбленія! Вошь великій урокъ для людей, предзнающихъ порокомъ сншней гордоспи! Опнимите ее и Руссо будешь самой любезной и самой достойной уваженія чело- вѣкъ. Гордоспъ была его ядомъ: она внушала ему презирать благодѣннн, ненавидѣть благо- дѣшелей, обремѣняться признапельносцію; она заспавила его со всѣми разсорилсья, ра- зорвалъ дружескія связи, жипь въ несчастіи и умереть, какъ бы оспавленнымъ опъ всего свѣща.

В Ъ Д О М О С Т Ь

О количествѣ судовъ, бревенчатыхъ плошвъ и деревянныхъ обрубковъ, прошедшихъ чрезъ Шлиссельбургскія шлюзы въ продолженіе навигаціи съ 1799 по 1821 годъ.

ЗВАНІЕ СУДОВЪ.	1799	1800	1801	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	Вообщѣ.	
<i>Изъ Ладожскаго канала въ Неву</i>																								
Барокъ	4798	4021	4148	3071	3674	3658	4029	3982	3055	3133	3039	4450	3882	2622	3182	2988	4620	4126	4143	5512	4212	5303	Съ 1799 по 1821 годъ	
Полубарокъ	1629	1835	1442	1388	1489	1707	1402	1644	1406	1339	1218	1088	730	1040	833	986	935	755	660	528	495	472		Съ 1799 по 1821 годъ
Водовиковъ	688	672	679	606	696	887	833	745	639	743	736	749	819	684	460	631	726	740	779	658	581	662		
Лодокъ	2704	3981	4317	2820	3251	3020	3376	3709	3768	3401	3842	4759	3515	3244	3777	3586	4333	3504	5050	4434	4342	4978		Съ 1799 по 1821 годъ
Итого	9819	10599	10586	7885	9110	9272	9640	10080	8868	8616	8835	11046	8946	7590	8252	8191	10614	9124	10632	11132	9630	11415	209,792	
<i>Плешовъ со спроевнымъ лѣсомъ . . . . .</i>																								
Деревянныхъ обрубковъ съ обручами	878	1427	2076	1270	1037	2151	2317	2568	1213	975	1263	2308	1453	1071	496	695	7118	1461	1792	1197	780	1041	Съ 1799 по 1821 годъ	
Итого	8724	9002	10775	8468	7788	9854	7744	12634	6466	7583	4359	10098	8747	3251	2370	2933	11633	6522	5928	5377	6614	8426		165,296
<i>Изъ рѣки Невы въ Ладожскій каналъ.</i>																								
Барокъ	189	250	33	19	27	123	41	72	20	46	98	92	71	42	24	153	335	208	86	155	136	306	Съ 1799 по 1821 годъ	
Полубар. } порожнихъ	184	296	293	273	229	449	360	438	270	273	360	329	295	207	183	279	277	317	219	187	169	106		Съ 1799 по 1821 годъ
Водовик. }	557	476	541	488	583	739	1329	575	478	604	636	659	683	571	386	560	702	666	447	558	478	571		
Лодокъ } Сь грузомъ	764	689	668	886	843	858	872	944	924	815	649	843	944	767	993	1061	1246	1113	680	1125	921	1962		Съ 1799 по 1821 годъ
Лодокъ } Порожнихъ	933	1028	628	468	429	375	762	705	681	1037	1099	1713	1858	1616	1784	1621	1951	2206	2853	2179	2393	1906	Съ 1799 по 1821 годъ	
Итого	2627	2737	2163	2134	2106	2548	3364	3734	2373	2775	2872	3636	3851	3203	3370	3574	4501	4510	4285	5104	4097	4151		73,715.

П Р О З А.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ИСКУСТВЪ.

(Продолженіе.)

Э В Х И Р Ъ.

Эвхирь, Коринейнинь, жилъ за 663 года до Р. Х., ибо въ семь году провожалъ въ Эпзрурію *Демарата*, отца Тарквинія Древняго. Плиній, говоря о семь происшествіи, прибавляетъ, что онъ былъ ваятель, и первый принесъ въ Италію искусство ваянїя. До сего времени не было въ Италіи бронзовыхъ статуй. Тотъ же писатель, въ другомъ мѣстѣ, описывается объ немъ съ похвалою, будто онъ удачно представлялъ *атлетовъ, вооруженныхъ людей и охотниковъ*. Кто повѣритъ, что бы художникъ, жившій за долго до усовершен-

нѣя искусства, могъ удачно представлять фигуры, пребующія движенія? Какой переходъ отъ прямыхъ и грубыхъ статуи *Теодора и Телеклеса*, жившихъ почти въ одно время съ *Эвхиромъ*! Должно думать, что симъ именемъ назывался не одинъ художникъ, и что древній *Эвхиръ*, упоминаемый *Плиніемъ* въ одномъ мѣстѣ, совсѣмъ не тотъ, котораго хвалилъ онъ въ другомъ мѣстѣ за удачное представленіе фигуръ въ движеніи. *Ариспопель* говоритъ о древнемъ, или, можетъ быть, совсѣмъ объ иномъ *Эвхирѣ*, опличномъ отъ двухъ первыхъ, когда называетъ его родственникомъ *Дедала*, и изобрѣшателемъ живописи въ Греціи.

Эвхиръ, удачно представявшій аппелеповъ, могъ быть тотъ самый, по словамъ *Павзанія*, который родился въ *Аеинахъ* и сдѣлалъ мраморную статую *Меркурія*, для *Финейцовъ*, въ *Аркадіи*. Съ нимъ не должно смѣшивать *Эвхироса Коринесскаго*, о которомъ говоритъ тотъ же писатель.

Эвхиръ, провожавшій въ *Италію Демарата*, прибылъ вмѣстѣ съ *Евграммомъ*,

своимъ соопечественникомъ, который также былъ ваятель.

МАЛАСЪ.

Маласъ, родился на островѣ *Хіосѣ*; время жизни его опнестъ должно къ концу VII вѣка до Р. Х., ибо правнуки его славились около 540 до Р. Х.— Ни объ немъ, ни объ сынѣ его, *Миккиадъ*, мы ничего не знаемъ. Внукъ его *Анеермъ* оставилъ нѣсколько статуи въ *Делосѣ* и въ *Лесбосѣ*. *Плиній* замѣчаетъ, что всѣ сіи художники были древнѣе *Дипена* и *Скиллеса*. *Анеермъ* имѣлъ сыновей *Вупала* и *Атениса*, о которыхъ послѣ говорить будемъ.

ДЕДАЛЬ СИЦІОНСКІЙ.

Дедалъ Сиціонскій относится къ числу очень древнихъ художниковъ. Время жизни его опредѣлить не трудно, если сынами сего самаго *Дедала* полагаютъ *Павзаній* *Дипена* и *Скиллеса*, которые, по словамъ *Плинія*, жили за 580 лѣтъ до Р. Х.

Такимъ образомъ время жизни его назначить можно около 615 года до Р. Х.

ДИПЕНЬ и СКИЛЛИСЬ.

Дипенъ и Скиллисъ, два брата, родомъ изъ Крита. Они славились прежде царствованія Кира, около 50 Олимпіады. Одни полагали ихъ питомцами, другіе сынами Дедала. Но какого Дедала? Если Сиціонскаго; по жилъ ли онъ въ Критѣ? Вѣроятно, древніе, не занимаясь хронологіей, и зная, что *Дипенъ и Скиллисъ* пришли изъ Крита и были ваятели, считали ихъ сынами знаменитаго Дедала Аѳинскаго. Самъ Павзаній не отличаетъ особымъ именемъ сего Дедала, можетъ быть и онъ разумѣлъ того самаго, котораго приключенія извѣстны всему свѣту.

Плиній говоритъ: сіи два брата пришли въ Сиціонъ, услышавъ, по молвѣ, что тамъ уважаютъ и цѣнятъ творенія искусства. Еслибъ они родились въ Сиціонѣ, то Плиній не привелъ бы сей причины, но сказалъ бы просто: они возвратились въ отечество. Сіи художники въ Сиціонѣ

сдѣлали статуи: *Аполлона, Діаны, Геркулеса, и Минервы*: города Амбракія, Аргосъ, и Клеонъ наполнены были ихъ твореніями, большею частію изъ Паросскаго мрамора. Однакожь въ Аргосѣ сдѣлали они много статуи изъ чернаго дерева, исключая нѣкоторыя часпи, замѣненныя слоновою костью. Эта смѣсь достойна примѣчанія; ибо происходитъ отъ какой-то любви къ странности, въ которой часто обвиняють Грековъ, и которая не согласна съ правильностію и чистотою ихъ вкуса.

Сии два брата были основатели великой школы въ Сиціонѣ. Вопль доказательство ихъ знаменитости; ибо слава художниковъ привлекаетъ множество пиломцевъ.

ТЕКТЕВСЪ и АНГЕЛИОНЪ.

Тектевсѣ и Ангелионѣ, пиломцы школы Дипена и Скиллиса, безъ сомнѣнія были очень искусны, когда имъ дано преимущественно сдѣлать для Делосскаго храма статуи *Аполлона и Діаны*; неизвѣстные художники не были бы избраны для у-

краснѣя знаменитѣйшаго въ древности храма.

ЛЕАРКЪ.

Леаркъ изъ Регіума, пипомецъ той же школы, сдѣлалъ мѣдную спашую *Зевеса*, которая была древнѣе всѣхъ во время Павзанія. Сіе произведеніе состояло изъ многихъ часпей, отдѣльно оплищенныхъ и соединенныхъ вмѣстѣ гвоздами. Такъ говоритъ Павзаній, и, кажется, нѣсколько самъ себя прошиворѣчилъ: ибо въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ о мѣдныхъ спашуяхъ, по видимому существовавшихъ въ его время, которыхъ долженствовало бытъ древнѣе творенія *Леарка*.

ДОРИКЛИДАСЪ и МЕДОНЪ.

Дориклидасъ и *Медонъ*, Лакедемонцы, также школы *Дипена* и *Скиллиса*. Первый извѣстенъ по спашуѣ *Θелиды*, а послѣдній по спашуѣ *Минервы шлемонской*.

ДОНТАСЪ.

Донтасъ, Лакедемонецъ, изъ той же школы. Онъ украсилъ спашуями казнохранилище въ Олимпіи.

ТЕОКЛЕСЪ.

Теоклесъ изъ того же города и той же школы. Онъ сдѣлалъ статуи *Гесперида*, числомъ пять. Представилъ также въ казначеихахъ Эпидамнійскомъ *Атласа*, поддерживающаго небо, *Геркулеса*, идущаго похитить золотые яблоки, *Гесперида* и дракона, обвившагося вокругъ дерева. Последнія произведенія были изъ кедроваго дерева.

ВУПАЛЪ И АТЕНИСЪ.

Вупалъ и *Атенисъ*, Хиосцы, сыны *Ангерма*, правнуки *Миласа*, современника поэта *Гиппоакса*, и слѣдственно жили за 540 лѣтъ до Р. X. Они были ваятели и зодчїе; по одному мѣсту *Плинія* думать можно, что занимались они и живописью, а древній полковашель *Горація*, *Акронъ*, называетъ ихъ прямо живописцами. *Гиппоаксъ* былъ очень дурень лицомъ; сіи два брата сдѣлали его изображеніе, и такъ увеличили безобразіе, что выславили на посмѣяніе народа. Раздраженный поэтъ написалъ на нихъ столько эпи-

граммъ, сапиръ и колкихъ спиховъ, что они, какъ говорятъ, лишили себя жизни съ опчаянiя. Плиний опвергаетъ послѣднее обстоятельство, ушверждая, что они послѣ сапиры Гиппоакса сдѣлали еще множество спашуй. Въ числѣ творенiй ихъ особенно славенъ былъ кумиръ, сдѣланный для Делосскаго храма подъ коимъ было написано: „*Хіосъ не меньше славенъ талантами сыновъ Анеерма, какъ и своимъ могуществомъ.*“, Жители Сюзы, показывали *Диану*, произведеніе сихъ художниковъ. Еще въ Хіосѣ было ихъ твореніе *Диана*, копорая входящимъ казалась печальною, а выходящимъ веселою. Плиний говоритъ такими словами, которыя показываютъ недовѣрчивость къ сему диву искусства. Но *Фальконетъ* (*) считаеъ эпо возможнымъ. Онъ говоритъ: „одинъ способъ, коимъ освѣщена голова, можетъ до нѣкоторой степени производить два дѣйствiя, споль различныя между собою. Широкой свѣтъ съ одной стороны, и густая опривистая тѣнь.

(*) Творецъ спашуй *Петра* на Исакіевской площади.

„съ другой, достаточны для очарованія.
 „Прибавьте къ тому возвышенное мѣсто,
 „положеніе сей головы, извѣстную сто-
 „рону, въ копорую обращена; все это
 „можешъ увеличитъ очарованіе. Можешъ
 „быть голова сей *Дианы*, съ одной сто-
 „роны предспавлена была совсѣмъ инымъ
 „образомъ, нежели съ другой, нарочно для
 „суевѣрной цѣли; и народъ, неспигая
 „тайны искусства, видѣлъ въ ней чудо. „
 Для сего объясненія предположитъ дол-
 жно двѣ противоположныя двери, одну
 для входа, а другую для выхода: ибо, въ
 противномъ случаѣ, выходящій, останав-
 ливаясь на прежнемъ мѣстѣ, видѣлъ бы
 прежнее изображеніе печали. Многіе ду-
 мають, лучше не вѣришь сему чуду *Хи-
 осской Дианы*, нежели объяснять его.

Хотя *Вупалъ* и *Атенисбъ* относятся
 къ глубокой древности; но творенія ихъ,
 вѣроятно, были не безъ достопинствъ; и-
 бо многія изъ нихъ перевезены въ Римъ,
 куда вывозили изъ Греціи лучшія поль-
 ко произведенія. Ихъ статуи находились
 въ храмѣ *Аполлона* на горѣ Палапинской,
 и почти во всѣхъ храмахъ, воздвигну-

пыхъ Августомъ. Чипая *Плинія*, можно подумать, что иворенія скульптуры не достойны вниманія до временъ Перикла; но онъ слѣдовалъ писателямъ Аѳинскимъ; а они полагаюшъ начало искусствъ, со времени возстановленія Аѳинъ, послѣ нашествія Ксеркса, и не запомнятъ ни одного произведенія изъ шѣхъ, которыя прежде украшали Аѳины.

Вуцалѳ первый въ Смирнѣ представилъ кумиръ *Фортуны* съ рогомъ Амалшеи въ рукѣ, а на головѣ изобразилъ плоскость со спирѣлкою, въ видѣ солнечныхъ часовъ. *Пренестинская Фортуна* держала на рукахъ младенца *Плутуса*; новѣйшіе представляютъ сіе божество стоящимъ на колесѣ, съ завязанными глазами. Въ томъ же городѣ, въ храмѣ Эвменидѣ, *Вуцалѳ* представилъ *трехѣ Грацій*, изъ золота.

ПЕРИЛЛОСЪ.

Периллосѣ, (а нѣкоторые называютъ *Периллесѣ*) можетъ быть, нѣсколько древнѣе упомянутыхъ художниковъ; онъ жилъ въ царствованіе Фаларида за 547 лѣтъ до

Р. Х. Сей самый *Периллосъ* сдѣлалъ того *лѣднаго быка*, въ которомъ ширанъ заключалъ и сожигалъ жертвъ своей ярости. Но эпитъ быкъ, вымышленный *Фаларидомъ* и сдѣланный *Перилломъ*, послужилъ равно орудіемъ казни для изобрѣтателя и художника. Но если сіе произведение ужасно по назначенію; то не меньше важно по искусству и описанію. *Диодоръ Сицилійскій* повѣствуетъ, что въ числѣ рѣдкихъ спашуй, взятыхъ *Амилькаромъ* изъ *Агригента* и привезенныхъ въ *Карфагенъ*, находился и быкъ *Фаларидовъ*. Онъ прибавляетъ, и слова его подтверждаются *Цицерономъ*, что чрезъ збогъ *Сципіонъ*, истребивъ *Карфагенъ*, возвратилъ сего быка *Агригентицамъ*, у которыхъ хранился онъ въ его время. Свидѣтельство *Диодора* и *Цицерона* опровергаетъ мнѣніе полководца *Пиндара*, который думаетъ, будто *Агригентицы* бросили въ море *Фаларидово* орудіе казни, и что *лѣдный быкъ* находившійся у нихъ послѣ, представлялъ рѣку *Гелонъ*.

ВАТИКЛЕСЪ.

Ватиклесъ жилъ за 528 лѣтъ до Р. Х. Онъ славенъ въ древности по обронной работѣ, копорою украсилъ знаменитый пронъ Амиклейскій, въ Лаконіи. По описанію Павзанія, можно думатьъ, что сей памятникъ обремененъ былъ множествомъ исторій и лицъ, копорыя должны были производить замѣшательство: но, судя по уваженію древнихъ къ сему шворенію, должно заключить, что онъ не былъ безъ достоинства. Главная статуя не *Ватиклеса*. Она ознаменована была характеромъ глубокой древности, шѣмъ самымъ, копорый Греки заимствовали отъ Египтянъ; то есть: еслибы отнять голову, руки и ноги, то это былобы не что иное, какъ мѣдный столбъ вышиною въ 30 локтей, въ копоромъ не было никакого искусства. Эта статуя покрыва была шлемомъ и держала въ рукѣ копье и лукъ.

Сей грубый кумиръ *Аполлона*, отлично уважаемый въ древности, можетъ быть, относился ко временамъ *Рекоса*,

копорому Павзаній приписываетъ изобрѣшеніе опливать мѣдныя спатуи. Но такъ какъ шворенія *Рекоса* не были споль грубы, то можно думать, что спатуя *Амиклейская* относится ко временамъ еще древнѣйшимъ; а въ семь предположеній должно опдалить и время изобрѣшенія *Торевтики* въ Греціи. Вся трудность въ Исторіи искусства происходитъ отъ самыхъ авторовъ; никто изъ нихъ не замѣпилъ, что одѣ и тѣже искусства, можетъ быть, изобрѣнены въ разныхъ странахъ въ разное время.

КАЛЛИМАХЪ.

Каллимахъ особенно славенъ по изобрѣшенію Коринскаго ордена Архитектуры. Вишрувій говоритъ, что симъ изобрѣшеніемъ обязанъ онъ случаю. Одна прелестная дѣвица скончалась; кормилица ея, собравъ въ корзинку вещи, которыя больше ей нравились, пославила на могилу, и чпобъ не испортились отъ непогоды, покрыла глиненой плитой. Случилось, что корзина пославлена была

на самой корень *аканта*. Съ наступившею весною, со всѣхъ сторонъ покрылась она листьями; края плиты раздвигали сіи листья, и концы ихъ загибались отъ плиты сами собою. *Каллимахъ* увидѣлъ сію корзину, плѣнился прелестнымъ видомъ, и взялъ ее въ образецъ капителей колоннъ, воздвигаемыхъ имъ въ Коринѣ. Отсюда орденъ, имъ изобрѣшенный, получилъ названіе Коринтскаго.

Если *Каллимахъ* не былъ первымъ художникомъ своего времени, какъ говоритъ *Павзаній*, то былъ благоразумнѣе или догадливѣе всѣхъ прочихъ. Онъ первый началъ употреблять мраморъ. Привсемъ томъ, самъ ли себя, или другіе называли его *καλιζοτέχνος* (человѣкомъ, который порпипъ дѣло) и подлинно съ такимъ спараніемъ опдѣлывалъ онъ работу, что другимъ подражать трудно. У *Витрувія* названъ онъ *κατατέχνος* трудолюбивымъ; но это, можетъ быть, ошибка переписчика.

Былъ въ Афинахъ, въ крѣпости, священнѣйшій кумиръ *Паллады*, которому поклонялись всѣ селенія *Ашшики*, прежде,

нежели Тезей соединилъ ихъ въ одно Государство. Древніе вѣрили, что онъ упалъ съ неба. Безъ сомнѣнія это была очень древняя статуя, и любопытный чипапсель Истории искусства желалъ бы подробнѣе знать оъ Павзаніи о видѣ и оцѣлкѣ сего кумира. Предъ нимъ висѣла золотая лампада творенія *Каллимаха*; она пеплилася день и ночь, и однажды только въ годъ подливали масла, свѣспильня была аміантовая. Надъ лампадою находилась *мѣдная пальма*, для проводу дыма. Еще была статуя въ плащѣ, того же художника; она представляла *сидлицю Юнону*. Плиній примѣчаетъ, что *Каллимаховы* *плящцыя* *Лакедемонянки* не имѣють прелести, по причинѣ излишней оцѣлки.

ЛАФАЕСЪ.

Лафасъ, родомъ изъ Пліунта. Время жизни его не извѣстно, но должно думать, что онъ очень древній художникъ, ибо, замѣчаетъ Павзаній, его деревянная статуя *Геркулеса*, сдѣлана была совершенно въ древнемъ вкусѣ.

КАЛЛОНЪ.

Каллонъ, Эгинець, ученикъ Тектевса и Ангеліона, копорые сами питомцы школы *Дипена* и *Скиллиса*. Время жизни его положишь можно охоло 590 года до Р. Х. Въ Амиклеѣ находилась его спатуя *Прозерпины* на мѣдномъ треножникѣ.

КАНАХОСЪ.

Канакосъ, пословамъ Плинія, жилъ за 4 вѣка до Р. Х. Но мы больше должны слѣдовать Павзанію, копорый полагаетъ его современникомъ *Каллона* Эгинца. Въ самомъ дѣлѣ Цицеронъ и Квинтилианъ опличають работу сего художника *характеромъ сухости и грубости*, копорой не выражалъ природы совершенно, и подобень былъ Эпрусскому. Сей характеръ опличалъ искусство въ древнее время, когда художники еще не приобрѣли счастливой легкости въ опдѣлкѣ. Можеть бышь были многіе художники сего имени. Тотъ *Канифосъ*, о копоромъ говоритъ Плиній, обдѣлывалъ мраморъ и бронзу.

МЕНЕХИСЪ.

Менехисъ изъ Каупакша и *Сойдасъ* сдѣлали изъ золота и слоновой кости спашую *Дианы*, которая пославлена была въ крѣлоспи; по сему видно, что эпа спранная смѣсь золота съ слоновой костью вошла въ обычай прежде, нежели вкусъ очистился и усовершился въ Греціи. Попомъ, когда Искусства достигли совершенства; сей обычай удержанъ, можетъ быть по любви челоуѣка къ богашеству, которое часно беретъ верхъ надъ законами вкуса и разума. Плиній говоритъ о *быкѣ*, который сдѣланъ Менехисомъ и замѣчаетъ, что сей художникъ писалъ о своемъ искусствѣ. Павзаній говоритъ, что *Менехисъ* и *Сойдасъ* жили вскорѣ послѣ *Канаха* и *Каллона*.

КАЛАМИСЪ.

Хотя Цицеронъ и Квинтилианъ не означаютъ времени жизни сего художника; но довольно показываютъ, что онъ жилъ позже *Канаха* и прежде *Мирона*.

Павзаній говоритъ, что *Венера* сего художника поставлена была подлѣ мѣдной львицы, копорую воздвигли въ честь прелестницы *Леены*. Если сія *Венера* сдѣлана въ одно время со *львицей*, то *Каламисъ* жилъ за 515 лѣтъ до Р. Х. Нѣкоторые думаютъ, что много было художниковъ сего имени. Одинъ *Каламисъ* жилъ между *Канихолъ* и *Миронолъ*, а другой несравненно позже. Между тѣмъ извѣстно, что еще былъ художникъ *Каламисъ*, современникъ *Пиндару*, копорый сдѣлалъ спашую для *Беопійскаго* храма, *Аммона*, посвященную симъ поэмомъ. *Пиндаръ* родился въ 520 году до Р. Х.

ДАМЕАСЪ.

Дамеасъ Кротонскій сдѣлалъ спашую *Милона Кротоніата*, и сей аплетъ, знаменитый по необыкновенной силѣ, самъ принесъ ее въ *Альписъ*, гдѣ должно было поставитъ ее. Онъ явился на *Олимпійскихъ* играхъ, въ первый разъ, за 582 года до Р. Х. Это время показывается, когда жилъ *Дамеасъ*, а его отечество даетъ знать, что *Искусства* процвѣтали тогда

въ пою часпи *Ипаліи*, копорая назы-
ваешся великою *Греціею*.

ИФИКРАТЬ.

Одна прелеспница, поимени *Леона* (львица), была въ связи съ *Гармоді-емъ* и *Аристогитонемъ*, копорые сдѣ-
лали заговоръ пропивъ ширана *Гиппарха*,
и опкрыли ей сію шайну. Она взяпа бы-
ла подъ спражу, подвержена спрашнымъ
пышкамъ, и кончила жизнь, не опкрывъ
ихъ шайны. Аѳиняне желали изъявить
ей признапельность памятникомъ; но чпо-
бы не подвергнушья обвиненію за то, чпо
удостоивающъ спашу прелеспницу, рѣ-
шились представитъ ее подъ видомъ
Львицы. Ификашу поручено было воз-
двзгнущъ сей памятникъ народной благо-
дарности; и онъ, чпобы сдѣлать безсмерш-
нымъ геройское молчаніе дѣвиды не далъ
спашуъ языка. *Плиній* говоритъ, чпо эта
Львица была очень уважаема, но не упо-
минаелъ, скоро ли послѣ освобожденія Аѳинъ
она сдѣлана. Если сей художникъ, копорого
по догадкѣ опносимъ къ эшому времени,
жилъ не позже, и если его швореніе за-

служивало всѣмъ похвалы, о которыхъ говоришь Плиній: но должно согласишься, что Скульптура въ Греціи оказала важные успѣхи ранѣе, нежели обыкновенно полагають.

АГЕЛАДЕСЪ.

Агеладесъ родомъ изъ Аргоса. Въ Тарентѣ находились *медные кони и плѣнные жены* сего художника. Имя его неважно; но важно время жизни, ибо показывается въкѣ другихъ знаменитыхъ художниковъ. Павзаній говоритъ, что колесница *Клеостена* была швореніе *Агеладеса*; а *Клеостенъ* одержалъ побѣду за 515 лѣтъ до Р. Х. И такъ какъ памятники побѣдителей воздвигались при ихъ жизни; то *Агеладесъ* былъ современникъ *Клеостену*, и имѣлъ питомцами *Мирона* Элевверскаго, и *Поликлета* Сиціонскаго.

МИРОНЪ.

Миронъ Элевверскій. Плиній назначаетъ время жизни его за 432 года до Р. Х., а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что сей художникъ славенъ по стихамъ *Эринны*, со-

временницы Сафо. Это обспоятельство опдалаетъ время жизни его почти на 170 лѣтъ. По словамъ Павзанія Миронъ былъ пишомецъ *Агеладеса*, и слѣдственно жилъ въ началѣ пятаго вѣка до Р. Х. Цицеронъ говоритъ, что сей художникъ жилъ позже *Канаха*, и въ опдѣлкѣ статуи гораздо нѣжнѣе; онъ находилъ въ твореніяхъ его разнообразіе и правильную соразмѣренность частей, но замѣчалъ, что опдѣлка волосъ и шерсти живописныхъ у Мирона также груба, какъ была въ древности. Сей художникъ превосходно опдѣлывалъ головы; а это важнѣйшая часть искусства. Въ крѣпости Аѣинской была его статуя юный *Ликиецъ*, кропящій очиспительной водою, и *Персей* съ головою Медузы. Въ Эгинѣ для храма Гекапы онъ сдѣлалъ статую сей богини изъ чернаго дерева.

Въ Элидѣ подлѣ зданія *Гипподамίωνъ* была галерея въ видѣ полукруга. Посрединѣ споялъ *Юпитеръ* и предъ нимъ *Аврора* и *Фетида* съ просьбами за Мемнона и Ахиллеса. Въ сей галереѣ поставлены были другъ прошивъ друга Греки и ихъ непри-

ятели: *Ахиллесъ* прошивъ *Мелнона*, *Улиссъ* прошивъ *Гелена*, *Менелай* прошивъ *Париса*, *Диомедъ* прошивъ *Энея*, *Аяксъ* прошивъ *Деифоба*. Всѣ сии статуи были творенія Мирона. Такъ Іонійскіе Аполлоніады принесли десятую часть добычи, полученной ими въ *Ороніумъ*, городъ *Албанписа*. Но болѣе всего достойны были удивленія: его *Вакхъ* въ *Теспіи*, и *Эриштей* въ *Аѳинахъ*, однакожь не были сполько славны, какъ его знаменитая нимфа *Іо* въ видѣ коровы, которую наперерывъ воспѣвали всѣ поэты. Къ числу драгоценнѣйшихъ твореній его опнесеть должно статую *Аполлона*, которая взята у жителей *Эфеса* *Антоніелъ* и возвращена имъ *Августомъ*. *Плиній* говоритъ, что въ *Смирнѣ* старая *Вакханка* Мирона было произведеніе самой высокой работы. Сей художникъ дѣлалъ статуи деревянныя, мраморныя и бронзовыя.

ПОЛИКЛЕТЪ.

Поликлетъ Сиціонскій, живописецъ *Агеладеса*, долженъ быть опличаема опъ двухъ *Поликлеповъ*, жившихъ въ *Аргосѣ*. *Плиній* смѣшалъ ихъ, и первому приписы-

ваєшь то, что принадлежишь одному изъ
 двухъ послѣднихъ. Вопшь слова его: „Поли-
 „клепъ Сиціонскій сдѣлалъ *Діадумена* (фи-
 „гуру молодого человека, въ копорой изо-
 „бразилъ Нѣгу). Эпа спашуя знаменита,
 „попому, что куплена за 100 талантовъ.
 „Онъ сдѣлалъ также спашую *Дарифора*,
 „копленосца (гдѣ въ мальчикѣ предспа-
 „вилъ силу) Еще сдѣлалъ онъ *фигуру*, ко-
 „порая у художниковъ называется *акаде-*
 „*мигескою*, по копорой они учашся, и ко-
 „порую поставляюпть закономъ въ иску-
 „спствѣ. Поликлепъ одинъ изъ смерпныхъ,
 „о копоромъ сказапть можно, что онъ со-
 „здалъ искусство въ произведеніяхъ Иску-
 „спва. Онъ сдѣлалъ спашую *теловѣка*, мо-
 „ющагося въ банѣ, и другую *нагаго*, ко-
 „порой хочеть играпть въ кости. Два
 „*мальсика* нагихъ, копорые также *игра-*
 „*ютъ въ кости* (и извѣспны подѣ име-
 „немъ *ἄστρογαλλήζοντες*) находятся въ чер-
 „тогахъ Императора Тита. Многие почи-
 „таюпть ихъ совершеннѣйшимъ произведе-
 „ніемъ искусства. Сверхъ того *Меркурій*,
 „бывшій въ Лизимахїи, *Геркулесъ*, находя-
 „щійся въ Римѣ, *Герой*, берущій *оружіе*.

„и спремѣющийся въ битву, и какой-то *Ар-*
 „*темонъ*, названный *періфорτος* *цда-*
 „*лыиъ*. Всѣ сіи спашуи пворенія *Поликлета*:
 „полагають, что сей художникъ усовер-
 „шилъ скульптуру, изобрѣвленную *Фидиа-*
 „*сомъ*; онъ первый началъ утверждать
 „спашуи на одной ногѣ. Впрочемъ *Варронъ*
 „пишетъ, что спашуи *Поликлета* *тетъ-*
 „*регранны*, и почти всѣ похожи одна на
 „другую. „Такъ говоритъ *Плиній*. Но мож-
 „но думать, что иъ изъ его спашуй, въ
 „которыя предполагается нѣжность, про-
 „исходящая отъ легкости въ оцѣлкѣ, не
 „древнему принадлежатъ *Поликлету*. Особен-
 „но замѣнить должно, что *Плиній*, полагая
Поликлета позже *Фидиаса*, смѣшалъ одно-
 „го изъ *Поликлетовъ* *Аргосскихъ* съ *Полик-*
 „*лестомъ* *Сиціонскимъ*.

ОНАТАСЪ.

Онатасъ, *Эгинець*, спрудился вмѣстѣ
 съ *Каламисомъ* надъ спашуею, копорую
Диномедъ посвятилъ *Олимпійскому* храму
 за совершение обѣща оица своего *Гіерона*
 въ 466 до Р. Х. Колесница была пвореніе
Онатаса, а люди, сидѣвшіе на ней, и кони,

Каламиса. Однакожь не должно думать, что бы палайшь *Онатаса* ограничивался представлениемъ однихъ колесницъ. Въ Альшисѣ было его произведеіе, спашуя *Идомена*, попомка *Миноса*, сына *Солнца*. Пѣшухъ, изображенной на щипѣ его, въ обронеи рабощѣ, показывалъ происхожденіе *Героя* опъ того бога, которому посвящена сія пшица. Подпись въ спискахъ показывала, что спашуя шворенія *Онатаса*, сына *Мирона*. Въ помъ же городѣ и шѣмъ же художникомъ сдѣланъ *Меркурій*, несущій *лгненка* подѣ рцкою; эша спашуя предшавлена была въ шлемъ, въ шуникѣ и хламидѣ. Въ *Пергамѣ* *Онатасѣ* сдѣлалъ бронзовую спашую *Аполлона*, которая доспойна была удивленія по величію и искусству художника.

Въ *Фигалии*, *Аркадскомъ* городѣ, была пещера, посвященная *Церерѣ*, подѣ названіемъ *Черной*. *Павзаній* говоритъ, что въ ней находилась спашуя, сдѣлая на камнѣ: голова у спашуи была лошадиная, украшенная гривой, вокругъ вились змѣи и другія живошныя. Корпусъ предшавлялъ прекрасную женщину, одѣтую въ черную шу-

Нику, копорая проспиралась до ногъ, въ одной рукѣ держала она змѣю, а въ другой голубя. Эта статуя была деревянная и сгорѣла. Фигалійцы не заботились возстановить ее и оставили поклоненіе сей богини. Церера Черная опшмстила имъ за свое пренебреженіе. Поля ихъ стали безплодны, и Дельфійскій оракуль объявилъ, что богиня наказываетъ ихъ за нечеспіе. Они поручили *Онатасу* сдѣлать другую статую, и сей художникъ спрого подражалъ первой, копорой нашель слѣпокъ, или рисунокъ.

ГИГИАСЪ.

Гигіасъ, Аѣинянинъ, современникъ *Онатаса* и *Агеладеса*, шакъ говоритъ Павзаній, Его статуи, *Минервы* и *Пирра*, заслужили всеобщую похвалу. Онъ предспавлялъ всадниковъ; и сдѣлалъ статуи *Каспора* и *Поллукса*.

КАЛЛИТЕЛЕСЪ.

Каллителесъ былъ, можетъ бытъ, сынъ, или, по крайней мѣрѣ, питомецъ *Онатаса*. Объ немъ извѣстно шолько то, что онъ шрудился вмѣстѣ съ симъ художникомъ

надъ спашую Меркурія, о которой мы говорили.

СИМОНЪ.

Симонъ, Эгинець, сдѣлалъ группу, спашую лошади и человѣка, державшаго ее за узду; сей памятникъ поставленъ былъ въ Альписѣ. Плиній говоритъ еще о бронзовыхъ спашуяхъ *стрѣлка* и *собака*, которыя были также швореніе Симона.

ДИОНИСІЙ.

Діонисій Аргосскій сдѣлалъ также группу въ Альписѣ, подобно *Симону*, который ему былъ современникъ, но его лошадь меньше была уважаема. Онъ сдѣлалъ также спашуи: *Юпитера*, *Геркулеса* и *Орфея*, которыя принесены въ даръ Смикіеомъ. Это произшествіе показывается въкъ художника, ибо Геродотъ говоритъ, что *Смикіеъ* былъ намѣстникомъ *Анаксиласа*, Регіумскаго ширана, за 498 лѣтъ до Р. Х. Въ Римѣ, въ портикѣ Октавіи, въ храмѣ Юноны, была спашуя сей богини, швореніе *Діонисія* и *Поликлетъ*: это показы-

вають, что и прежде *Фидіаса* были художники, доспойные уваженія.

ГЛАВКЪ.

Главкѣ Аргосскій, сдѣлалъ также для *Смикива* спатуи: *Алифитриты*, *Нептѹна* и *Весты*.

НИКОДАМЪ.

Никодамѣ, родомъ изъ Менала; его *Паллада* въ шлемѣ и съ эгидомъ послана была подлѣ пвореній *Діонисія* и *Глипка*, копорыхъ онъ былъ, можеть быть, современникъ. Еще извѣстные были его спатуи: *Геркулесѣ*, *убивающій льва Немейскаго*, два *панкратата* и спатуя *бойца*.

СОКРАТЪ.

Сократѣ, *Фивянинь*, извѣстенъ полько по одной мраморной спатуѣ, копорую сдѣлалъ вмѣстѣ съ *Аристоделомѣ*. Сіи два художника жили въ одно время съ *Пиндаромъ*, и можно полагають, что они были во цвѣтущихъ лѣтахъ, когда сей поэтъ приближался къ концу жизни. (Онъ умеръ въ 435 году до Р. Х.) Ибо не вѣрояшио, что

бы Пиндаръ въ юноши воздвигнулъ храмъ
Матери боговъ, и поручилъ симъ худож-
никамъ сдѣлать спашую богини.

ЭЛАДЪ.

Эладъ, родомъ изъ Аргоса, не славенъ
самъ по себѣ, но знаменилъ пипомцемъ
своимъ *Фидіасомъ*. Онъ сдѣлалъ спашую
Геркулеса, для храма его, воздвигнушаго
въ *Мелитѣ*, маломъ городкѣ Аппики. Ибо
въ семь самомъ городѣ Геркулесь посвя-
щенъ былъ въ малыя шайнсшва.

|| (Окончаніе впредь).

ИЗВѢСТІЕ О ДРЕВНѢЙШИХЪ ИСТОРИКАХЪ ПОЛЬСКИХЪ, И ВЪ ОСОБЕННОСТИ О КАДЛУБКѢ, ВЪ ОПРОВЕРЖЕНІЕ ШЛЕЦЕРА, Соч. ДЕЛЕВЕЛЯ.

Незабвенный издатель Неспора, мужъ, одаренный удивительнымъ умомъ критическимъ, безпримѣрною спрогосстію и необыкновеннымъ терпѣніемъ, пригошовившій множество перемѣнъ по критикѣ и исторіи для позднаго попомсїва, въ пыли опрывшій древнѣйшаго историка нашего, Неспора, безсмертный Шлецерь не былъ чуждъ пристрастія.

Увлечень будучи мнѣніями небольшого числа писателей, болѣе же всего пристрастившись къ Неспору, онъ оуждаеть всѣхъ его пропивниковъ, которые несогласны съ нимъ касательно древности,

или достоверности. Въ разсужденіи послѣдней, онъ болѣе всего нападаетъ на Польскихъ Испориковъ. Я бы не сказалъ прошивъ него ни слова, еслибы самыя жестокіе упреки его имѣли хотя нѣкоторый видъ справедливости. Обращая все свое вниманіе на одного только Неспора, въ изысканіяхъ своихъ, къ Польской испоріи относящихся, Шлецеръ удалился отъ истиннаго пути, по которому онъ, было пошелъ, доказывая несуществованіе Леха (1). Понося во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ народъ Польскій, онъ столько же несправедливо поступаетъ и съ испориками сего народа въ превосходномъ своемъ изданіи Неспора, гдѣ первымъ изъ нихъ называетъ Кадлубка, котораго притомъ не опустилъ очернить постыдными клеветами. Здѣсь *вопервыхъ* мы зяѣмъ, что въ Польшѣ были испорики прежде Кадлубка, *вовторыхъ* покажемъ, какимъ образомъ Шлецеръ приводитъ свидѣтельство Польскихъ испориковъ.

(1) Доказательство несуществованія Леха переведено на Польской языкъ и напечатано въ Виленскомъ Альманахѣ на 1774.

Касаптельно перваго Шлецеръ говоритъ:
 „всѣ Польскія лѣтописи (*antiquas Polono-*
 „*rum Historias*), въ сравненіи съ другими,
 „весьма новы. Поляки гораздо прежде Руси
 „приняли христіанство, а слѣдовательно
 „и письменна; но послѣднимъ воспользова-
 „лись они спустя болѣе ста лѣтъ послѣ
 „перваго для составленія лѣтописей. Са-
 „мый первый и древнѣйшій лѣтописецъ
 „ихъ былъ Епископъ Кадлубекъ (ум: 1223):
 „но какой лѣтописецъ! Есть два со-
 „вершенно разныя изданія его лѣтописи,
 „и оба содержатъ въ себѣ совершенную не-
 „лѣпость. Спойте только прочесть ихъ,
 „чтобы въ томъ удостовѣриться. — Спу-
 „стя нѣсколько послѣ него появившійся ис-
 „толкователь еще болѣе умножилъ сію не-
 „лѣпость.“ (2) И п. д. Неспоръ кн. 2 стр. 217.

(2) Alles, was man Polnische Annalen antiquas Polonorum Historias, nennt, ist verhältnissmäsig jung und neu. Christenthum, und folglich auch Schreibkunst hatten die Polen weit früher, als die Russen erhalten: aber um mehr als 100 Jahre später nützten sie letztere zum Annalenmachen. Ihr allererster und ältester Annalist ist der Bischof Kadlubek (+ 1223). Aber welcher Annalist ist dieser

И пакъ все, что называютъ *antiquas Polonorum Historias*, по словамъ Шлёцера, есть весьма новое. Онъ не опровергаетъ, что Поляки прежде Руси научились искусству писать, но уверяетъ, что черезъ 100 лѣтъ только начали употреблять сіе искусство. Я этого не знаю. Знаю только, что Русь (то есть поколѣніе Шведовъ или Варяговъ), владѣвшая Славянами на пространствѣ земли отъ Ладожскаго озера до устья Днѣпра, еще прежде введенія письма (?), прежде даже перваго Польскаго короля Зимовиша, Русь имѣла свой собственный родъ письменъ, заимствованныхъ отъ славныхъ Рунъ (3). Опуская однакожъ сіе обстоятельство, въ которомъ крилика можешь сомнѣваться, надлежитъ замѣтить, что сей Кіевскій мо-

---

Mann! Man hat я wesentlich verschiedene Ausgaben von seiner Chronik; beyde aber enthalten wahren Unsinn; ich berufe mich auf den Augenschein. Sein etwas späterer Commentar hat den Unsinn, wo möglich noch vermehret.“ u. s. w. Nestor T. 2 p. 217.

(3) Такъ, покрайней мѣрѣ, думаетъ большая часть ученыхъ аншикваріевъ.

Часть XIV. Кн. II.

ii

нахъ Несторъ принадлежалъ не къ пришельцамъ Руссамъ, но къ уроженцамъ сей земли Полянамъ или Полякамъ. Не знаемъ, какаго онъ былъ рода; знаемъ только, что онъ былъ монахомъ въ Кіевѣ и жилъ между Полянами, поспроившими сей городъ и въ немъ обитавшими, и тамъ писалъ свою достопамятную лѣпопись (4); на сіе однакожь можно отвѣчать, что Несторъ жилъ уже подъ Русскимъ владычествомъ. И такъ, если для сей одной причины намъ Полякамъ должно опказаться опъ сего почтеннаго переписчика Византійскихъ лѣпописей; то мы находимъ и между нами самаго здравомыслящаго и справедливаго лѣпописца, современнаго Нестору, и очень извѣснаго Шлецеру: я говорю о Маршынѣ Галлѣ, который, приписывая свои лѣпописи премо Польскимъ Епископамъ, скрылъ собственное имя.

-
- (4). Это видѣть можно въ самомъ Несторѣ, гдѣ онъ говоритъ о началѣ Кіева. Шлецеръ можеть подать поводъ къ сомнѣнію о рожденіи Кіа, но не можеть опровергнуть словъ: опъ нихъ же (Поляковъ) сущь Поляне Кіане и до сего дне. Шлец. Ч. а. Стр. 99.

Какъ мы не знаемъ происхожденія на-
 шего Нестора, такъ равно не знаемъ до-
 стовѣрно и опцизны Галла, котораго лѣ-
 топись у себя имѣемъ. Но что онъ опи-
 сывалъ дѣянія Польскаго народа, то сіе
 касается до насъ, хотя мы и ничего не
 знаемъ о его происхожденіи. По мнѣнію
 самаго Шлецера, Несторъ родился въ 1056
 году, а умеръ около 1116. По его же мнѣ-
 нію, Мартынъ Галль жилъ и писалъ меж-
 ду 1109 и 1138 годами. Не смотря на то,
 онъ говоритъ, что первый и древнѣйшій
 лѣтописецъ Польскій былъ Епископъ Кад-
 лубекъ, умершій 1223 (?). Хотя бы и надле-
 жало намъ ошказаться отъ здравомысляща-
 го опца Польскихъ историковъ, Галла все
 однакожъ Кадлубекъ не останешся первымъ
 Польскимъ лѣтописцемъ. Я не стану го-
 ворить опредѣлительно о семъ предметѣ,
 пребывающемъ большидъ и долговременныхъ
 шрудовъ, каковыя должно сосланишь осо-
 бенное изслѣдованіе лѣтописи, оставлен-
 ной попомству подъ именемъ Кадлубка;
 но, слѣдуя собственному мнѣнію, основан-
 ному на мнѣніи неизвѣстнаго комментари-
 стора приписываемой Кадлубку лѣтописи,

смыло утверждаю (и всякой согласился, ежели пересмотритъ разныя изданія Кадлубка и сличитъ ихъ между собою), — что до Винкенпя Кадлубка существовали въ Польшѣ писатели, занимавшіеся описаніемъ дѣяній своего народа, какъ на примѣръ: Машвѣй Гербу, Холева Епископъ Краковскій и Яникъ Гербу Грифъ Епископъ Гнезненскій. Они жили около 1160 (5) года и оставили послѣ себя письменныя свои бѣсѣды; копюрыя, безъ сомнѣнія будучи собраны Кадлубкомъ въ одно цѣлое и въ разныхъ мѣстахъ искаженныя и перемѣшанныя, составляютъ нынѣ при книгѣ историческихъ извѣстій и разныхъ невѣроятныхъ сказаній, извѣстныхъ свѣшу подъ именемъ повѣстей Кадлубка.

Принимая въ разсужденіе время, когда писалъ Кадлубекъ, надобно имѣть снисхожденіе, ежели по его легковѣрью вкрались

(5) Длугошъ полагаетъ смерть Яна или Яника въ 1166 году; и въ томъ же году смерть Машвѣя; въ 1167 году упоминаешь о несчастномъ походѣ въ Пруссію, котораго мнѣнію слѣдовалъ и Нарушевичъ. Томъ III. Кн. IV. но сіе пренебрежетъ многихъ изслѣдованій.

въ первую книгу его нѣкопорыя спран-
ныя повѣствованія о Гракхахъ (6) и Леш-
кахъ (7), кошорыхъ я не буду сравнивать,
по примѣру Нарушевича (8), съ Целіядра-
томъ или Мелигоспомъ. При всѣхъ шако-
выхъ спранноспяхъ нашъ Епископъ не
начинаеть своихъ Лѣпописей опъ Попопа
и Семейспва Ноева, какъ сіе учинилъ Не-
споръ, послѣдую Византійскимъ писаше-
лямъ. Наспоящее описаніе опечеспвен-
ныхъ дѣяній въ лѣпописи Польскаго Е-
пископа начинаешся уже въ послѣднемъ
письмѣ первой и въ первыхъ письмахъ
второй книги. Опселѣ начинаешся Поль-

-
- (6) По его словамъ Гракхъ былъ военачаль-
никомъ Галловъ; опъ него произошелъ
Кракусъ: но какимъ образомъ возникло
преданіе о могилахъ Кракуса и Ванды?
- (7) Лешки Машвѣя Холевы были, можеть
бышь, какіе нибудь Князья или владѣше-
ли Карпатскихъ Славянъ, кошорыхъ на-
добно искашь въ Меѣандрѣ. Иванъ Коха-
новскій, а по немъ и Иванъ Помоцкій о-
шибаюпся, полагаая, что Лешки владѣли
или княжили въ Польшѣ прежде Піас-
повъ, и будшо къ нимъ принадлежишь
Попѣль.
- (8) Томъ II. Книга II. 39. Припись подъ ли-
шерою (f) изданія перваго Спр. 241.

ская исторія. Первымъ Государемъ Поляковъ - Ляховъ есть Земовитъ, сынъ Пясса, который послѣ Попѣля Гнезненскаго распространилъ свое владычество надъ окрестными странами. Мы знаемъ это изъ Матвѣя Холевы (II Epistol. 4), и Маршына Галла (9); Но возвратимся къ нашему

(9) Стр. 59 Данцигскаго изданія. Вотъ все, что извѣстно о древнихъ Полякахъ. Древность, изобилующая всегда баснями, разгласила, что мыши съѣли Попѣля, и что, при посрещеніи Земовита, Пяссъ испыталъ какія-то чудеса. Послѣ сего къ первому Попѣлю прибавили и друго-го, то есть: отца его, которому придумали многочисленное семейство, а причиною постыдной смерти Попѣля II положили масть Божію за оправленіе имъ дядей своихъ для достиженія престола, (что находишь въ искаженныхъ уже писмахъ Холевы). Отъ невыразимѣннѣйшихъ Польскихъ испоржковъ Маршына Галла и Матвѣя Холевы переписчики облекли въ Царское достоинство Піста, хотя онъ никогда не владелъ ни однимъ народомъ, (см. Длугоша). Вникнувъ въ сочиненія Маршына Галла и Матвѣя Холевы, легко можемъ усмотрѣть несуществованіе Леха, Визимира и 12 воеводъ, которыхъ полагали первыми владѣтелями

предмету. И пакъ мы находимъ истори-
ковъ, какъ то: Епископовъ Краковскаго и
Гнезненскаго, копорые занимались отече-
ственными происшествіями гораздо пре-
жде Кадаубка, о чемъ онъ самъ говоритъ въ

полковъ. — Напрасно будемъ искать оныхъ
въ сихъ опцахъ нашихъ историковъ. —
Лехъ взявъ изъ непонятныхъ Хроникъ
Чехскихъ, какъ то справедливо доказалъ
Шлецеръ — Мнѣніе, что Поляки назы-
вались прежде Вандалами, возвелъ на
пронъ Ляховъ, вождей Вандальскихъ. На
семъ-то основаніи вѣрно и Визумаръ,
Король Вандальскій, какъ то видимъ у
Юрнанда (de Rebus Geticis 21) названъ
Визиміромъ, Королемъ Польскимъ. Зна-
менипосиль рода Асдинговъ, изъ коего
происходилъ Визумаръ, его несчастія во
время всеобщаго пораженія народовъ Сар-
маціи Готнами, мѣста и большіе города,
получившіе названіе опъ сего имени и
побѣды, надъ Датчанами одержанныя,
побудили переписчиковъ и компилято-
ровъ включить его въ число наследниковъ
Леха. Еслибы я имѣлъ средства, то лег-
кобы открылъ испочинки басенъ, копо-
рыми наполнено начало Польской исто-
ріи. Необходимость сличать и повѣрять
многія лшописи чрезвычайно замедля-
етъ сію работу. У Кадаубка въ письмахъ

книгѣ своей Добромильскаго изданія на
спран. 384. L. IV. „Longe aliud messoris est
„munus, aliud officium agricolae: spinetis occupa-
„tur agricola, nostri sudoris est, spicas, licet spar-
„sas unam in messem colligere; (по еспь: „дол-
„жнось жнеца совершенно разнился опъ

Матвѣя Холева находимъ сказанія о
Гракхѣ и Лешкахъ, копорыхъ совсѣмъ
нѣтъ у Маршына Галла. Однакожь и
Матвѣй Холева не начинаеть исторіи
Польской съ Гракха, копорому приписы-
ваеть основаніе Кракова. Гракхъ его
есть начальникъ Галловъ, какъ выше
сказано. Повпоренное шесть разъ имя
Поляковъ въ I книгѣ Исторіи Кадлубка,
доведенной до Попла, вѣроятно прибав-
лено кѣмъ нибудь изъ поправлявшихъ
сію книгу. Источника басни о Лешкахъ
надобно искать у Менандра и другихъ
Греческихъ писателей, также и у полу-
денныхъ Славянъ, но не у Поляковъ.
Иванъ Кохановскій и Иванъ Пошопкій
оба ошибаюся (слѣдуя догадкамъ Длуго-
ша), выводя родъ Лешковъ до Пясшовъ. —
Но судить о семъ рѣшительно тогда
можно будетъ, когда древнія ру-
кописи очистимъ отъ вредныхъ и лож-
ныхъ примѣсей. — И пошому именемъ
любви къ истинѣ закликаемъ всѣхъ, имѣ-
ющихъ у себя древнія рукописи, жертво-

„должности земледѣльца: послѣдній, зани-
 „маешься только удобрѣнемъ земли; наше-
 „го же шруда цѣль — собираешь въ од-
 „но мѣсто разсыянные колосья). Въ рассу-
 жденіи сихъ словъ Кадлубка неизвѣстный
 Комменпапоръ, назначенный къ сему дѣ-
 лу Королемъ Казимиромъ, какъ единствен-
 ный и отличнѣйшій изъ сей ученой рес-
 публики (*unicus singularis hujus Reipubli: ratio-
 nalis*) изясняется слѣдующимъ образомъ:
 Non hic Dominus Vincentius aliquid dicit se ad-
 invenisse, sed solum gesta hinc inde sparsim con-
 scripta, in unum librum ordinate reposuisse. — р.
 387 — 388. ed. Dobro: (по еспь: „Винкен-
 „шій (Кадлубекъ) ничего здѣсь не изобрѣлъ,
 „но разсыянные въ разныхъ мѣстахъ опи-
 „санія дѣяній собралъ въ одну книгу и рас-
 „положилъ въ порядкѣ). Слѣдовательно

вашъ ими для общаго употребленія пуб-
 личнымъ библіотекамъ, вмѣсто того,
 чшобъ гноить дома безъ всякой пользы.
 Найдутся шрудолюбивые люди, копорые
 примутъ на себя шрудъ ихъ объяснишь.
 Такимъ образомъ къ славъ народа будущъ
 ошкрыты Свѣшу имена владѣшелей сихъ
 рукописей, и благодарностъ соотечешвен-
 никовъ досшойно вознаградишь ихъ ма-
 лую потерю.

предъ Кадлубкомъ и послѣ него были въ Польшѣ Испорики, которые непрерывно одинъ за другимъ слѣдовали, начиная отъ извѣстныхъ намъ (ибо могли быть еще и древнѣе) Галла и Нестора (10). Шлецеръ же несправедливо и неосновательно сказалъ въ своей криптикѣ о Полякахъ: „что самый первый и древнѣйшій ихъ Испорикъ есть Епископъ Кадлубекъ, (Ihr allererster und ältester Annalist ist der Bischof Kadlubek).

Далѣе Шлецеръ продолжаетъ: „но что „это за лѣтописецъ! спран. 217 Т. 2. — „Его дурному примѣру слѣдовали не только его соотечественники въ продолженіе „300 лѣтъ. . . . но зараза сія распроспранилась на многихъ сосѣдей, какъ то Богемцевъ, Липовцевъ и Прусаковъ — спр. 160 Т. 2. Aber welcher ein Annalist ist dieser Mann! und seinem bösen Beyspiel folgten nicht nur seine Lands-Leute 300 Jahre lang... (ondern es

(10) Несторъ 1100 Маршынъ Галль 1110. Матвій Гербу Холева 1160 Янъ Гербу Грифъ 1160 Винкеншій Кадлубекъ 1220. Богуфаль 1250. (М. Спремпскій 1279). Янъ Хроникарь 1359. Анонимъ Янъ Длугошъ 1480. годовъ.

sterkte auch viele der Nachbarn, der Böhmen, Littauer, und Preussen).

И такъ, по словалъ Шлецера, сочиненія Кадлубка заразили нелѣпостями и прочіе народы! Но выраженія сіи ничушь не кажутся для меня удивительными, когда я усмаприваю, что онъ не только не обрацалъ вниманія на предшесивенниковъ Кадлубка (даже и иногда, когда говорилъ о Лехѣ); но даже не вникнулъ въ лѣпописи, сему испорику приписываемыя. Слѣдовательно Шлецерова замѣчаніе: *бесмыслица* (Unsinn) и мнѣніе объ испорикахъ Польскихъ достойны строгаго сужденія, хотя онъ и слишкомъ смѣло говоритъ: „что ни- „кто безстыднѣе и безсмысленнѣе не со- „савлялъ басней, какъ Польскіе испори- „ки“ *unverschämter und unkluger fabuliren keine als die polnischen*), ссылаясь въ семъ мнѣніи на *очевидность* (*ich berufe mich auf den Augenschein*). Но не смотря на такое его признаніе, все ему не надлежало унижать испориковъ, совсѣмъ ему неизвѣстныхъ, и въ такихъ важныхъ упрекахъ ссылались на мнимую очевидность: и ежели бы онъ вспомнилъ о своей *kleine Kritik*, то бы не

нашелъ въ Кадлубкѣ роду Яфета. Далѣе онъ продолжаетъ: „здѣсь предсавляю нѣ-
 „копорыѣ образцы шаковой безсмыслицы
 „Поляка Кадлубка (умершаго + 1223, слѣ-
 „довательно 100 годами послѣ Неспора)
 ибо и это прибавленіе нужно! — Hier nur
 einige Proben von solchen Ansinn der Pohle Kad-
 lubek (Bischof + 1223 also 100 Iasrer nach Ne-
 „stor. 'Въ Польской Хроникѣ стр. 1. Издан-
 „ной въ Данцигѣ въ 1743 году in fol. (in
 Chronico Polonorum p. 1 edit Gedan. 1749 fol.)
 „Поляки произошли отъ Яфета, сына Но-
 ева. . . . Сей Яфетъ имѣлъ многихъ сы-
 „новъ, одинъ назывался Явань, котораго
 „Поляки зовушъ Иванъ. Иванъ же родилъ
 „Филараму. Потомъ по порядку слѣдуютъ
 „попомки: Аланъ, Анхизъ, Еней, Асканій,
 „Ламфиль и проч. и проч. (11)

Шлецеръ продолжаетъ: (12) „древнѣйшее

(11) Poloni ab Iaphet, qui fuit filius Noe, sunt exorti . . . Hic Iaphet habuit multos filios, quos genuit. Unum habuit, cujus nomen erat Iawann, quem Poloni vocant Iwan. Iwan autem genuit Philaram. Nun folgen die descendenten auf einander, Alan, Anchises, Aeneas, Ascanius, Pamphilus, &c. &c.

(12) Die ältere Ausgabe Kadlubeks hinter dem dugoss (Lips 1712 T. II. p. 596), weicht von

„изданіе Кадлубка, при Длугошѣ находяще-
 „еся, (Lips: 1712 Т. II. р. 596), весьма раз-
 „лично опъ изданія Данцигскаго, но шекспѣ
 „онаго еще безсмысленнѣе. Напримѣръ: „Я-
 „винъ, кошораго Поляки называюпъ Яномъ,
 „а Русскіе Ивановъ и проч. Т. 2 сшран.
 12 — 13! . . .

Чипая превосходное Шлецерово изда-
 ніе Неспора, я крайне удивился, нашедши
 памъ, что онъ ложно приводитъ въ сви-
 дѣтельство шекспѣ испорити. Ибо, прочи-
 тавъ нѣсколько прежде того Кадлубка, До-
 бромильскаго изданія (in officina Ioannis
 Szeligae Anno Domini 1612. 8) я вовсе не на-
 шель въ истинномъ шекспѣ никакихъ ба-
 сенъ ни о Ляхъ, ни о попомкахъ Ноя: всѣ
 шаковыя нелѣпости находяпся въ припи-
 скахъ . . . И такъ Шлецеръ приводитъ
 въ свидѣтельство комменшаріи виѣсно на-
 споящаго шекспѣ! — Случаемъ доспаль я
 приводимое Шлецеромъ Данцигское изданіе,
 и памъ то, къ новому моему удивленію,

---

der danziger sehr ab, ihre Lese: arten aber
 sind wo möglich noch unfluger: z. ex: „Ia-
 win, quem Poloni vocant Ian, Rutheni vero
 Iwan, &c. Th. 2 р. 12 — 13! . . .

нашелъ сіи плоды невѣжества Комменшаторовъ 16 шпольпія, которыхъ щещно будемъ искать въ Добромильскомъ изданіи. Въ Добромильскомъ 3 книги состоятъ въ письмахъ (какъ выше сказано: между Машвѣемъ Холевою и Яномъ Грифомъ), а четвертая, называющаяся Кадлубкова, раздѣлена на части; въ Данцигскомъ же изданіи находится одна шолько книга, писанная безъ всякаго раздѣленія, которая, какъ легко видѣть можно, перемѣшана съ чужими примѣчаніями и сокращена такъ, что едва содержитъ половину книгъ Добромильскаго изданія. Въ Добромильскомъ комменшаторъ явно означаетъ свои примѣчанія; а въ Данцигскомъ они совсѣмъ не оплачены отъ текста. Вотъ каковы разныя изданія и рукописи древней исторіи Польской! Добромильское изданіе сдѣлано какимъ-то Д. Д., который уведомляетъ читателя, что онъ въ семь дѣлъ понесъ невѣроятныя трудности по причинѣ весьма древнихъ и припомъ наполненныхъ ошибками экземпляровъ (*ex antiquissimis iisque viciosissimis exemplaribus, vix credas quantum molestiae suscepimus*); Данциг-

ское же изданіе, какъ видно изъ предисловія издашеля, соспоишь изъ Кодекса, о чемъ упоминается въ слѣдующихъ словахъ; „Высокій и высокопочтенный Князь Епископъ Варміенскій, сообщилъ намъ изъ Гейлсбергской Библіюшеки для напечатанія. Кодексъ сей принадлежалъ прежде Пепру Шамопульскому, Касшеляну и Воєводѣ Познанскому, кошорый жилъ въ половинѣ 15 вѣка, и на первой спраницѣ внизу написано золотыми буквами: „книга, принадлежащая Господину Пепру Шамопульскому, Касшеляну и воєводѣ Познанскому (13).

Когда я началъ сравнивать сіи два, совершенно разные изданія; шо оказалось,

---

(13) *Celsissimus & Reverendissimus Princeps Episcopus Varmiensis, nobiscum ex Heilsbergensi Bibliotheca benignissime communicavit, ut typis exprimi curaremus. Codex ille, quo continetur, manu exaratus, fuit olim Petri Schamotullii, Castellani & Praefecti Posnaniensis . . . Qui saeculi decimi quinti medio floruit, legiturque in primae pag: inferiore margine auratis litteris: liber magnifici Domini Petri de Schamotuli Castellani & Capitanei Posnaniens: &c.*

что все начало въ Данцигскомъ изданіи почерпнуто изъ славнаго приписчика, жившаго во время Владислава Ягеллы (онъ даже говоритъ объ его коронаціи); слѣдовательно въ 15 столѣтіи. И наконецъ, на страницѣ 2, строку 16, нашель я выраженія Кадлубка (по естѣ: Машвѣя Холевы) „многія тысячи изъ нихъ погибли во многихъ сраженіяхъ и проч.“ (*multa millia eorum multis stragere conflictibus, &c.*), въ Добромильскомъ же изданіи слова сіи находящіяся во вѣдомомъ письмѣ Машвѣя Холевы на страницѣ 26, строку 4. И далѣе вездѣ находилъ я великую разницу въ сихъ двухъ изданіяхъ. Положимъ, что споль славный криптикъ и ученый мужъ, каковъ Шлецеръ, не нашель другаго изданія Кадлубка, кромѣ Данцигскаго. Въ такомъ случаѣ довольно имѣшь передъ глазами *kleine Kritik!* — Въ предисловіи издатель говоритъ: „Лѣтопись, которая нынѣ издана въ свѣтъ, во многомъ различается отъ той, которой изданіемъ обязаны мы Гербургу и напечатанной въ Лейпцигѣ (этой я во все не знаю). — „Въ нашемъ изданіи со всѣмъ другое начало, повѣствованіе не-

„прерывается (14) безпрестанно письмами, и изложеніе предметовъ гораздо короче, исключая немногіе (15). Для критика сего уже довольно, чтобы считать подозрительнымъ цѣлое изданіе, когда онъ не зналъ другаго, и чтобы не полагаться на одинъ взглядъ (Augenschein). — Здѣсь говорится, что начало совсѣмъ другое въ Данцигскомъ, нежели какое въ Гербуршовомъ изданіи; Шлецеръ же по одному началу заключаетъ о всѣхъ нелѣпостяхъ и на немъ основывается всѣ свои опроверженія. Въ Данцигскомъ изданіи начало слѣдующее: „Я вознамѣрился вкратцѣ описать происхожденіе Польскаго народа, отъ начала міра, собравъ извѣстія объ немъ изъ многихъ историческихъ сочиненій. Но прежде всего должно знать, что Поляки произошли отъ Яфета, сы-

(14) Изданіе Гербурта должно быть, какъ Добромильское, въ письмахъ.

(15) Chronicon, quale nunc in lucem prodit, ab eo, quod primum Herbuto debemus, quodque Lipsiae recensum in multis differt. Aliud in nostro initium narratio continue non per epistolas interrupta expositio rerum, non nullis passim omissis brevior.

на Ноева и проч. (16). Слѣдовашельно Кадлубекъ изъ многихъ историческихъ сочиненій (*ex multis historicis scripturis*) предпринялъ извлечь краткое описаніе (*compendiose scribere*); напропивъ того, по мнѣнію Шлецера, Поляки прежде Кадлубка не имѣли писаной исторіи. На сіе Шлецеръ можеть справедливо опивѣчать, что Кадлубекъ собиралъ историческія извѣстія о Польскомъ народѣ не изъ Польскихъ историковъ. Таковое предположеніе будеть основашельно: ибо въ самомъ дѣлѣ Поляки ни прежде Кадлубка, ни даже послѣ него спустя много времени не писали подобныхъ нелѣпостей, пока не научились сему отъ своихъ сосѣдей Нѣмцовъ.

Съ того времени, какъ Берозъ сдѣлался извѣстнымъ въ Германіи и Виллеребскіе (17) Комменшапоры размножились, воз-

(16) *Ortum sive originem Poloniae gentis ab initio mundi ut ex multis historicis scripturis comperi, compendiose statui describere. Sciendum est autem, ante omnia, quod Poloni ab Iaphet, qui fuit filius Noe, sunt exorti. &c.*

(17) Берозъ (*Berosius*) былъ древній Халдейскій писатель, коего сочиненія предали. Въ XIV столѣтіи появилась сумазброд-

родилось и у нашихъ предковъ желаніе шворить разныя чудесныя поколѣвія. Мнѣ кажешся, что Кадлубекъ уже не жилъ въ это время; попому что оная историческая ересь существовала около XIV столѣтія. Минувшаго разсужденія доспапочно было, чтооь славнаго издашеля Неспора удержашь онъ злоумышленнаго приведенія безсмысленныхъ мѣспъ изъ Кадлубка, а внимашельное чпеніе сего изданія долженствовало увѣришь строгаго криптика въ его невѣрности. Что же намъ сказашь, когда мы ясно видимъ, что Шлецеръ не только съ намѣреніемъ приводиль наполненное ошибками изданіе (18); но да-

---

ная голова, копорая подь его именемъ сотворила чудесами наполненную книгу, вѣкошорые же шогдашніе ученые, принявъ ее за истинную книгу Бероза, еще болѣе дополнили сумазбродшво.

- (18) Нарушевичъ въ исторіи Польскаго народа Т. 3 въ припискѣ 183 къ 4 книгѣ, стр. 451 изд. Московскаго, справедливо Данцигское изданіе льпописей Кадлубка называешь собраніемъ нелѣпостей. Здравый разсудокъ долженъ былъ увѣришь Шлецера о совершенствѣ изданія Кадлубка, находящагося при сочиненіяхъ Длугоша,

же, починая худшее за лучшее, приводилъ ложныя цитаціи? Шлецеръ говоритъ: „на-
 „ходится два совершенно разныя изданія
 „его (по естѣ Кадлубка) лѣтописи, и оба
 „содержащъ въ себѣ совершенную нелѣ-
 „пость.“ ... Спустия нѣсколько послѣ него,
 появившійся исполкователь еще болѣе ум-
 ножилъ сію нелѣпость. Изд. Нестора кни-
 га в страницѣ 217 (19). По этому Шле-
 церъ зналъ, что находится два *совершен-*
но или существенно разлжныя wesentlich
verschiedene) изданія Кадлубка; сверхъ по-
 го зналъ и Комменшатора, *случя не мно-*
го времени послѣдовавшаго (etwas späterer);
 то естѣ, чрезъ 200 лѣтъ послѣ, (!) копо-
 рый еще болѣе умножилъ сію нелѣпость,
 (*hat den Unsinn, wo möglich noch vermehrt*).
 Изъ приведенной Шлецеромъ цитаціи, мы
 видимъ, что онъ имѣлъ другое при Длуго-
 шевой исторіи находящееся изданіе Кадлуб-

ежели только Шлецеръ читалъ приводи-
 мыя имъ изданія Кадлубка.

(19) Man hat 2 wesentlich verschiedene Ausgaben von seiner Chronik; beide aber enthalten wahren Unsinn . . . Sein etwas späterer Commentar hat den Unsinn, wo möglich noch vermehrt.

ка (hinter dem Dlugosz). Разсмотримъ же сіе изданіе. По окончаніи XIII книгъ болшупна Длугоша во 2-мъ томѣ послѣ 592 страницы стоить заглавіе: „Винкенсія, Кадлубка, Епископа Краковскаго, исторія „Польская, напечатанная по Добромильскому изданію въ типографіи Ивана Шелига, 1612 года (20). Слѣдовательно сіе изданіе есть поже самое, что и Добромильское, о которомъ упомянуто было выше. Въ обоихъ сихъ изданіяхъ, исключая нѣкоторыя мѣста, разность въ чтеніи шекста (*varietas lectionum*) находится даже самая. Въ семъ изданіи есть предисловіе, которое начинается такъ: Tres, (въ изданіи Добромильскомъ: Veteres) tribus ex causis theatrales oderunt solemnitates (то есть: древніе по тремъ причинамъ ненавидѣли театральныя торжества), а первое письмо или дѣяніе (хотя еще не Польскаго народа), гдѣ читаемъ: fuit quondam in hac Re-

---

(20) Vincentii Kadlubkonis Episcopi Cracoviensis Historia Polonica juxta editionem excusam Dobromili in offi. Ivan. Szeligae. A. D. MDCXII.

publica virtus, совершенно различно отъ начала, какое видимъ въ Данцигскомъ изданіи. Первыя вышеупомянутыя выраженія *multum* и проч. въ Данцигскомъ изданіи находящіяся на страницѣ 604 — въ 23 и 24 строкахъ.

Не смотря на все это Шлецеръ сказалъ: „Прежнее изданіе Кадлубка, при Длугошѣ находящееся, весьма различно отъ Данцигскаго. Но шекспіръ онаго еще безсмысленнѣе. На примѣръ: Явинъ, котораго Поляки называютъ Яномъ, а Русскіе Иваномъ и проч. (21).“ Послѣ столь явныхъ несправедливостей не слѣдовало ли бы сказать: что Шлецеръ вовсе не читалъ Кадлубка? — Ибо жѣлая такая бессмыслица и находящіяся въ сей книгѣ, но не Кадлубекъ въ томъ виновенъ: и свидѣтельство, основываемое на приводимомъ шекспирѣ, ложно. Нелѣпосиъ сія находящіяся на страницѣ 596. въ 13 и 14 строкахъ; для чего же

---

(21) Die ältere Ausgabe Kadlubeks hinter dem Dlugosz, weicht von der Danziger sehr ab, ihre Lesarten aber sind wo möglich noch unkluger z. B. „Iawin, quem Poloni vocant Ian, Rutheni vero Iwan &c.

Шлецеръ опустилъ слова, пущь же заглавными буквами напечатанныя: *Комментарій* (Commentarius)?

Возможно ли было ожидать, чшобъ ученый издастелъ Нестора, мужъ, предписывающій законы испорикамъ и кришикамъ, осмѣлился приписывать выраженія Комментатора самому Кадлубку, и съ намѣреніемъ приводить ложныя цитаціи? — Но слабости и заблужденія изыскашелей доспойны извиненія. — Впрочемъ желательнo бы было, чшобъ и въ Польскомъ народѣ явился другой Шлецеръ для древнѣйшихъ нашихъ испориковъ Маршына Галла и Машвѣя Холевы.

Съ Польск. Ѡ. Булгаринѣ.

О ТЕМНОЙ КОМНАТѢ (*) И ОГЛАЗѢ (**),

Вчера былъ я у Госпожи С**; вы знаете, что домъ ея находится пропивъ амфитеатра Фурвьерскаго. Быстрая Саона омываетъ своими волнами сію величественную гору, на копорой видны развалины древняго Ліона,

Опшуда открываея необозримая равнина, оканчивающаяся Альпами. На равнинѣ возвышаея множество городовъ. На оплогоспи холма видны еще между кустарниками разрушенныя дворцы и гробницы Римлянъ. Здѣсь упалъ громъ и че-

---

(*) Русское наименованіе *Темная комната* мы употребили здѣсь вмѣсто иноземнаго *камера-обскура*, принятаго нашими физиками. Д. М.

(**) Изъ *Lettres à Sophie*.

резь ночь не спало Ліона! Развалины храма Аугустова, обломки амфитеатра, сіи водопроводы, копорыхъ арки вѣнчающъ гору и проспирающъ въ обширные луга, возбуждаютъ въ душѣ возвышенныя мысли.

Тамъ Рона, быспрую Саону увлекая,
И ревомъ волнъ своихъ окрестность оглашая,
Трикрашно видѣла, въ печеніи временъ,
Паденье шумное Ліона гордыхъ спѣвъ:
Вошце защитой имъ грудь предковъ раздра-
женныхъ,
Трикрашно на берегахъ ихъ кровью, обогрен-
ныхъ

Грозящее чело градъ юный возносилъ
И міру цѣлому примѣръ собой гласилъ,
Изъ пепла возродясь съ красою величавой.
Сіи поля давно знакомы съ громкой славой.
Съ сопутницей своей побѣдой Аннибалъ
На грозной высотѣ сихъ неприступныхъ
скалъ,

Которыя вдали лазурной полосой
Сливающъя небесъ съ прозрачной синевою,
Увидѣлъ къ Риму пушь — и въ дерзоспной
мечпѣ

Уже вель воиновъ по льдисшой высотѣ.
Чертоги Цезарей здѣсь гордо возвышались;
Однѣ развалины пеперь ошъ нихъ оспались.

Тамъ портики Римлянъ, здѣсь храмъ красой
сіаль,

Гробницы, въ коихъ прахъ героевъ почиваль,

Полуразрушенны войною и вѣками,

Скрывающся шеперь весенними цвѣтами.

И храмъ Киприды былъ на скалѣ сихъ холмовъ:

И голубь, вѣрный ей, порхая межъ кустовъ,

Досель развалинамъ еще не измѣняешь.

Орелъ Юпитера въ уныніи лешаешь,

И бога своего, низверженнаго въ прахъ,

Не видя ошаря, кружишься въ небесахъ.

И покровишель — крестъ сихъ спѣнь возоб-
новленныхъ

Сіяешь надъ горой чертоговъ, раздробленныхъ

И храмы падшіе Предвѣчному дарить,

Гдѣ мѣдный ликъ боговъ поверженныхъ ле-
жишь.

Блаженъ, спокрапъ блаженъ орапай неизвѣ-
спной,

Избравшій въ сихъ мѣспахъ приюль съ семь-
ей любезной:

Онъ всякое зерно спорицей соберешь

И посреди людей ему Творецъ оплошь.

Его мечтанія въ объятіяхъ природы

Исполнены весной и прелестью свободы.

Завоевателей, громащихъ мѣръ войной,

Не знаетъ онъ именъ съ подругой — пишиной.

И въ сей обишели, побѣдой освященной,

Онъ ниву лишь хранишь и чшишь Творца
вселенной!

Госпожа С**, свидѣтельница моего пиипического воспорга, сказала съ улыбкою: я нѣсколько разъ спаралась соединить всѣ эти виды въ одной картинѣ, но безъ всякаго успѣха; я шерялась въ подробностяхъ и цѣлое не имѣло ни прелести, ни величія. — Это отъ того, что искусство не сполько совершенно, сколько природа; но скажите природѣ, чтобы она нарисовала сама себя и вы увидите изящное произведеніе. — Я васъ не понимаю. — Если вы хотите лучше понять меня, то закроемъ окна и останемся въ пемнонѣ. — Вошь прекрасная выдумка! Хорошо, продолжала она съ прелестною живосцію: когда мы будемъ въ пемнонѣ, что мы увидимъ? — Вы думаете что я шучу, а я васъ увѣрляю, что мы увидимъ въ пемнонѣ природу, копорая нарисуетъ сама собою съ удивительнымъ разнообразіемъ и съ неподражаемою живосцію оппѣнокъ. — И такъ вы не шупите, сказала Госпожа С** съ удивленнымъ видомъ? — Уже ли вы не знаете? Чтобы лучше видѣть шайнства природы, Геракшпъ лишилъ себя глазъ, и, если вѣришь нѣкопорымъ писателямъ, то

Омеръ, при всей своей слѣпотѣ, описалъ споль блестящія зрѣлища, что прошло при тысячи лѣтъ и воображеніе не предсказало намъ ничего подобнаго? (*) — Это убѣдительно. Начинайте Господинъ чародѣй, начинайте творить чудеса! Я воспользовался позволеніемъ и приказалъ скорѣе закрыть окна. Госпожа С** смотрѣла на меня съ удивленіемъ. Чрезвычайный опытъ, сказала она, которой должно производить оцупью! Между тѣмъ я помѣстивъ выгнутое стекло въ маленькое опроверженіе, съ намѣреніемъ въ окнѣ сдѣланное, пономъ въ нѣкоторомъ распояніи поставилъ вертикально листъ бѣлой бумаги и вдругъ амфитеатръ Фурвьерской, его сады, его развалины, его дворцы изобразились на семь листовъ съ измѣненіемъ удивительныхъ опшѣнокъ.

Но всего необыкновеннѣе казалось то, что картина была одушевлена: вершины деревъ колебались зефиромъ, и стѣны ихъ

(*) Нѣкоторые писатели сомнѣвались въ слѣпотѣ Омера; но я думалъ, что въ подобной шупкѣ сіе заблужденіе, если оно заблужденіе, не можешь быть важно.

слѣдовали за симъ движеніемъ; солнце проводило длинную свѣтлую черпу по тихимъ водамъ Саоны; суда съ быспрошою неслись по рѣкѣ; пшпцы разсѣкали воздухъ; жишели города выходили изъ домовъ своихъ; природа сама предспавляла свое изображеніе. Каршина была безъ погрѣшноспи, полько предметы въ ней изображались въ опрокинутомъ видѣ.

Сей обращенный міръ съ ошпѣнками красоты
Я вамъ бы съ вѣрносью предспавишь посна-
рался,

Когда бы міръ на оборотъ
Безъ шемной комнашы для насъ не представ-
лялся.

Госпожа С** была въ воспоргѣ; и долго восхищалась сею уменьшеною каршиной. Какимъ образомъ, говорила она, всѣ эти предметы нарисовались на бумагѣ и почему каршина кажется опрокинушою?

Я ошвѣчаль: тѣло испускаетъ со всѣхъ споронъ лучи свѣта, копорые бросаентъ на него солнце; эти лучи опражающся, уносятъ изображеніе тѣла и рисующся во глубинѣ глаза; но, входя въ него, они пере-

сѣкають другъ друга и производящъ такимъ образомъ обращенное изображеніе. — Я васъ спрашивала, опть чего нарисовалась эта прелесипная картина, а вы описываете мне глазъ. — Точно шакъ: темная комната есть внутренность вашего глаза, опверсшіе окна — зрачекъ его, кристальная влага опвѣчаетъ выгнутому спеклу и наконецъ сѣшчапая оболочка замѣняетъ бумагу, на кошорой вы видите рисунокъ природы.

Какъ, воскликнула Госпожа С**, когда я вижу прелесипную деревню, обширную равнину, высокія горы, по все это въ уменьшенномъ видѣ изображается въ моемъ глазѣ? Сподоль малое проспранспво можешъ заключишь въ себѣ величайшіе предметы вселенной; и свѣшь размножается до того, что приноситъ вдругъ одно изображеніе милліонамъ сущесствъ?

— Да, сударыня! Темная комната есть не что иное, какъ глазъ, въ кошоромъ свѣшь рисуется природу. Это объясненіе гораздо лучше, нежели мнѣніе Эмпедокла, кошорый говоритъ, что огонь выходитъ изъ нашихъ глазъ какъ изъ лампы и оп-

крываешь намъ такимъ образомъ предметъ.

Однакожь, возразила съ живосшію Госпожа С***, мы имѣемъ два глаза, а предметы намъ не кажутся вдвойнѣ? — Аргусъ имѣлъ сто глазъ, у Полифема былъ одинъ глазъ, и прелестная Ио не размножалась для споглазаго Аргуса, такъ почто, какъ и единственнѣйшій глазъ Полифема видѣлъ одну только Галатею. Физики объясняютъ это сравненіемъ двухъ лиръ, копорыхъ струны, напаянныя въ одинъ тонъ, производятъ одинъ звукъ на душу.

Это объясненіе доказываетъ только наше невѣжество. Однакожь, хоть что еще наука можетъ къ этому прибавить. Почти во всѣхъ существахъ двѣ оптическія нервы, идущія отъ глаза, приносятъ только одно изображеніе мозгу, потому что онѣ тамъ соединяются. Если бы можно было ихъ раздѣлить, то мы бы увидѣли два изображенія, что должно быть съ Хамелеономъ, у котораго нервы не сближены. По этому наши глаза подобны двумъ часамъ Гюйгенса, копорые шли вмѣстѣ, пока были соединены, и потомъ лишились согласія, когда ихъ раздѣлили.

Но чѣмъ сказать вамъ, какимъ образомъ, помощію легкаго колебанія, маленькая нерва доносишь изображенія до мозга; чѣмъ научишь васъ, какимъ образомъ это движеніе производитъ впечатлѣніе на душу и рождаетъ мысли; чѣмъ наконецъ объяснишь вамъ таинства души, которая возсѣлановляетъ обращенныя картины; это я почишаю совершенно невозможнымъ. Не потому, чѣмъ для меня затруднительно было представить вамъ великое множество объясненій; спросите двухъ философовъ, и вы узнаете три мнѣнія: эпимъ о объясненіямъ нѣтъ конца.

Между тѣмъ весьма справедливо, что наука показываетъ только, до какой степени простирается наше невѣжество.

Но за чѣмъ останавливаться на этихъ неизъяснимыхъ предметахъ? Изученіе глаза представляетъ намъ довольно другихъ чудесъ, достойныхъ занимать нашъ разумъ. Любопытно было бы, напримеръ, изобразить разнообразныя виды, подъ которыми природа являешся различнымъ живописнымъ. Глазъ червячка и слона, мухи и орла представляюща не одинакія чудеса.

Сии эфемеры, о копорыхъ говоритъ Реомюръ, имѣющіе глаза двухъ цвѣтновъ, видяшь съ одной спороны луга золотые и лазурные, а съ другой распенія пурпуровыя и розовыя; всякое насѣкомое имѣетъ свое украшеніе, и всѣ надѣлены самыми блестящими цвѣтами. Есть шакія, копорыя покрышы алмазами; шакія, копорыя блестяшь всѣми оппѣнками радуги; нѣкопорыя даже имѣють огниспыя искры, я кружатся, опбрасывая легкое пламя: какіе виды должны предспавляшь ихъ глазамъ! Какія блистательныя группы они образуюшь! Какое зрѣлище они предспавляють другъ другу, когда жужжають въ воздухѣ, или прогуливаюцца по цвѣтамъ! Самыя мѣста ихъ собраній — мѣста чудесь! Каждой лиспокъ раскрываепъ передъ ними свои шелковиспые и бархатныя ковры. Лиспыя шалфея предспавляютъ сплетеніе симметрическихъ спируй, волнообразныхъ и усѣянныхъ возвышеніями кристальными. Лиспыя пролески подобны шелковому паркету, вышитому серебромъ; ихъ края украшены бахромою сферическихъ и прозрачныхъ пермовъ, коихъ вися-

ція кисті кружатся подобно ослѣпитель-
нымъ гирляндамъ (*): Таковы — поля и
луга, обипель, копорую природа приго-
товляеть для слабыхъ насѣкомыхъ, полу-
чившихъ глаза, чшобъ видѣть ихъ и орга-
ны, чшобъ наслаждаться ими! Но, при раз-
смаприваніи цѣли сущесствъ, другія чуде-
са являються моему удивленію.

Бабочка, копорой голова увѣнчана
54,650 глазами, видить опдѣльно предме-
ты, въ нихъ изображающіеся, и природа
должна размножатся передъ нею: каждое
упро безчисленное множесство солнцевъ,
предшесствуемое такимъ же множесствомъ
зарей, восходитъ на горизонтъ, и день для
бабочки являеть столько же ослѣпитель-
ныхъ свѣтилъ, сколько намъ ночь! Пред-
ставляеть звѣздъ. Вы справедливо должны
подумать, чшо если есть между бабочка-
ми ученые, шо они выдумываютъ прелест-
ныя системы о мірахъ и свѣтѣ. Но среди
самаго мрака наука ихъ можетъ имѣть за-
нятіе. Сии 35 тысячъ луней, вмѣстѣ выхо-
дящихъ и разсѣкающихъ небо, усѣянное
звѣздами, умножающимися до безконечна-

(*) Бакеръ.

сти, безъ сомнѣнія, являютъ имъ радостныя зрѣлища, о копорыхъ воображеніе не можетъ имѣть никакой идеи; и для произведенія сихъ чудесъ, природѣ надлежало только украситъ голову бабочки призмою и сдѣлать на ней нѣсколько граней.

Глаза рыбъ могли бы намъ предсказать множество разсужденій шакаго же рода. Напримѣръ, морской дьяволъ, копорой есть видъ камбалы, находящейся около Золотого берега, имѣетъ два глаза, изъ коихъ одинъ находится на спинѣ, а другой на животѣ, шакъ, что онъ въ одно время видитъ игры рыбъ въ глубокихъ пропастьяхъ моря и хитрыя покушенія пищи, браздящихъ водяную поверхность.

Когда орель, копораго глазъ, подобный телескопу, углубленный въ своей орбитѣ, какъ въ трубку, бросаетъ пронцапельно взоръ въ пространство небесное; то онъ, можетъ быть, видитъ спутниковъ Юпитера семь блестящихъ лунъ Сатурна, копорыхъ существованія мы столько долгое время не знали; лучъ предсавляется ему несвѣщимся зеркаломъ, но оспровомъ въ пространствѣ воздушной влаги, имѣющимъ

*

свои горы, свои волканы и свои моря. Онъ обнимаемъ цѣлую систему нашего міра; и когда, исчезнувъ въ облакахъ, бросаетъ взоръ на сію землю, то видитъ насъ пресмыкающихся по земной поверхности и враждующихъ другъ съ другомъ за клочки земли — между тѣмъ какъ онъ, свободной и царь воздушной области, величественно плаваешь по небесамъ, копорыхъ всѣ чуда передъ нимъ открыты.

Побѣда наша надъ лошадыю зависить также отъ образованія глазъ ея. Два микроскопа измѣняютъ зрѣніе лошади: предметы изображаются у ней на сѣтчатой оболочкѣ въ увеличенномъ видѣ, и слабое дѣйствіе, ею управляющее, кажется ей колоссомъ, коего сила для нея ужасна. Природа, чѣмъ подвергнуть ее нашей власти, позаботилась набросить на глаза ея покровъ, скрывающій наше безсиліе. По дѣйствію другаго рода, собака, копорая сдѣлалась нашимъ другомъ, не опличаетъ, не избираетъ по виду. Глаза для нея почти бесполезны. Она не видитъ никакой разницы между людьми и узнаетъ своего господина только по обонянію. Если бы мо-

жно было уничтожить воздухъ между ею и пѣми, кошорыхъ она любитъ, по она бы не узнала ихъ; ей нужна помощь въпра, и памь, куда обоняніе ея не можеть достигнуть, она лаешъ на своего господина, какъ на чужаго. И такъ природа для нея однообразна, и самыя сильныя движенія ея происходятъ почти всегда отъ другаго чувшва, а не отъ зрѣнія.

Сколь ни удивительны могушь показаться сіи карпины, однакожь ничшо не сравнится съ зрѣніемъ челоуѣка. Взоръ его возноситея къ небу и обнимаешъ всю природу; и сіи великолѣпныя зрѣлица сошворены подько для него. Свѣтъ, прежде нежели приноситъ намъ изображеніе предметовъ, рисуешъ, раскрашиваешъ ихъ, измѣняешъ опшѣнки, образуешъ форму и наконецъ представляешъ ихъ намъ подь богатымъ покровомъ. Сей лазурный сводъ, блестящій надъ нашими головами, сіи ковры цвѣшовъ, распилающіеся подъ нашими ногами, всѣ чудеса природы созданы только для насъ; наша мысль наблюдаешъ ихъ; нашъ разумъ наслаждаешся ими, и вообра-

женіе соединяетъ всѣ сіи чудеса съ чудесами природы.

Я не буду описывать вамъ удивленія Госпожи С* * при слушаніи эпикой небольшой рѣчи. Она удивлена была сама собою: до эпикой минушы она знала только могущество своихъ взоровъ, а я подаю ей мысль о могуществѣ природы. Я сдѣлалъ ее Физикомъ. ¡Прощайте, Софія! Посылая вамъ описаніе моихъ опытовъ, плачу долгъ: ибо испытанія произведены для васъ — и я спѣшу посвящать ихъ вамъ.

Любовь въ шайнственнѣйшей мечтѣ
Внутила нѣжнаго Капулла,
И легкіе стихи Тибулла
Есть дань любви и красотѣ.

Платонъ, мудрецъ съ умомъ чудеснымъ,
Чтобъ лучше оковать нашъ умъ,
Плашилъ дань Граціямъ прелестнымъ:
Онъ душа шворящихъ думъ.

По ихъ слѣдамъ я поспѣшаю,
Для васъ спремья къ симъ шрудамъ:
Я Граціямъ ихъ посвящаю,
Когда ихъ посвящаю вамъ.

Дл. Меньшенинд.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ц Е Ф И З Ъ.

Идиллія.

(И. А. Б — ому).

Мы еще молоды, Лидій! Вкругъ шеи кудри вѣются;
Рдѣютъ, какъ яблоко, щеки, и свѣжія губы
алѣютъ
Въ быстрые дни молодыхъ поцѣлуевъ. Но скоро
роль, не скоро,
Всежъ мы, паспужъ, соспарѣмся, всежъ по-
дурнѣмъ; а Дафна,
Эта шалунья, насмѣшница, вдругъ подрастетъ
и, какъ роза,
Вешнимъ упромъ разцвѣшшая, насъ ослѣпитъ
красотою.
Поздо тогда къ ней ласкашься, поздно и щепетно!
Вернушка

Врядъ поцѣлуешь сѣдыхъ — и, локшемъ по-
другу шолкая,

Скажешь съ насмѣшкою: „взглянь, вотъ бабу-
шкинъ милый любовникъ!“

Какъ же щеки румяны, какъ густы волнистыя
кудри!

Голосъ его соловьиный, а взоры его прямо
орлины!“

— Смѣйся, мы скажемъ ей, смѣйся! И мы на-
смѣхались, бывало!

Но здѣсь проходчиво все — одна не проходчи-
ва дружба! —

„Здравствуй, здравствуй, Филиппъ! Давно мы
съ тобой не видались!

Вѣкъ не забуду я дня, кошорый тебя возвра-
шилъ мнѣ,

Мой добродѣтельный спарецъ! Милый другъ,
ивон кудри

Спаросъ не скупю осыпала снѣгомъ! Приди
же къ Цефизу;

Здѣсь отдохни подъ прохлагою шѣней: тебя
ожидаюспъ

Сочный въ саду виноградъ и плодами румя-
ная груша!„

Такъ Цефизъ говорилъ, съ младенчества ми-
лому, другу:

Спарца обнялъ, зашворъ опшашнулъ, и ввелъ
его въ садикъ.

Съ груши одной Филиншъ плоды вкушалъ и
хвалилъ ихъ,

И Цефизъ ему весело молвилъ: приишель ош-
нынъ

Дерево это швое; а я ошъ холодной мяшели
Вуду прилъжно его укушывашъ шеплой соломой.
Пусшь оно для шебя и цвьшешъ и плодомъ бо-
гащешъ!

Но — не Филиншу оно и цвьло и плодомъ бо-
гащло:

Въ шуже онъ осень умеръ. Цефизъ молилъ
Жизнодавца

Также мирно уснушь, хошь и бѣднымъ, но до-
брымъ. Подъ грушей

Сшарца онъ скоронидъ и холмъ увѣнчалъ ки-
парисомъ.

Часшо слыхалъ онъ, когда просширала
луна ошъ деревьевъ

Влажныя долгиа пѣни, священное лисшевъ
шешманье;

Часшо изъ гроба шайншвенный гласъ исхо-
дилъ — казалось,

Быль благодарности гласъ онъ. И небо давало
Цефизу

Много съ шѣхъ поръ и грушь благовонныхъ
и гроздй прозрачныхъ.

Д. —

КЪ РОДИНѢ.

Благословляю васъ, спраны родимой воды —
Свищенны Волжски берега —
Васъ, холмы красные, шелковые луга
И васъ, небесъ знакомыхъ своды!

Я шамъ, я шамъ опяшь, гдѣ Провидѣнья гласъ
Воззвалъ меня на подвигъ жизни;
Я выждалъ наконецъ съ побоею, край опчизны,
Свиданія желанный часъ. —

О счастливые дни младенческа злапова!
Вы жили передо мной:
Я улешаю къ вамъ крылашю мечпой —
И на минушу счастьеливъ снова!

Вопъ здѣсь, гдѣ сей хребешъ надбрежной вы-
сошы,
Волнами сдвигнушь, уклонился,
Младенецъ, средь забавъ, я постигаешь учился
Природы дивной красошы.

Отсюда дѣтскіе мои невольно взоры
 Кругомъ стремилися блуждашь:
 Лугами, рощами за Волгой пробѣгашь;
 Вносишься на окрестны горы.

Вошь здѣсь, гдѣ ключъ *Гремлягъ* (1) скользя по
 желобамъ,
 Слепаетъ въ бездну водопадомъ,
 И, щещно въ мракъ ея сопровождаемъ взгля-
 домъ,
 Гремить, не видимый очамъ,

Уединень оупъ всѣхъ, я сладкому вдавался
 Влеченью непоняпныхъ думъ;
 Внималъ паденья водъ однообразный шумъ;
 Картины дикосью плѣнялся.

У ногъ моихъ зѣлъ глубокой крупояръ;
 Вдани, рѣкой, суда мелькали;
 А шамъ, изъ за лѣсовъ, гигантски воспавали
 Двѣ башни древнія Болгаръ (2).

(1) Такъ называется небольшій водопадъ близъ города Тешюшъ, Казанской Губерніи. Ключъ *Гремлягъ*, вытекающій изъ полугоръ, съ громкимъ шумомъ низвергается въ глубокой оврагъ, заросшій деревьями и кустарникомъ.

(2) Съ Тешюшской горы, возвышающейся надъ Волгою, почти на боо сажень представляется взору обширная, великолѣпная картина окрестностей, въ додолье которой изъ за густаго бора на концѣ горизонта видны верхи обоихъ Болгарскихъ Маварешовъ.

Вошь опустѣлая прапрадѣдовъ Палатъ,
 Гдѣ первый мой услышанъ вздохъ;
 Кругомъ безмолвіе; крапивою дворъ заглохъ;
 На кровлѣ мохъ зеленоващій.

Вошь садъ; — я узнаю пропавшия, дерева;
 Но какъ онъ много измѣнился!
 Бесѣдки вѣшь; заборъ мѣстами обвалился,
 И по поясъ вездѣ шпала. —

О, сколь моей душѣ сей образъ опустѣнья
 Краснорѣчиво говоришь,
 Что все невидимо проходишь и лешишь,
 Все будешь жерщвой плѣнья!

Одинъ великій духъ, лишь пѣснопѣнья даръ
 Цвѣтешь среди усилій время;
 Пускай еще вѣковъ опягощенъ бремя
 Надъ вѣлхою пышношью Болгаръ

И гордые сіи преклонись минареты;
 Пускай подъ Кроновой рукой
 Сии громады горъ сравняются съ землей,
 Лѣсовъ изгладиша примѣши:

Но, Волжскіе края, для васъ забвенья вѣшь
 И въ самомъ вашемъ запусѣнья!
 Не западешь время въ неистовомъ спрем-
 ленъ
 Для Россіянина къ вамъ сладъ!

Къ вамъ нѣкогда придетъ искашь онъ колыбеля
Того безсмертнаго Пѣвца,

На чьей главѣ мы при завидные вѣнца
Сплешенными въ единый зрѣли;

Который съ Пиндаромъ взлепалъ до облаковъ,
Онъ взора въ высь сносъ скрывался;

Съ Горациемъ на блескъ, на пышность опол-
чался,
Изобличалъ временщиковъ;

Съ Анакреономъ пѣлъ роскошные обѣды,
Вино, любовь и красоту,

Дѣвъ Рускихъ прелести, ихъ пляску, простишу,
Восшорги чувствъ, любви побѣды.

Васъ также нѣкогда придетъ онъ вопрошашъ
Объ именахъ не менѣй славныхъ:

О шомъ любимцѣ Музъ, кто въ вымыслахъ за-
бавныхъ
Умѣлъ намъ истину вѣщашъ

И научилъ владѣть поэзіи языкомъ;

О шомъ, что Клеій вдохновень,

Ея свѣшильникомъ разсѣялъ мракъ время,

И, смѣлый въ подвигъ великомъ,

Воззвалъ на правый судъ изъ вѣковыхъ могилъ

Дѣянъ предковъ знаменитыхъ,

Ихъ славу, бѣдствія, попомками забыши —

И къ новой жизни воскресилъ.

Благословляю васъ, справа родимой воды —
Священны Волжски берега —
Васъ, холмы красные, шелковые дуга,
И васъ небесъ знакомыхъ своды!

Панаевъ.

С П А С Е Н І Е.

Недуга шяжкаго безвременная жершва,
 Къ одру мученія прикована, подмершва,
 Спѣшила взорами благословенье дашь
 Спеняшей дочери хладѣющая машь.
 Уже прерывное дыханіе слабѣло
 Въ покрывныхъ блѣдношью, недвижимыхъ
 ушахъ;
 Уже мерцанье дня въ очахъ ея шемнѣло
 И оплешала жизнь на вѣющихъ крылахъ —
 За нею понеслись послѣднія надежды . . .
 И персьи невидимый уже смыкаль ей вѣжды.
 И пала предъ Творцемъ, въ слезахъ, съ моль-
 бою дочь:
 „Создашель, прими горячее моленье!
 Пусшь въ мигъ сей вѣчная меня сокроешь ночь,
 Лишь машери моей пошла Ты изцѣленье!
 Мнѣ жизнь невѣдома: ни мукъ ея, ни благъ
 Спокойная душа еще не испышала;
 Для машери одной я жишь всегда желала:
 Такъ пусшь, съ лобзаніемъ моимъ, въ ея ушахъ

Опять согрѣлся оспывшее дыханье;
 Пусшь жизнь съ моей душой въ нее переше-
 чешь! "

И вѣра пролила ей въ душу упованье;
 Невѣдомый восторгъ къ одру ее влечешь:
 Прижавъ горячія уста къ ушамъ холоднымъ,
 Съ любовью дѣтскою она лобзаешь машь....
 И не было ея моленіе бесплоднымъ:
 И погнѣбавшая свободнѣе дышашь
 Опъ чувсшва сладосшной любви мгновенно
 спала —

И жизнь въ объятія опашь ее прила.

Смиришесь предъ Творцемъ вы, гордые умы!
 Онъ шайной силою младенцевъ умудряешъ —
 И дивнымъ промысломъ съ высопъ своихъ вѣ-
 щаетъ:
 „Вы свѣша нищеше въ глухой долинь шмы!“

Цлетнеб.

КЪ Ѳ. Н. ГЛИНКЪ.

Не дни, не годы жизнь прямая!
Кипо оживляется душой,
Какъ роза на лугу весной;
Кипо, сладость бышя вкушая,
Воспоргами души цвѣшеть:
Топъ жизнью полною живешъ.

Когда въ полешъ быспромъ время
Младые годы унесешъ;
Когда и чувствъ и жизни сѣмя
Похолодѣшъ и умрешъ;
Когда услышишя призванье
Къ премѣнъ одряхлѣвшихъ дней
На новое существованье:
Чшо совершаетъ средь степей
Полдневныхъ странъ краса и диво?
Смиривъ полешъ свой горделивой
Въ равнинахъ свѣшмой вышшы,
Погибельный косперъ слагаетъ,

Часъ XIV. Кн. II.

14

И Фениксъ — чудо красоты —
 Въ огнь свирѣпомъ ушопаетъ . . .
 Но чшожь? Вкусивши смертъ на мигъ,
 Незьяяснимое созданье,
 Въ прекраснѣйшемъ сущесшвованьи,
 Изъ пепла, на крылахъ злапыхъ
 Возносишя къ спранамъ зэира —
 И, въ новой красотѣ своей,
 Какъ солнце въ прелести лучей,
 Течешъ по синей шверди мѣра.

За чѣмъ, мой другъ, за чѣмъ Судьбы
 Сего намъ не дали удѣла?
 За чѣмъ, средь шягосшной борьбы
 Къ землѣ прикованнаго шѣла
 Съ парящей къ небесамъ душой,
 Призвавъ веселую надежду,
 Не можемъ смѣлою рукой,
 Косперъ воздвигнушь роковой
 И сжечь на немъ свою одежду?
 О, въ новомъ образѣ своемъ,
 Къ воспоргамъ давнимъ воскресая,
 Опяшь бы сладосшнымъ огнемъ
 Зажглася жизнь моя младая!

Пускай мнѣ время возврашншъ
 Друзей, родныхъ давно опшжившихъ,
 Иль память въ сердцѣ испребишъ
 О радостяхъ, на вѣкъ погибшихъ;
 Пускай перенесешъ меня
 На берегъ тихаго ручья,

Гдѣ первыя цвѣли мнѣ розы;
 Пускай увижу хоть на мигъ
 Домашнихъ образовъ я ликъ
 И памъ пролью въ воспоргѣ слезы . . .
 Такъ, Глинка, пусть его полешъ
 Мнѣ оцдалъ бы оняшъ былое
 И чувство оживилъ нѣмое:
 Я пѣлъ бы радости юныхъ лѣтъ
 И легкокрылое веселье;
 Я бѣ звуки грусти позабылъ —
 И жизнь, на миломъ новосельѣ,
 Въ забавахъ прежнихъ проводилъ!

Но чтожь? Ужель я вѣчный жипель
 Посылой сердцу спороны?
 Ужель въ желанную обишель,
 Въ пріюшь счастливой тишины,
 Безъ шягоспной своей одежды,
 Повергнувъ все зѣмное въ прахъ,
 Не вознесусъ я на крылахъ?
 Душа полна живой надежды:
 Придешъ, придешъ моя пора —
 Какъ Фениксъ улечу съ коспра!

Плетневъ.

ПОДАРОКЪ ВЪ ИМЯНИНЫ.

Вотъ именинницѣ посланье!
Нескладно, можешь быть, оно:
Но я ль виною? Дарованье
Мнѣ скупю Музою дано.
Она съ клюкой меня пустила,
И въ путь — дорогу надѣлила
Одной сопушницей . . . мечтой.
Ты на подарокъ скудный мой
Взгляни! . . . Позволь начашь съ желанья:
Чтобъ шучи грозныя спрдаанья
Твоихъ не помрачали дней;
Чтобъ слезы изъ швоихъ очей
Отъ радости одной кашились;
Обильною бѣ рѣкой спремилсь
Къ тебѣ всѣ блага жизни сей;
Чтобъ вѣкъ румяное здорвье
Твое хранило изголовье
Но ты соскучилась, мой свѣшь —
И, видно, говорунъ — поэтъ

Измучилъ вѣжное вниманье.
Примижь послѣднее желанье:
Будь навсегда собраній чести;
Будь Ангель свѣжею красою;
Будь Ангель кроткою душою;
Будь милой, будь шакой, какъ ешь!

П. Т.

Э П И Г Р А М М А.

Мараешь онъ единымъ духомъ
Лиспъ,
Внимаешь онъ привычнымъ ухомъ
Свиспъ;
Потомъ всему перзаешь свѣшу
Слухъ,
Потомъ печашаешь — и въ Лешу
Бухъ!

А. Пушкинъ.

С М Ъ С Ъ.

БИОГРАФІЯ ПАРНИ,

Парни (Эвариспъ — Дезире — Дефоржъ) родился на островѣ Бурбонѣ, въ 1753, и, учась въ Реннѣ, оказалъ блистательные успѣхи. Онъ прибылъ попомъ въ Парижъ и вошелъ въ Семинарію Св. Фирмина, съ намѣреніемъ принять духовное званіе. Онъ даже писалъ тайно мысль удалиться въ Трапль: нѣжная душа его была исполнена чувствами благочестія. Но въ продолженіе осьми мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Семинаріи, Парни размышлялъ — и его желаніе исчезло. Онъ вступилъ въ службу. Скоро послѣ сего онъ получилъ отставку, и отправился на островъ Бурбонъ, гдѣ узналъ Элеонору.

Элеонора, безсмертная по стихамъ своего любовника, была не красавица; но пріятнось, свойственная Креоламъ, замѣняла въ

ней красоте. Ей было принадцать лѣтъ, когда увидѣлъ ее Парни, а ему двадцать: ихъ чрезвычайная молодость, счастливыи возрастъ очарованій, вліяніе опечесивеннаго климата, несчастныи слѣдствія благополучія, слишкомъ короткаго, придали сей спрасни характеръ вмишпъ и пламенный и меланхолическій, котораго прелестъ, царспвующая въ элегіяхъ Эвариспа, будетъ всегда наслажденіемъ сердець чувствительныхъ.

Послѣ брака своей любовницы онъ возвратился во Францію, и геній Поэзіи, опкрывшійся въ немъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, пробудился, чипобъ воспѣвъ Элеонору. Спихошворенія эротическія суть первыя его произведенія: въ нихъ находишся вѣрная исторія его любви. Въ другихъ онъ раскрылъ богатства своего блестящаго воображенія: въ нихъ онъ поэтъ испины. Если Парни находилъ сладость продолжати воспоминаніе своихъ удовольспвій и гореспей, то изъ сего занятія онъ извлекалъ шолько ушпенія скоропреходящія.

Много прошло времени между шѣмъ, какъ Парни едва могъ смягчить горечь своихъ сожалѣній. При полученіи письма опъ шной, которую шполько любилъ, онъ и въ самой спаросни проливалъ слезы и опказался на ней женишся, когда она была уже вдовою и машерью.

многочисленнаго семейства, говоря: *это не Элеонора.*

Когда оны напечаталъ въ 1778 г. первое собраніе стихотвореній своихъ къ Элеонорѣ; по публика, давно упомянутая эротическими стихами, внушенными умомъ, а не чувствомъ, съ жадностію читала стихи поэта, истинно влюбленнаго. Собраніе сочиненій Парни возрастало съ каждымъ годомъ, подобно славы его.

За годъ передъ тѣмъ оны написалъ Посланіе къ Босшонскимъ инсургентамъ. Если бы авторъ сего стихотворенія былъ извѣстенъ, то оны не миновалъ бы Басиліи: безвѣстность спасла его.

Сіе время не было пою блистательною эпохою, въ которую, явленіе людей великихъ и зрѣлище дѣланій славныхъ возвышаютъ мысли. Монархія ослабѣвала, и тѣ, копорые долженствовали вознести ее, еще не являлись. Благодыпельная, судьба извлекла Эвариста изъ страны, гдѣ его гению представлялось тѣсное поприще. Оны снова увидѣлъ островъ Бурбонъ — и, вступя въ службу адъютантомъ Французскаго Губернатора въ Индіи, долженъ былъ переплыть моря самыя отдаленныя. Извѣженныя нравы Азіи, прелестный климатъ ея, зрѣлище природы богашой и разнообразной, представляя воображенію его пріятныя картины, облегчали путь, по которому оны проходилъ съ такимъ успѣхомъ.

По возвращеніи во Францію, онъ могъ бы домогаться преимуществъ знапности: братъ его доказаль свое происхождение отъ древней фамиліи Дефоржей, и имѣль честь, сполько тогда завидную, *вздить въ каретъ*. Но нѣкопорыя мѣспа изъ швореній Эвариспа раздражали миниспровъ, и, для доспихенія счаспія, ему должно было бы уничтожишь впечатлѣніе, чрезъ кошпоре, онъ пріобрѣль себѣ славу. Но онъ искаль истиннаго благополучія въ кругу друзей, и истинной славы въ трудахъ для попомешва.

Въ мирной долинь Фѣльанкуръ, близъ Парижа, онъ вкушаль прелести уединенія.

Возвращивъ свой капиталъ ассигнаціями, Парни совершенно разорился и принужденъ былъ продать даже книги свои. Онъ заняль попомъ бѣдное мѣспо въ Приказѣ народнаго обученія и былъ шакже нѣкопорое время однимъ изъ управителей Театра искусствъ.

Онъ мужеспвенно сносиль бѣдноспь, шайно усаждаемую попеченіями друга знаменипаго (1).

При учрежденіи Инспишута, авторъ *Войны боговъ* не былъ въ него приняшь; но сія поэма, изданная въ 1799 году поставила Парни на ряду съ Аріоспомъ и Вольперомъ.

---

(1) Маршаль Макдональдъ.

Должно сказать — для убѣжденія тѣхъ, которыхъ *Война боговъ* раздражаетъ еще прошивъ праха Эварисова — что сіе твореніе продлило шагоспную нищету его. Онъ не участвовалъ въ благодѣніяхъ, оказанныхъ тогдашнимъ правительствомъ многимъ ученымъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Люціанъ Бонапарте, шронувшій его положеніемъ, хотѣлъ сдѣлать его библіопекаремъ въ домъ инвалидовъ; но строгость перваго консула тому воспротивилась.

Наконецъ, въ 1803 году, его приняли въ члены Инстишута; но онъ продолжалъ бы помѣшья въ бѣдности, если бы Графъ Франсе не далъ ему мѣста въ Приказъ соединенныхъ правъ.

Парни умеръ шестидесяти двухъ лѣтъ, послѣ продолжительной и жестокой болѣзни. Онъ сохранилъ до послѣдней минуты силу своего характера. Послѣдній взоръ его видѣлъ Союзныхъ Государей, вошедшихъ побѣдителями въ столицу Франціи.

Сладкозвучень подобно Расину, соперникъ Вольшера въ эпопеѣ комической, Парни не имѣетъ равнаго себѣ между новейшими эггическими писателями; и, можетъ быть, никакъ изъ древнихъ его не превосходитъ. Удивляющя въ его эггяхъ, какъ и въ эггяхъ Кашулла и Овидія, въ одахъ Анакреона и Го-

рація, легкоспи чрезвычайной, вѣрному выбору подробносшей и изображеній, отдѣлкѣ совершенной, множеству мыслей оспрыхъ и замысловатыхъ, картинамъ свѣжимъ и прелестнымъ; но Анакреонъ, Овидій, Горацій и Катуллъ пѣли одно удовольствіе; только Проперцій и Тибуллъ были внушаемы любовію: подобно имъ, Парни оспанется образцемъ Элегіи вѣжной и сираспной. Въ немъ огня не менѣе Проперція, чувства и вкуса не менѣе любовника Делія.

Изъ Revue Encycl Н. Ф.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО (*)

къ издателямъ Соревнователя просвѣщенія.

Могъ ли я думать, чтобы нѣсколько строкъ, написанныхъ мною о шоржеспивенномъ засѣданіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи, подали случай Г. Незвѣстному составить возраженія изъ прошивомнѣній, которыхъ вовсе вѣшь въ моихъ замѣчаніяхъ! По обязанности Библиографа Общества, я написалъ краткое извѣстіе, а не диссертацию и не кришику (какъ думаетъ Г. Возражатель) о засѣданіи. Но, что я включилъ въ свое извѣстіе нѣсколько мыслей о Рускомъ языкѣ — это дѣло самое естественное: въ Академіи чи-

---

(*) Помѣщено въ IV книжкѣ. Общество, благодаря неизвѣстнаго своего *Погитателя* (какъ ему, въ концѣ письма, угодно было назваться) за уваженіе и добренность къ журналу своему, соглашается съ нами во всемъ, что ни сказано въ письмѣ на счетъ Общества; шоешь, что *всякое теловѣтское произведеніе мо-*

шали о немъ Разсужденіе. Кажется, всякой имѣетъ право смотрѣть на предметъ по съ той, по съ другой стороны. Если мои мысли или замѣчанія, не были продолженіемъ Академической Рѣчи; если въ нихъ Г. Возражающій и нашелъ что нибудь несогласное съ мыслями сочинителя Рѣчи: то напрасно онъ воображалъ, что я пишу критику на оную, тѣмъ болѣе, когда я признался, что для подобнаго сужденія „нужны долговременная опытность и обширныя знанія нарѣчій иностранныхъ.“ Я почелъ даже неприличнымъ для себя дѣломъ судить и хвалить опъ лица всѣхъ чинающую въ Академіи Рѣчь (это можетъ приниць на себя снискавшій всеобщее уваженіе въ ученомъ свѣ-

---

жетъ быть погрѣшительно и проч. Но мнѣніе, будто книга, издаваемая отъ Общества, всѣми членами онаго просматривается, требуетъ оговорки, особенно когда дѣло идетъ о журналѣ: „просматривается всѣми членами Общества, кромѣ тѣхъ, которые, по какимъ нибудь причинамъ, не бывающъ въ засѣданіи Общества, когда статьи, приготовляемыя для книги, читаются.“ Послѣэтого замѣчанія видно, что и слѣдствіе, будто статьи частныхъ лицъ, помѣщенныя въ книгу, издаваемую Обществомъ, почитаются общими, то есть отъ всѣхъ одобренными, не совсемъ справедливо.

Такимъ образомъ Общество, не принимаетъ на себя замѣчаній, сдѣланныхъ однимъ изъ членомъ его на Академическое засѣданіе, и ограничивается тѣмъ, что, давъ мѣсто въ своемъ журналѣ возраженіямъ противъ оныхъ, даетъ шеперь мѣсто и отвѣту на возраженія.

ствѣ), и пошому со всею скромношю сказалъ только „*намѣ кажется* и проч. Послѣдующія за шѣмъ мысли родились у меня (какъ я сказалъ выше) опъ того, что я въ это время неволь-но долженъ былъ думать о Рускомъ языкѣ. Г. Возражашель почель ихъ за крипику мою на Академическую рѣчь. Я шеперь осмѣливаюсь за-щищашь ихъ, не шакъ, какъ свою кришику, но какъ свои сужденія, копорыя впрочемъ не безъ основанія брошены мною на бумагу. Посшаракъ шпши слѣдомъ за Г. Возражашелемъ.

Онъ, впервыхъ, объясняетъ мнѣ, что для сужденія о превосходствѣ Рускаго языка предъ прочими *не шѣловств надобна, а знаніе развѣща и силы словъ, какѣ въ своемъ языкѣ, такѣ и въ другихъ.* Если бы ему угодно было кончить мой періодъ, онъ не имѣлъ бы нужды одолжашь меня въ семъ мѣспѣ насшавленіями; пошому что я самъ означилъ причину, почему не смѣю этого сдѣлать: „*ибо для сего нужны долговременная опышность и обширнѣя знанія нарѣчій иностранныхъ.*“ Кажешся, мы съ нимъ разными словами говоримъ одно и шоже. Что касается до прилагательнаго „*иностранный;*“ напрасно онъ не соглашашься спавишь его передъ словомъ „*нарѣчіе.*“ Мы Рускіе Польскій языкъ называемъ иностраннымъ, хошя онъ ссшавляетъ только нарѣчіе Славянскаго, равно какъ и Рускій. Тоже самое мо-

жно сказать объ языкахъ: Италіанскомъ, Испанскомъ и Французскомъ. Каждое изъ сихъ нарѣчій языка Лапинскаго называется иноспраннымъ у всѣхъ народовъ, говорящихъ означенными языками въ отношеніи къ своему. Мнѣ хошлось выраженіемъ „иноспранныя нарѣчія“ означить не только языки, но и всѣ вышви ихъ, или нарѣчія.

Далѣе Г. Возражатель не знаетъ, о комъ я говорю: „легко сказать необдуманное рѣшеніе о предметѣ, которой трудно было изслѣдовать и обдумать, но легко и обмануться, а иногда своимъ заблужденіемъ вовлечь въ оное другихъ“ — о сочинителѣ ли Академической Рѣчи, или о себѣ? — Здѣсь также послѣдующія слова совершенно объясняютъ предшествовавшія имъ: „посему ограничимъ кругъ своего мнѣнія тѣмъ, что *намъ* кажется намѣреніе автора сей рѣчи похвальнымъ и проч.“ Если бы я прежнихъ словъ не относилъ къ себѣ; то вмѣсто „посему ограничимъ кругъ своего мнѣнія“ началъ бы доказывать, почему авторъ рѣчи произнесъ необдуманное рѣшеніе. Спранны для меня, что Г. Возражатель самый скромный мой отзвъ „намъ кажется (съ намѣреніемъ напечатанный курсивомъ)“ хочешь обратишь мнѣ въ улыку, называя это все *не болшими, молталиво говорящими хитростями*. Если, по мнѣнію его, это въ самомъ дѣлѣ хитрость; то она мнѣ

кажется столь неопасною, что никто не падаетъ въ ея сѣни.

Мы должны признаться (говоришь пошомъ Г. Возражашель), что при всеобщемъ напряженіи нашего уха и вниманія не можемъ понять, что такое значитъ „живописное и звучное выраженіе языка.“ Я съ удовольствіемъ беру на себя трудъ объяснить на счетъ сихъ выраженій Живописный не значитъ живо написанный, какъ воображаетъ Г. Возражашель, напр: живописный мастеръ называется пошомъ, который красками что нибудь можетъ живо изобразить, а живо написанный мастеръ можно сказать о его собственномъ хорошемъ изображеніи; или пошпреть. Языкъ имѣетъ свои краски т. е. звуки. Онъ ими воображенію нашему можетъ весьма часто рисовать или живописать предметы. Выговоришь иностранцу, незнающему Русскаго языка: *миловый, толновый, тихій, сладостный; пошомъ: грубый, ярый, скорый, горькій* — навѣрное въ воображеніи его рисуется ошъ первыхъ словъ предметы пріятныя, а ошъ вторыхъ совершенно имъ противоположныя. Эшой живописью или обрисовкою языкъ нашъ богатъ. Но онъ не только удачно можетъ придавать краски предметамъ, совершенно лишеннымъ чувственности; онъ не только живописенъ, но даже и звученъ. Мо-

жно возразишь что всякій языкъ, даже всякое выговариваемое слово должно быть звучнымъ, иначе бы его нельзя было слышать. Здѣсь языкъ названъ звучнымъ поочно такъ, какъ музыкальное орудіе называющъ хорошимъ. Нѣсколько такovýchъ орудій одного рода всѣ пусть имѣющъ звукъ: однакожь одно изъ нихъ болѣе способно, смотря по добротѣ орудія своей выражающъ съ удивительною поочностию всѣ многоразличныя мысли и чувствованія сочинителя музыки другое же менѣе, когда не получило оно, или утратило совершенство своей орудія. Такимъ образомъ всѣ на свѣтѣ языки звучны, принимая это слово въ этимологическомъ смыслѣ; но только нѣкоторыя изъ нихъ исключительно звучны, когда сіе слово поочно такъ будемъ относить къ языку, какъ слово хороша къ музыкальному орудію. Чтобы увѣриться въ звучности Русскаго языка, принимая это слово въ послѣднемъ смыслѣ, вспомнишь только прочитавъ лучшаго сочиненія Державина. Но *звукотраженіе*, на которое Г. Возражающъ мнѣ намекающъ, я починаю часнѣе звучности: звучность дающъ способъ сочинителю подражающъ *голосу животныхъ* и п. п.

Подъ словомъ классическаго писателя разумѣемъ мы того, котораго сочиненія по превосходству и достоинству ихъ почитаемъ

полезными преподавать въ классахъ (т. е. училищахъ) для наставленія юношей въ искусствѣ краснорѣчія. Вошь, что сначала говоришь Г. Возражатель для опроверженія мысли моей, что „нашъ языкъ въ логическомъ и метафизическомъ выраженіи не превосходитъ языковъ, сдѣлавшихся классическими.“ Мнѣ кажется. объясненіе его, что значить классическій писатель не у мѣста, и неправильно. Я совсѣмъ не говорилъ, что у насъ нѣтъ писателей, коихъ бы сочиненій, по превосходству и достоинству ихъ, нельзя было съ пользою преподавать въ классахъ. Но какое ограниченное предназначеніе классическимъ писателямъ, по мнѣнію Г. Возражателя! Ихъ только будутъ читать въ школахъ дѣтямъ, которыя заботятся не о краснорѣчій сочиненіи, а о смыслѣ онаго. Для этого вездѣ довольно, такъ называемыхъ, *классныхъ* книгъ (вѣрно Г. Возражатель за одно принимаетъ и *классный* и *классическій*). Какому учителю останется времени преподавать въ классахъ полную Россійскую исторію Карамзина, хотя это и классическая книга? Онъ можетъ по ней составить свою: тогда изъ классической исторіи выйдетъ классная. Римляне, у коихъ было отличнѣйшее сословіе (*tribus classica*), называли все превосходное классическимъ: съ шехъ поръ и у другихъ народовъ

это выраженіе сдѣлалось обыкновеннымъ; — разумѣя подъ онымъ все самое совершенное, говоримъ: классическая книга, классическая спашуя, классическая земля и проч. Послѣ опредѣленія классическаго писателя, Г. Возражатель, для опроверженія выше означенной мысли моей, прибавляетъ: *богатство или преимущество Рускаго языка состоитъ именно въ логическомъ и метафизическомъ составѣ его, разумѣя подъ сими словами, какъ инаго и разумѣть не можно, гиствій умъ, порождающій въ немъ каждое слово по соображенію подобій, свойствъ и катествъ означенныхъ или вещей.* Здѣсь Г. Возражатель, по моему мнѣнію, изъяснился не ясно. По крайней мѣрѣ я не умѣю постигнуть, какъ въ языкѣ (въ собраніи словъ, не имѣющихъ смысла, если человекъ не составитъ изъ нихъ онаго) родился чисный умъ (безъ посторонней помощи), и потомъ эшотъ чисный умъ самъ порождаетъ въ немъ слова по соображенію подобій, свойствъ и проч? Что касается до приведенныхъ примѣровъ, гдѣ предешавлены: *Тассъ, сообщающій нѣжному Итальянскому языку удивительную силу грубости, и Метастазій удивительную силу нѣжности;* шо сіи примѣры доказываютъ, что не умъ языка порождаетъ слова, а умъ превосходныхъ писателей, копорыхъ у насъ не очень много. Доколь мы не будемъ о-

богачены оригинальными сочиненіями, въ которыхъ бы выражены были понясно и чисто всѣ мысли, вспрѣчающіяся въ ошвлеченныхъ наукахъ; до тѣхъ поръ, кажешя, можно говоришь, что „въ логическомъ и меша-физическомъ выраженіяхъ языкъ нашъ не превосходитъ языковъ классическихъ.“

Слѣдующія за сими возраженія произошли, какъ думаю, ошъ того, что Г. Возражатель предсавлялъ мои замѣчанія о Рускомъ языкѣ крипикою на Академическую рѣчь. Въ одномъ мѣсцѣ онъ обвиняетъ меня за слово „религіозный.“ Я былъ бы ему очень благодаренъ, если бы онъ, оставивъ нѣжную свою иронию, замѣнилъ чужестранное мое слово „религіозный“ Рускимъ, равносильнымъ. Въ другомъ мѣсцѣ Г. Возражатель говоришь: *писатели суть творцы сочиненій своихъ, а не языка, который есть плодъ вѣковъ и народовъ.* Это мнѣніе не совсѣмъ справедливо. Я думаю, что писатели суть шворцы языка (безъ коего нельзя и сочиняшь) — а языкъ доспавляетъ безсмертіе времени и народу. Мы здѣсь не говоришь объ языкѣ, въ тѣсномъ его смыслѣ; но, принимая въ проспранномъ, скажемъ: можетъ ли *народъ* усовершишь языкъ, сдѣлашь его способнымъ къ выраженію всѣхъ понясій, какія шолько въ умѣ человѣческомъ раждающяся, однимъ словомъ: можетъ ли *народъ*

создашь языкъ Цицерона, Виргилія, Державина или Карамзина? И пакъ эпопѣя плодъ вѣковъ и народовъ можетъ иногда раждашися въ одно десятилѣтіе оиъ одного человѣка.

Мнѣ кажется, со стороны недостатка въ терминахъ наукъ и художествъ должны мы скорѣе на самихъ себя пѣнять, нежели на языкъ свой: „у насъ нѣтъ философскихъ словъ, нѣтъ номенклатуры ученой“ — да развѣ туземцы сію номенклатуру не изъ словъ языка своего составили? Развѣ они посвѣдали за нею на луну, куда мы посвѣтать не можемъ? Это сказано Г. Возражашелемъ послѣ словъ моихъ: „Не было у насъ Невпоновъ, Лейбницевъ, ни Бюфоновъ: за шо нѣтъ и языка филологскаго, нѣтъ номенклатуры ученой.“ Я совсѣмъ не пѣнляю на языкъ. Мнѣ хошѣлось только примѣромъ доказашъ, что Рускій языкъ не превосходитъ классическихъ языковъ, и что онъ, при многихъ своихъ совершенствахъ, имѣетъ много и недосмашковъ. Пѣнять намъ на себя пакже напрасно! Если бы позволено было, пакъ мы могли бы пѣнять на Природу, за чѣмъ она долго не даритъ намъ какаго нибудь Бюффона. Г. Возражашель, говоря въ окончаніи письма своего о какомъ-шо способѣ достигашъ (намъ Рускимъ) до той цѣли, чтобы имѣть свои собственныя названія (т. е. номенклатуру), не думае

енгъ ли, что это достигается методически?
 На сіе отвѣтспвую мнѣніемъ знаменитаго
 нашего Исторіографа: „Слова не изобрѣпаюп-
 „ся Академіями: они раждаюпся вмѣстѣ съ
 „мыслями и въ употребленіи языка или въ
 „произведеніяхъ таланта, какъ счастливое
 „вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевлен-
 „ныя слова, входящъ въ языкъ самовласпно
 „украшаюпъ, обогащаюпъ его, безъ всякаго
 „законодательства съ нашей стороны; мы не
 „даемъ, а принимаемъ оныя.“ (*)

Алек. Бестужевъ.

в Маія,
 1821.

(*) Смотъ Рѣчь Н. М. Карамзина, произнесенную въ со-
 браціи Росс. Акад. 5 Декаб. 1818 г.

ОПИСАНИЕ ТУАКСКОЙ ПЕЩЕРЫ ВЪ КРЫМУ.

За нѣсколько времени предъ симъ, одна изъ обитательницъ южнаго Крыма, Гжа Полковница Дарья Васильевна Шшеге, почтила меня довольно занимательнымъ письмомъ о Пещерѣ Туакской (или Тувакской), коюрую, бывши въ Крыму, я вмѣстѣ съ нею намѣревался осмопрѣль въ прошедшемъ 1819 году. Къ сожалѣнію моему намѣреніе сіе тогда не исполнилось: Татары, утверждая, что пещеру не рѣдко посѣщаютъ шѣни усопшихъ, соглашались бытъ нашими проводниками только въ слѣдующую пятницу, коюрая, какъ извѣстно, празднуется Магометанами; тогда, по мнѣнію ихъ, мертвецы не столь опасны: — но мнѣ не возможно было ни разувѣришь ихъ, ни ожидать назначаемого ими дня. Призванъ былъ къ намъ шарикъ по имени *Висѣ* (или

Авись), обладающій тайною успокаивать мершвыхъ, когда имъ вздумывалось воспарать изъ гробовъ своихъ и нарушать спокойствіе живыхъ. Къ нему, въ шакой бѣдѣ, прибѣгають жишели всѣхъ окрестныхъ селеній, и еще, не за долго до моего пріѣзда, онъ оказалъ владычество свое надъ мершвыми успокоеніемъ недѣль за шесть предъ шѣмъ скончавшейся молодой дѣвицы, которая, по разсказу нѣкопрыхъ поселянъ, въ ночное время беспокоила своихъ родсвенниковъ. Слухъ носился, будто бы она, возвращаясь въ земную свою обитель, приводила въ движеніе посуду (*) и разныя домашнія орудія. — Успокоеніе сіе Вись производитъ такимъ образомъ: онъ выкачиваетъ мершвенца, опрѣзываетъ ему голову и кладетъ у ногъ его; послѣ того вскрываетъ шѣло, достаеъ сердце и легкое (или печенку), кошорья, если не ошибаюсь, беретъ съ собою, но что съ осипалками сими дѣлаеъ, мнѣ не извѣстно. Повшоряю слышанное, не ручаясь впрочемъ за дослѣствѣрность всѣхъ сихъ подробностей. Самъ Вись весьма пожилыхъ уже

(*) Посуды впрочемъ у Татаръ вѣтъ лишней. По чрезвычайной малосии кофейныхъ чашекъ и по не возможности отыскать стакана, кошорымъ я не запасся въ дорогу, полагаю, что эпакую вещь, какъ и у насъ Христіанъ, вездѣ найти можно), я принужденъ былъ употреблять кофе изъ глубокихъ шарелокъ, на подобіе будіюну.

лѣтъ; но въ глазахъ его примѣтна живость, свойственная старикамъ здѣшняго края. Я долженъ признаться, что не однажды со спыдомъ и худымъ успѣхомъ старался поспѣвать за преспарѣлыми здѣшними Греками, когда они, бѣгая по горамъ, указывали мнѣ мѣста, гдѣ нѣкогда находились Греческія церкви: *Ай-Лора*, (св. Георгія), *Ай-Петра* (св. Петра), и другихъ святыхъ. Продолговатое, сухощавое лице Виса, рѣдкая, сѣдая борода, восточное просторное одѣяніе, все придавало ему видъ какого-то священно-служителя внутренней Азіи, Китая или Японіи. — Это ни чѣмъ нельзя было убѣдить, чтобы въ назначенный нами день провезъ насъ къ пещерѣ. Къ тому же еще было около полудня, а лѣтомъ въ южныхъ мѣстахъ, какъ извѣстно, ночь наступаетъ ранѣе, нежели въ сѣверной столицѣ нашей. Оспавалось повиноваться волѣ поклонниковъ Магомета и предпринять обратный путь изъ Туака въ Кучукъ-Узень. — Какъ нынѣ, вижу и бѣгущаго предъ нами проводника, молодого Тапарина, который обыкновенно обережалъ насъ, перебѣгая чрезъ бугры и горы, когда мы на лошадяхъ должны были съ осторожностію объѣзжать оныя. Неизмѣннымъ шагомъ съ горы, и быстро на вершину, несущъ насъ надежныя лошади. Природа на каждомъ шагу являла новыя очаровательныя зрѣлища. Изви-

висшая дорога то представляеть намъ высокую *Нлту* (хребеть Таврическихъ горъ), которая, будучи известковой породы, весьма часно скрываетъ вершины свои въ влажныхъ облакахъ, ея припятываемыхъ, — то заснавляетъ уснремяшь, взоры на необозримое царство Нептуна: — здѣсь проинка идешь у самаго берега Понпа, шамъ за скалоу, поросшей извивающимся каперсовымъ раснѣннемъ, одинъ гулъ морской напоминаетъ о томъ, что находишься въ счастливѣйшихъ мѣстахъ Тавриды. Сворачиваетъ въ сторону, гдѣ виноградныя лозы, вспоизнѣя на вершины изсѣро-голубоватыхъ оливковыхъ деревьевъ, зеленью своею представляють прѣянное разнообразіе. — И здѣсь раснѣнне Вақха повинуется древу Минервы, между шѣмъ, какъ въ Алулкѣ, сидя на деревѣ, увѣшанномъ винными ягодами, или у мраморнаго фонтана подъ вѣпвами волоскаго орѣшника, любиеться вмѣстѣ раснущими лаврами и оливами. — Но карпина, не оживленная лицами, представляеть намъ нѣчто мертвое. Власпелинѣ природы, человекъ, служишь вмѣстѣ и нѣкопорымъ масштабомъ оной, точно шакъ, какъ на разныхъ древнихъ монетахъ у ногъ Зевеса представлялись люди въ самомъ маломъ размѣрѣ, для того, чтобы дашь поляшнѣ о величїи сего божества. — Посему-то Томпсонъ, богашый карпинами, но бѣдный

дѣйствіемъ, не можешь оставить по себѣ такого глубокаго впечатлѣнія, которое произведетъ долженъ на пр. Гётевъ *Вертеръ*, спрадалецъ (*) такъ сказать, изъ самаго себя являющій новую природу въ новомъ видѣ, въ каковомъ представляется она мечтателью — поэту. Тогда только обрѣцаемъ мы въ изящномъ произведеніи верхъ искусства, когда въ немъ нравственный міръ слишь во едино съ міромъ чувственнымъ: Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ сюжетовъ, который навсегда останется въ моей памяти. Тѣсною, горною долиною безмолвно приближаюсь я вечернею порою къ берегу морскому. Сворачиваю въ сполону и вижу необозримое пространство едва колеблемаго лона водъ, въ которомъ величественно садится солнце, багряня край горизонта. Вдругъ въ близи слышу я гласъ человѣческій. Это уединенный, блѣдою чашкою красящійся Крымскій Мулла. Предъ озаренной лучами заходящаго солнца, подгорною, опрятной хижинной, — надъ красною черепицею коей высоко возвышались къ облакамъ стремящіяся Италіанскіе понолы, — уединенный богомолецъ на распростиранномъ коврѣ возсылалъ молитвы свои къ испочнику свѣла.

(*) Нѣмцы полагають, что въ хорошемъ романѣ главное лице всегда должно быть спраждущее, лице дѣйствующее, говорятъ они, есть предметъ эпическаго шворенія.

Ничто его не превозжило, и я съ проводниками моими проѣхалъ едвали будучи имъ замѣченъ. — Таковая картина можетъ ли не произвѣсти сильнѣйшаго впечатлѣнія? Завидую швоей участи, благоблудный Мулла! Суесть земной не причастна швоя хижина! Кичливостъ горделивыхъ не оскорбляетъ швоей чувствительности; споны изнемогающихъ, кошорымъ бы шы пособишь не могъ, не касающя швоего слуха. Завидую швоей участи, благополудный Мулла! —

Вопъ скоро часъ, какъ мы оспавили Туакъ, слѣдовательно должны проѣхашъ гористую дорогою около 5 верспъ. Да вопъ и Кучукъ-Узень вдругъ появляешя! — Бѣлой, не большой, господской домъ, за коимъ возвышаешя мрачная Яльша, балкономъ обращенъ на югъ. Тупъ въ покатиной долинь насажденъ садъ плодоносныхъ деревъ, а далѣ виноградныя лозы до самаго моря, на коемъ въ дали бѣлютъ паруса судовъ, идущихъ изъ Таганрога и Феодосіи въ Конешаншинополъ. Дорогою, извивающеюся по берегамъ ручейка, или лучше сказашъ, *малой рѣчки* (Кучукъ-Узень), даровавшей названіе и самой деревнѣ (*), мы

(*) *Кучукъ* или *Кючукъ* малый, а *Узень* или *Юзень* рѣчка. На новѣйшей картѣ, деревня сія названа *Кучукъ-Озень*. Описание сего мѣста смотри въ путешествіи П. Сумарокова по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г. Печатаю въ Москвѣ 1800 г. 8. стр. 90 — 93.

возвращаемся домой — Проходитъ день, другой, — привыпчивая хозяйка занимаетъ меня повѣснвованіями о прежнихъ своихъ путешествіяхъ по Россіи, Германіи, Франціи и Голландіи; — добрый хозяинъ показывалъ мнѣ успѣхи своего садоводства и винодѣлія, но пияница все еще не насупааетъ, а мнѣ надлежитъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Опъ мѣсць, гдѣ нѣкогда долженъ былъ находиться храмъ негостеприимныхъ Тавровъ, опъ мѣсць ознаменованныхъ пребываніемъ Ифигеніи и брата ея Оресты, наконецъ опъ развалины знаменитаго града, въ коемъ преобразованъ Россіи, Св. Владиміръ, воспріалъ Христіанскую вѣру, опъ Корсуна, коего нѣкоторыя стѣны опчасти еще уцѣляли, я возвратился въ Симферополь. Здѣсь случайно у Ея Превосходительства Гжи Палласовой, супруги незабвеннаго для Россіи и для наукъ мужа, я имѣлъ удовольствіе встрѣпиться опашъ съ Гжею Шпёге. Разказавъ приключенія свои при поѣздѣ къ Туакской пещерѣ, она обѣщала сообщить мнѣ все это письменно. Обѣщаніе сіе было исполнено, и я полагаю, что, можешь быть, найдутся любители опечесивенныхъ изслѣдованій, которые одобрятъ мысль мою напечатать въ переводѣ полученное мною по сему предмету письмо.

„Исполняя требованія ваши, я сообщаю вамъ извѣстіе о поѣздкѣ моей къ Тувакской пещерѣ. Я никогда не была сочинительницею, и пошому прошу васъ быть не слишкомъ взыскашнымъ. Вотъ повѣсть о необыкновенномъ моемъ походе!

Вамъ не безызвѣстно, что я за нѣсколько мѣсяцевъ узнала о древнемъ и ужасномъ преданіи относительно пещеры, которая находилась отъ Кучукъ-Узена на три часа ѣзды (на 15 верстѣ). Самое существованіе и свойства сей пещеры извѣстны были по однимъ только неяснымъ преданіямъ, пошому что никто не осмѣливался къ оной приближиться. Всѣ вообще утверждали, что подойти къ сей пещерѣ нельзя было, не подвергая жизни своей опасности. Говорили, что она, за нѣсколько вѣковъ предъ симъ, по мѣстному положенію своему служила не только убѣжищемъ въ военное время, но сдѣлалась и гробницею здѣшнихъ жипелей, которые при непріятельскомъ нападении думали въ ней скрыться со всемъ своимъ имуществомъ. Это были жипели одной деревни, дежавшей при рѣкѣ Канакъ, разстояніемъ отъ пещеры на два часа ѣзды. Пушь къ сокровенному сему мѣсту былъ опкрытъ непріятельмъ вѣрною собакою, которая, опѣкивая своего господина, на сей разъ сдѣлалась предашельницею сихъ невид-

ныхъ. Непрiятель, не внемля гласу человѣческаго предавъ ихъ мучительной смерти, разведя при входѣ въ пещеру, огонь, ошъ чего здѣсь и по нынѣ еще находятъ много человѣческихъ (?) костей. Желанiе мое, посѣпить достойное примѣчанiя мѣсто не могло бытъ исполнено, какъ по неизвѣстности дороги, такъ и по вымысламъ, порожденнымъ страхомъ и суевѣрiемъ, которые препятствовали ошискашъ къ оной проводника. Наконецъ я узнала, что въ деревнѣ Тувакъ находится старикъ Тапиринъ по имени *Висбъ*, знающiй не только дорогу къ пещерѣ, но одаренный даже силою и отважносiю укрощающъ бродящихъ духовъ. Сей чародѣй, и употребляемый имъ въ семъ случаѣ средство, вамъ извѣстны равно помните вы и невозможность убѣдишь его бытъ нашимъ проводникомъ, когда мы вмѣстѣ предпринимали путешесствiе къ Тувакской пещерѣ. Къ сожалѣнiю, вы тогда не могли дождаться назначенной имъ пятницы. Наступилъ день сей, и я, взявъ съ собою М. ллу *Джилана* и Грека *Азупа*, которыхъ изъ ошисателей моей деревни избрала себѣ въ соупшники — и, присоединивъ къ нимъ извѣстнаго вамъ старика моего *Ивана*, отправилась въ Тувакъ въ сопровожденiи трехъ разноплеменныхъ приверженныхъ мнѣ жшелей, изъ коихъ однако, какъ вы увиди-

ше, въ геройствѣ ни одинъ не уступалъ другому. Проводникъ ожидалъ меня въ Туакъ при спеченіи почвы всѣхъ жителей сей деревни, и при отправленіи въ путь только не доставало Магомешанскихъ восклицаній: не возвращайся! не возвращайся! дабы почтительней меня названіемъ Пилигрима, странствующаго ко гробу Магомеша (*). Когда я проѣхала двѣ версты по дорогѣ въ Юскутъ, то пѣшій проводникъ мой, шедшій впередъ съ сѣкирою на спинѣ, поворошилъ влѣво узкою шропинкою, вдоль по рѣчкѣ *Охунъ*, ведущей къ обитаемымъ Ташарами въ лѣтнее время нѣсколькимъ хижинамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Алагуха*. Оттуда поворошили мы на право къ Яйлъ, гдѣ шропинка непрерывно дѣлалась тѣснѣе, а ручеекъ быспрѣе, прошекая по большимъ ошломкамъ скаль. Возвышавшіяся предо мною до облаковъ ужасныя громады скаль, казалось, знаменовали предѣлъ міра сего, находяся въ чудесной противоположности съ расширяю-

---

(*) Идущимъ въ Мекку воздаются отличныя почести. Во всѣхъ проходимыхъ ими деревняхъ готовятся имъ пиршества, послѣ коего всѣ провождающіе жителя справа кричатъ въ слѣдъ: не возвращайся! ибо почитаютъ величайшимъ счастіемъ умереть близъ гроба Магомеша. Возвратившимся отсюда дается почетное названіе *Хаджи*, отъ коего въкоротъ ученые производятъ наше слово *ханжа*.

щимися какъ вправѣ, такъ и позади меня горячи-
 ми долинами, кошары открывали видъ къ не-
 обозримому морю. Доспигнувъ, каменистымъ пу-
 шемъ, мрака древнихъ рощъ, въ коихъ не-
 примѣнно перялись послѣдніе слѣды человеече-
 скіе, я, по причинѣ сросшихся вѣтвей, принуж-
 дена была послѣдовать примѣру прочихъ моихъ
 соупниковъ, давно уже, соскочившихъ съ
 лошадей и съ трудомъ за мною слѣдовавшихъ.
 Проводникъ объявилъ, что далѣе вестн съ со-
 бою лошадей уже невозможно, ибо должно спу-
 ститься на дно пропасти къ самому ручью,
 протекавшему отъ насъ шеперь влево, да-
 бы потомъ вползши противоположною кру-
 шою скалою къ утесу *Агунъ*, въ коемъ нахо-
 дится пещера. Оба соупника мои непремѣн-
 но желали оснаваться при лошадяхъ и нако-
 нецъ, когда мнѣ удалось возбудить честолюбіе
 Муллы *Джилана*, который воскликнулъ: „я
 слѣдую за тобою“, я убѣдилась въ томъ, что
 Грекъ мой не въ правѣ называться попомъ-
 комъ древнихъ героевъ, падшихъ при Мараео-
 нѣ, ибо никакая сила не могла бы повудить
 его оснавить лошадей. Опускаясь внизъ по
 канашу казалось мнѣ слишкомъ неудобнымъ,
 почему я, вѣривъ себя Провидѣнію, помощію
 обоихъ Татаръ, благополучно доспигла ручья,
 при чемъ съ пользою служили мнѣ ниспадшія
 съ деревъ гусшыя сломъ лисшьеви. Когда взгля-

нула я вверхъ къ утесу, щещно опыскивая по немъ какія либо слѣды человѣческіе; шо овладѣль мною нѣкопорой ужась. Не представлялось мнѣ никакого спасенія, есдибъ вдругъ оставили меня силы мои, или лучше сказашъ проводники, кошорые, взирая на меня, кажешся, ожидали шолько приказанія предприняшъ обратный путь. Съ видомъ, сколько можно, бѣдрымъ подала я Муллѣ руку, уповая на его силы и ловкость, съ каковою большая часть горскихъ Ташаръ умѣюшъ всбѣгать на вышшы и опускашся съ утесовъ. Впередъ пошелъ проводникъ, кошорый, шо вырубивая шопоромъ ступени, шо зацѣплясь за вырубленный шопоръ, прокладывалъ и мнѣ дорогу. Такимъ образомъ поднимались мы выше и выше надъ неизмѣримою пропастью, пока я наконецъ достигла дерева, за кошорое держась, присѣла и увидѣла около себя не шолько двухъ провожавшихъ меня добрыхъ и заботливыхъ Магомешанъ, но и спараго моего Ивана, коего взоръ для меня никогда не былъ шолько прилпешъ, какъ въ семъ случаѣ. Туть въ первой разъ опважилась я взглянушъ въ опвершную предо мною могилу, и круженіе головы едва не предало оной изнемогавшее мое шѣло въ землѣ чуждой, гдѣ я считаюсь шпранницею — въ пусышнѣ, можешъ бышъ, уже нѣсколько вѣковъ никѣмъ до меня не посѣщенной! Съ

шрудомъ достигла я грота, находящагося при бездонной пропасти, а потомъ и дерева, стоящаго предъ мрачнымъ въ пещеру входомъ, изъ коей несло на меня влажной и отвращительной воздухъ. подобной хладному дыханію гробницъ. — Съ шрудомъ шолько, по причинѣ сырости, проводники мои засвѣпили въ фонаряхъ свѣчи. Мы вошли подъ довольно широкой, но едва на нѣсколько шаговъ вглубь распростирающійся сводъ, коюпорой казался мнѣ изсѣченнымъ въ скаль. Влѣво вель оной къ большой круглой пещерѣ, съ коея верха, подобнаго куполу, каплями спекала жидкоснѣ; довольно гладкія стѣны покрыты были влагою, а дно совершенно мокро. Однако я не могла замѣтити никакого опверсіи. Кругомъ разбросан л коспи; не ручаюсь однако за то, что бы онѣ не были звѣриныя; шакже находилось и нѣсколько опаленныхъ дровъ, сложенныхъ какъ бы для разведеніа огня. На изъявленное мною о семъ удивленіе проводникъ нашъ сказалъ: что сіа дрова сложены здѣсь однимъ весьма пресипарьдымъ и уже за семь лѣтъ предъ симъ скончавшимся Дервишемъ *Мархаджи (Омаръ-хаджи)*. Никто кромѣ его не посѣщаль сихъ мѣстѣ, и извѣстнѣмъ объ оныхъ ему шокмо обязаны. Дно пещеры отъ входа къ правой рукѣ было нѣсколько покашисно. Мы дошли здѣсь до весь-

ма мокраго углубленія, которое нѣкогда было наполнено кочками, какъ слышала проводникъ нашъ ошъ покойнаго Дerviша. Теперь лежали тупыя камни, груды земли и дугообразная чаша ушеса, близъ коего являлся узкой ходъ за камнями, для перенесенія которыхъ по потребности силы Циклопа Полифема. Коль скоро мы переправились чрезъ оныя, шю я велѣла прикрѣпить здѣсь 28 аршинной канатъ, и всѣ мы по одиначкѣ, придерживаясь влажныхъ стѣнъ, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вошли въ другую еще большую пещеру, также почти совершенно круглую, коея пополокъ, равномѣрно подобной своду, еще была выше перваго. Дно сей пещеры хотя по положенію своему и находилось гораздо ниже перваго, однако оно было не столько сыро, и мнѣ казалось, что посреди пещеры земля была рыхлая. Изъ густаго, окружавшаго насъ мрака, взирали на меня при мертвыхъ головы, въ двухъ углахъ по лѣвую руку стоящія: одну изъ нихъ я хотѣла взять съ собою, по той причинѣ, что всѣ онѣ показались мнѣ необыкновенной величины; но не могла склонить къ тому моихъ проводниковъ. Канатъ доскавалъ до противоположнаго стѣснаго, но нѣсколько къ верху ведущаго хода, также забросаннаго камнями. При вспугленіи въ оной, я ошановилась въ изумленіи; ибо глухіе и невнятные голоса раздавались

путь изъ за мрачнаго, лившагося предъ мною, неутвержденнаго и подвижнаго сполба, копорого образованіе, думаю, приписашъ должно сгущенному воздуху. Мнѣ казалось, что я внезапно перенесена въ пещеру Египетскую, или въ находящуюся въ Персидскихъ горахъ, доколѣ не увѣрилась, что звуки сіи происходили отъ раздающихся ужасныхъ отголосковъ рѣчей моихъ, провожаемыхъ, копорые нѣсколько отъ меня отспали, и доколѣ я не дошла симъ ходомъ вверхъ до новой пещеры, во всемъ подобной двумъ первымъ. Здѣсь замѣтила я, что проливъ сихъ ходовъ былъ таковойже, еще тѣснѣйшій, крупно вверхъ ведущій, до коего однако я дойти не могла, какъ по собственному расслабленію силъ и дурношѣ, едва дозволившимъ мнѣ спояшь на ногахъ, шакъ и по жалобамъ моихъ, сопутниковъ. Это побудило меня поспѣшише возвратишся. Я прошла отъ 70 до 80 аршинъ самою зараженною атмосферою. На свѣжемъ воздухѣ я хопя почувсшвала вновь подкрѣпленіе силъ моихъ; однако впечатлѣніе, сдѣланное на меня симъ таинственнымъ и ужасами исполненнымъ мѣспомъ, было сшоль сильно, что я совершенно находилась въ шомъ положеніи, въ копорое приходили посѣщавшіе Трофонійскую пещеру въ Віошіи. При всемъ шомъ я весьма желаю еще разъ побывашъ въ сихъ мѣсплахъ, сдѣлавъ къ

тому предварительно всё надлежащія пригото-
 вления и пр и пр. “

Читая письмо сіе о пещерѣ, копорую, по
 примѣру другихъ, извѣстныхъ подъ именами
 первыхъ посѣпителей оныхъ, (на пр. Баума-
 новой, Розенмюллеровой и ш. п.), можно бы
 названъ *Шшеговскою*, мы конечно не нахо-
 димъ здѣсь удивительныхъ свойствъ, припи-
 сываемыхъ разнымъ другимъ чудеснѣйшимъ въ
 мірѣ пещерамъ; однако должно признаться,
 что пещеры Крымскія, вообще по сіе время
 не изслѣдованы, и что, можетъ быть, и въ сей
 опечесивенной странѣ, во мракѣ неизвѣст-
 ныхъ еще подземелій, кроются рѣдкости, до-
 сподримъчательныя не менѣе тѣхъ, копорыя
 находятъ въ пещерахъ чужестранныхъ.

Всѣ вообще пещеры сунъ или *естествен-
 ныя*, образуемыя самою природою болшею
 часію въ известковыхъ горахъ, или *ис-
 кусственныя*, изсѣченныя иногда въ швердомъ,
 чаще однако въ мягкомъ известковомъ или
 песчаномъ камнѣ.

Къ главнѣйшимъ искусственнымъ пеще-
 рамъ, изрышимъ въ Россіи въ мягкомъ кам-
 нѣ, принадлежатъ: *Святогорскія (1)*, Черни-

(1) Слободско-Украинской Губерніи въ Изюмскомъ Уѣздѣ.
 См. I. A. Galdenstädt's Reisen durch Russland II, 230
 — P. S. Pallas Bemerkungen, auf einer Reise in die

говскія, Петерскія, Кіевскія (2), и Инкерманскія (3). Послѣднія въ Крыму извѣстнѣе прочихъ; однако не менѣе оныхъ заслуживаютъ вниманіе и слѣдующія пещеры:

1. — Находящіяся на Сѣверо-Западѣ отъ деревни Карани близъ Балаклавы (4).¹

2. — Около Мангула подъ деревнею Шулю (5).

3. — Въ скаль принадлежавшаго Палласу мѣста Каракоба (6).

4. — Въ Тепе-Керменѣ.

5. — Близъ Кызкермена.

6. — Близъ деревни Шюрю, при рѣкѣ Качѣ, недалеко отъ Джуфушъ-Кале (Еврейскаго, собственно Караимскаго городка).

7. — Въ Аккаѣ — ш. е. бѣлой или Ширинской горѣ близъ Карасубазара (7). —

südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs, in den Jahren 1793 und 1794. (Leipzig 1803. 8) II, 72.

(2) Начало оныхъ Несторъ относитъ къ 1651 году; — см. Jo. Herbinus de scriptis Kyoviensibus Jen. 1675 — 8. Ежемѣсяч. Сочин. И. Академіи Наукъ 1755 года Ч. I. стр. 279 и пр.

Краткое Историч. Описание Кіево-Печерской Лавры. Кіевъ 1801. 8.; Втор. изд. 1805. 8.

(3) P. S. Pallas Bemerkungen и пр. части II. стр. 77 и пр. II. Сумарокова путешествие по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году. Москва 1800. 8. Стр. 123 и ея же Досуги Крымскаго Судьи или второе путешествіе въ Тавриду. Спб. 1803. 4. стр. 213 и пр.

(4) Pallas тамъ же II, 72 и 91. — (5) Тамъ же стр. 72 и 106. — (6) Стр. 72. — (7) Стр. 217.

Въ чужихъ краяхъ извѣстнѣйшія сущь такъ называемыя *Клузы Св. Маврикія* (St. Maurice), *Золотурнскія*, *Регенштейнскія* и *Госларскія* (8). Гротъ близъ Неаполя, на 1000 шаговъ изсѣченной въ Вулканическомъ шуфѣ въ горѣ Павзилипо, вышиною на 50, а въ ширину на 30 фушовъ (9), также въ Абиссиніи и другихъ мѣстахъ. Сюда должно причислить и шѣ пещеры, которыя образовались при добываніи изъ подъ земли камня, какъ на пр. близъ древнихъ Сиракузъ (10), или въ Брабантѣ около Масприхина, гдѣ въ 1770 году найдена между прочимъ голова большаго Крокодила (11); также при горныхъ соляныхъ промыслахъ или заводахъ, какъ близъ Велички въ Галліціи, близъ Норвича (Nortwich) въ Англіи, и при всѣхъ вообще рудокопныхъ и каменоломныхъ

Въ нѣвердомъ камнѣ изсѣченныя пещеры находятся близъ города Баку на берегу Кас-

---

(8) С. Ritter. Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie. Berlin 1817. Часть I стр. 143.

(9) Изображеніе сего Грота см. въ: Bertuchs Bilderbuch Ч. IV. N 59, — а описаніе оного въ Функовхъ объясненіяхъ сихъ изображеній ч. VII стр. 351 и проч.

(10) См. A. W. Kephallides Reise durch Italien und Sicilien, Leipzig 1818. 8; части II стр. 18 и проч.

(11) Описаніе Масприхскихъ пещеръ или каменоломень см. въ Bertuchs Bilderb. III. N 59 — а въ Текстѣ Функа Ч. IV. Стр. 26—44.

пійскаго моря (12), также въ Восточной Индіи, гдѣ въ Карлійской пещерѣ представлены слоны, покоющіеся на сшолпахъ (13) и ш. д.

Ritter (14), говоря объ окрестностяхъ Галилейскаго моря, упоминаеть о древнихъ гробницахъ, изсѣченныхъ въ швердомъ камнѣ на западномъ берегу онаго моря. Онъ уподобляеть ихъ царскимъ гробницамъ Персеполя и Тельмесса на Карійскомъ берегу (въ Ликии на Карійской границѣ), чпо въ Малой Азіи, также шѣмъ, кошорыя находяшся въ Лаодикіѣ, Габалѣ (Гебилѣ), Торпозѣ въ Финикии и въ горѣ Сіонской, близъ Іерусалима.

Не менѣе достопримѣчательны извѣстія *Reineggs* о пещерахъ, находящихся въ Кавказскихъ горахъ, въ границѣ, на югъ отъ Сеффеча (*Seffetsch*), въ землѣ Оссеинской, кошорыя, по мнѣнію сего автора были кельями, а можешь быль и гробницами (15). Тушъ же,

(12) G. F. Müllers Sammlung Russischer Geschichte Ч. VII. Стр. 336 и проч. — Ежемѣсячныя сочиненія И. Акад. Наукъ 1763 г. Ч. I. Стр. 426 и проч.

(13) Изображеніе сей пещеры находяшся въ Bertuchs Bilderbuch & Ч. VII. N 33.

(14) Die Erdkunde im Verhältniß zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie etc. von Carl Ritter. Berlin 1818. 8. Ч. I. Стр. 317. 413 и пр.

(15) Dr. Jacob Reineggs allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, herausg. von Enoch Schröder. Gotha und Petersb. 1798. 8. Ч. I. стр. 252.

по словамъ его, въ землѣ Бадиловъ, болѣе тысячи пещеръ разной величины и шакковыя же, во владѣніи Уйшигуръ (или Тигурцевъ) (16). Но, что всего достопримѣчательнѣе, Рейнегсъ упоминаетъ о цѣломъ городѣ, коимъ въ Карпалініи изсѣченъ въ Трапѣ. Спѣшны, вороша, улицы, дома съ окнами и дверьми, словомъ: все шуть шесано изъ камня, и сей, на сѣверѣ отъ Аггалгори (Aghalgori) при Маггаль-Миндори (Maghal Mindori, ш. е. при высокой долинѣ) лежавшій городъ, здѣшними жителями называется Uplis Zighe, ш. е. господскій замокъ (Herrn-Schlofs). Авторъ сверхъ сего утверждаетъ, что въ Грузіи много шаконныхъ же жилищъ, коимъ изсѣчены въ горахъ, на пр. въ Подорнѣ, близъ Душеша, гдѣ даже лѣшницы, ведущія изъ одного эпая въ другой, изсѣчены изъ сего же камня (17).

Естественныя пещеры болѣею частію образуются водою, коимъ подмываетъ горныя слои. Иныя же, находящіяся въ горахъ вулканическаго образованія, бытъ могутъ и вулканическаго происхожденія (18). Нѣкоп-

(16) Тамъ же ч. II стр. 233, 234 и 235.

(17) Тамъ же ч. II стр. 151 и 152.

(18) А. Фонъ Гумбольдтъ о происхожденіи пещеръ говоритъ въ книгѣ: *Reise in die Aequinoctial-Gegenden des neuen Continents in den Jahren 1799 — 1804 von Alexander von Humboldt und A. Bonpland*. Stuttgart und Tübingen 1818. 8. Ч. II стр. 123 и проч. — Тамъ же,

рых пещеры славятся чудеснѣйшими фигурами. образованными въ нихъ *капельникомъ* (Tropfstein, Stalaktit), извѣстнымъ также подъ названіемъ *каменныхъ сосулкѣ*. При помощи воображенія видишь шупъ разныя статуи (на пр. прядущую женщину, монахиню и пр.), фонтаны, органы, престолы съ балдахинами, цѣлыя колонады и ш. п. Но, что всего доспопримѣчательнѣе, это сполбъ, или раковина, или иной какой либо предметъ, по коему слегка ударяя, слышишь звонъ большого колокола (19). Къ симъ пещерамъ принадлежатъ въ Гарцовыхъ горахъ Бауманова и Билева, пещера Эльфовъ (духовъ), или, такъ называемая Черпова пещера (Devils hole) въ Англіи, пещера Деклешавская (20) и проч.

на стр. 123 и 124, авторъ сей раздѣляетъ пещеры на слѣдующіе три рода:

1) Подобныя расщелинамъ или ущельямъ, какъ бы опущенныя металлическія жилы.

2) Отверстыя съ обомъ концевъ.

3) Состоящія изъ разныхъ гротовъ, соединенныхъ между собою болѣе или менѣе широкими ходами.

(19) Звонкій сполбъ *Баумановой* и раковина *Билевой пещеры* напоминаютъ о славившемся въ древности звучномъ камнѣ *Силена*, заключавшемъ въ себѣ, какъ говоритъ преданіе, музыку звѣздъ (небесную Гармонію) и звуки природы. Слич. Erste Urkunden der Geschichte oder allgemeine Mythologie von I. A. Камне. Baireuth und Hof 1815. 8. стр. 484.

(20) См. P. S. Pallas Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St. Petersburg 1773 — 1776. 4. ч. II стр. 58 — 62.

Другія пещеры славятся звучностію своєю или, такъ называемымъ, музыкальнымъ свойствомъ. Въ нихъ эхо необыкновеннымъ образомъ отдаешъ малѣйшій шумъ и ниспадающія со сводовъ капли производяшъ опголоски, подобныя звукамъ шаяцственной, очаровательной музыки. Извѣснѣйшая по сему свойству пещера естъ Фингалова на Гебридскомъ островѣ Сшафъ (21), которая называется также Мелодическою (Ua-bhinn). Тоже самое замѣчено и въ Розенмиллеровой или Муггендорфской пещерѣ во Франконіи, а въ Сиракузскихъ пещерахъ, — особливо въ той, которая извѣсна подъ названіемъ Ухо Діонисіево (Ohr des Dionisiuz); — и малѣйшій шорохъ производилъ необыкновенной шумъ.

Не менѣе достопримѣчательны пѣ пещеры, въ коихъ текутъ рѣчки и находяща небольшія озера. Въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ, подъ деревнею *Газель*, во глубинѣ пещеры протекаешъ подземной ручей, коюрой, подмывая извесчковые слои, нерѣдко причиняешъ провалы, и въ 1799 году самой деревнѣ угрожалъ гибелью, такъ точно, какъ въ Крыму, близъ *Кутюкѣ-Кой* (или *Кютюкѣ-Кой*, и. е. *малой деревни*), — гдѣ въ 1783 году рѣка, скрывшася и пошекшая вдругъ въ землю, обрати-

(21) Faujas de St. Fond, Voyage en France & dans les Hébrides. —

ла въ бѣгство прибрежныхъ своихъ жителей, возвратившихся въ сіи мѣста уже послѣ причиненнаго здѣсь обрушенія земли (22). Пещера близъ деревни Газель въ народѣ извѣстна подъ названіемъ Erdmännleinsloch, ш. е. *жилище подземнаго духа*. — Въ пещеру Спачпенскую (въ Исландіи) въѣхашь можно только водою, а въ помянутой выше Фингаловой пещерѣ находишся озеро, по коему можно ѣздить лодкою. — Подземное гулянье водою завелъ у себя также покойный Графъ Феликсъ Пошоекій въ Софіевскомъ саду, Кіевской Губерніи близъ города Уманя, гдѣ я былъ въ 1812 году. — И въ нашемъ опечесствѣ естѣ шакковыя же, самую природою образованныя пещеры прѣ рѣкѣ Симѣ въ Кудейской волости и при рѣкѣ Бѣлой, близъ города Уфы. Въ первой находишся небольшое озеро и рѣчка, текущая въ гору, какъ явствуетъ изъ сочиненной *Ритковскимъ* Оренбургской Топографіи, а изъ послѣдней выпекаешъ рѣчка, имѣющая въ ширину около двухъ сажень.

Наконецъ нельзя умолчашь и о шѣхъ пещерахъ, копорыя славяшя или цѣлебными

(22) См. P. S. Pallas Neue Nordische Beyträge ч. I. стр. 258 и его же: Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1795 u. 1796. Leipzig 1803 8. Ч. II. стр. 121 и пр.—Джуси Крымскаго Судьи или второе путешествіе въ Тавриду П. *Сумарокова*. Спб. 1805. 4. Ч. II. стр. 189—193.

свойствами своими, или кои известны по смертнотому воздуху, въ нихъ заключенному,

Къ первымъ принадлежишь находящаяся въ Вестфалии, въ горѣ Шелленпирмонштъ, кошорая хопя и наполнена нерѣдко пагубными сѣрными парами (по коимъ она я и называется *Dunsthöhle* или *Schwefelhütte*), однако съ пользою посѣщаема бываешъ разными больными. — *Страбонъ* (XIV. 649) упоминаешъ шакже о необыкновенной, въ Юниѣ находящейся пещерѣ, въ коей больные постигали средства къ своему изцѣленію.

Къ пещерамъ, наполненнымъ вредными газами, принадлежатъ: известная *Песел пещера* близъ Неаполя; *Черная пещера* въ Вильгельмской крѣпости въ Калкуштъ, кошорая медиками (23) предспавляется въ примѣръ, сколь опасенъ заключенной воздухъ; *Плутолицъ* (24) при рѣкѣ Меандрѣ, коея пары безвредны однимъ шолько служилеямъ Кивелы (25), шакже *Кербезская пещера*, наполненная пагубнымъ воздухомъ (26) и ш. д.

(23) Въ Санктпетербургскихъ врачебныхъ вѣдомостяхъ 1797 года N 10.

(24) Название сіе приводитъ на память *Пекло* (адъ) на полуостровѣ Тамавскомъ, гдѣ находится колодезь, въ коихъ добывается нефть.

(25) Они назывались *Галлерами* или *Галлами* и были Кастраты. *Strabo* XIII, 629 и 630. — Слич. шакже *Ammian. Marcell.* XXIII, 6.

(26) *Strabo* XIII, 580.

Величиною своею предъ прочими пещерами
 ошличающіяся *Архангелскія*, просцирающіяся,
 какъ говорятъ, въ длину верстѣ на 30 (27),
Адлербергскія въ Краинскомъ Гергоспвѣ, дли-
 ною въ 14 верстѣ (28), *Кунгурская* пещера
 при рѣкѣ Сильвѣ, сосноющая изъ подземнаго
 хода, верстѣ до шестипи просцирающагося и
 ш. п. (29).

Пещера *Антипаросская*, на Архипелагскомъ
 островѣ Антипаросѣ, которая, описана *Тур-*
нефоромъ и пещера *Сенъ-Педрижъ* (св. Папри-
 кія) въ Ирландіи, не столь обширны, какъ
 славны. О первой *Шуазель-Гуфве* доказаль,
 что она въ глубину имѣетъ только 250 фу-
 шовъ; о послѣдній же въ семъ отношеніи до-
 вольно сослался на Бюффона (30).

Пещеры Крымскія, можетъ быть, заслу-
 живающъ вниманіе наше и въ другомъ еще
 отношеніи. Черезъ Тавриду нѣкогда древнѣй-
 шее богослуженіе, — въ особенності Лунопо-
 клоненіе, — распространилось отъ внутрен-
 ней Азіи и Кавказа въ Грецію. Ужасы сосна-

(27) Auszug aus D. Gottlob Schobers Werke: Memorabilia Russico-Asiatica. Извлечение сіе помѣщено въ G. F. Müllers S. R. G. VII. 14 и 15.

(28) Acta Erudit. Lips. 1689, 558.

(29) Strahlenberg, Nord und Ost Tart. Stokholm. 1730. 4. 371 — 375. — Гмелинъ въ Комментаріяхъ И. Акад. Наукъ см. Müllers S. R. G. VII, 15.

(30) Ежемѣсячныя сочиненія и переводы И. Акад. Наукъ 1756. 2. Ч. II, стр. 349.

вляли отличительный характер древней школы, и поклонение мрачной силѣ земной, — сему первоначальному источнику бытія, по мнѣнію предковъ нашихъ, — совершалось въ ночное время, въ таинственныхъ подземельяхъ; копорылъ, будучи постепенно увеличиваемы, дѣлались наконецъ Лабиринтами (31) Самой Лабиринтъ Кришской; копорой вѣрояшно спарѣ Египетскаго, еспь, какъ доказаль Турнефоръ, произведеніе не однихъ рукъ человѣческихъ (32); люди здѣсь увеличили только пещеры, самую природою произведенныя. И если Аршемидъ (Діанъ) на оспровѣ Самосѣ-Фракійскомъ, шакъ же какъ и въ древней Колхидѣ, въ пещерахъ приносимы были жертвы (33); шо не должно ли думашь, что и въ Тавридѣ это дѣлалось шочно шакимъ же образомъ.

Храма Ифигеніи, по сему, не безъ основанія можно бы искашь и подъ землею. Сшашься можешь даже и шо, что невинные чужеземцы закалаемы были въ пещерахъ, о коихъ

(31) Все это весьма хорошо изложено въ книгѣ: Grundriss der Alterthums-wissenschaft von P. Kanngieser. Halle 1815. 8.

(32) Бауманъ, вошедши въ названную по немъ пещеру, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней, не могъ отыскашь изъ оной выхода, пока наконецъ, изнуренный ужасами и голодомъ, вышелъ изъ оной для шого чтобы умереть на свѣжѣмъ воздухѣ.

33) Ogrh. Argon. 955. — Kanngieser тамъ же. Стр. 398

упоминаетъ Палласъ, описывая полуостровъ Гераклеискій или Грахейскій (34), на коемъ некогда находился городъ *Корсунъ*. Входъ къ симъ пещерамъ нашелъ я въ 1819 году заросшимъ правокъ; а вѣпорая изъ оныхъ отверзла къ морю шакъ, чпо изъ нея очень удобно было низверганъ пѣла убіенныхъ, во мрачную глубину бездоннаго здѣсь Понша (35). Храмъ сей Діаны Таврической, коея Богослуженіе распространилось по всей Греціи и Малой Азіи, и перешло даже въ Аравію (36), по увѣренію Амміана Марцелина (37), украшенъ былъ мершвыми головами, *сѣтнвыми свидѣтелями въ царствѣ Тавровъ*. И если богослуженіе сіе изъ Бакпріи распространилось въ Европу; по весьма понятно, почему Индѣйская Діана (*Cāli*) шакже предшавляется съ ожерельемъ, изъ мершвыхъ головъ сосшавленнымъ (38).

Сего думаю довольно, чшобы обратишь вниманіе любопытныхъ соощечеспенниковъ

(34) P. S. Pallas Reise in die Südl. Statth. des R. R. Leipzig. 1803. 8. Ч. II стр. 57 и проч.

(35) Какъ повѣстшваетъ Геродотъ IV, 103; сл. Страбона VII, 308.

(36) Гдѣ опять на островѣ Икарскомъ находился храмъ Діаны Таврической. Strabo XVI, 766. —

(37) Ammiani Marcellini Regum gestarum &c XXII, 8. — Авторъ говоритъ, что Діана сіа Таврами именовалась *Orei osche*.

(38) Recherches Asiatiques ou Mémoires de la Société établie au Bengaie. Французскаго перевода напеч. въ Парижѣ 1806 года въ 4. Ч. I, стр. 203.

нашихъ на пещеры Крымскія. Остаётся только упомянуть о томъ, что пещеры были безъ сомнѣнiя и первыми жилищами человѣка. Неприступныя вершины Тавра некогда обитаемы были Гомовадами, которые жили здѣсь въ пещерахъ (39) точно такъ, какъ и нынѣ еще *Джебали* (*Djebali*) или *Берберы* обитающъ на высотахъ Апласа (40).

Платонъ и самъ *Гомеръ* (41) ручаются въ томъ, что древнѣйшіе обитатели нашей планеты были Троглодиты (ш. е. Норици), — *Циклопы*, жившіе въ подземельяхъ на вершинахъ высочайшихъ горъ. — О Троглодитахъ Кавказскихъ говоритъ *Страбонъ* (XI. 506) и многіе другіе. На берегахъ Чернаго моря иамошніе жители искони обитали (42) и нынѣ еще проводящъ дни свои въ пещерахъ (43), подобно *Тиббосамъ*, которые на островахъ песчанаго моря Африки (на *Оазахъ*) живутъ въ подземельяхъ, говоря языкомъ, сходствующимъ съ крикомъ лешучихъ мышей, какъ повѣстствуетъ просипосердечный *Геродотъ* (IV 183).

(39) *Strabo* XII, 569. — *Kleukers Anhang zum Zend-Avesta*, II. Bd., I. Abth. N 79.

(40) *C. Ritters Erdkunde* I, 318.

(41) „Sed ipsi (Ciclopi) celsorum montium inhabitant cacumina
„In speluncis cavis.“ —

Odyssae IX, 113, — 114.

(42) *Страбонъ* XVI, 775 и 776.

(43) *Ritters Erdkunde* I, 143. — *Niebuhr über Trogloditen in Tigré, im Museum seiner Alterthümer*. W.II, 1816.

Но и въ Европѣ жили и живутъ еще *Троглодиты*. Въ Кавказѣ и въ самомъ Крыму множествено пастырей со стадами своими проводятъ зимнее время въ пещерахъ шамошнихъ горъ, на вершинахъ коихъ въ лѣтніи жары искали они прохлады. — Такимъ же образомъ *Кровицы* (вѣроятно предки нашихъ *Кривичей*) жили около Дуная въ подземельяхъ, и въ Эддѣ упоминающа *Нори* (Норицы?) и *Дори* (44) въ числѣ обиташелей норъ. — А Запорожскіе (что нынѣ Черноморскіе) Козаки, останки земляковъ коихъ и поднесъ видѣть можно на берегу Днѣпровскомъ (45), не шѣже ли были Троглодиты? И давно ли приѣзжіе въ Севастополь переслали выдерживать карантинъ въ пещерахъ (46)? — Замѣчу еще, что пещеры служили не только убѣжищами преслѣдуемымъ несчастнымъ (47), но и ошительники предавались въ оныхъ таинственнымъ изслѣдованіямъ о началѣ сего міра и свойствахъ сущесва высшаго, чему въ примѣръ послѣднимъ можно *Зердуга* (Зороастра) и подражавшаго ему *Мена* (48). Сюда же

(44) *Nori, Ori, Dori* и пр: — Горцы, — Норицы. См. *Die Edda von Fr. Rüh. Berlin 1812. 8. стр. 176.*

(45) Около Берислава.

(46) *Pallas Reise in die Südl. Statth. Ч. II стр. 49.*

(47) *Бытiя XIX. 30; XX, 17 и пр? — 1. Книг. Царствъ XX, 1 и XXIV, 5; — Псал. 137 къ Евр. XI. 38 и пр.*

(48) *Kleukers Anhang zum Zend-Avesta Ч. I. отдѣл. II. стр. 131 и отдѣл. III. стр. 110, 111, 224 и 231.*

должно опнѣсти извѣстіе о Скиѣскомъ *Замолксисѣ*, скрывавшемся цѣлые шри года подъ землею и наконецъ оставившемъ жилище свое для того, чшобы убѣдиль соопечественниковъ въ безсмертіи челоука (49). Сюда же наконецъ принадлежишь и по сіе время еще у Сербовъ и Болгарь существующее суевѣріе, будшо бы воспѣшый въ споль многихъ народныхъ пѣсняхъ *Марко Кралевичъ* (Сербскій Ахиллесъ), съ конемъ своимъ скрывается въ пещерѣ, изъ коей нѣкогда къ нимъ возвращишь.

Тушь сѣдовало бы приобщить еще соопавленной мною списокъ извѣснѣйшимъ въ мірѣ (болѣе 170) пещерамъ, съ показаніемъ изданныхъ объ оныхъ сочиненій. Но какъ предметъ сей принадлежишь болѣе къ занятіямъ Г-дъ Минералоговъ; шо я и почель причиннымъ предспавить оной здѣшнему Минералогическому Обществу.

Петръ Кеппенѣ.

С. Пешербургъ.
въ Майѣ 1821 года.

---

(49) Геродотъ. IV, 95.

*****

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

~~~~~

I.

Во исполненіе § 22 второй части Устава, Общество долгомъ счашаетъ извѣстить дочленныя члпатели *Соревнователя* о посудившихъ суммахъ, причисленныхъ къ Кассѣ; на благошвореніе опредѣленной.

Отъ Ге. Почетныхъ Членовъ.

	Рубл.
— Его Высокопреосвященства Евгенія Архіепископа Псковскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго	25.
— Его Высокопревосходительства Николая Семеновича Мординова	200.
— Его Сіятельства Графа Сергѣя Михайловича Каменскаго	200.
— Его Сіятельства Князя Ивана Михайловича Долгорукаго	30.

Рубл.

Опшъ Его Превосходительства Антона Ан- ионовича Прокоповича-Анпояскаго	40.
— Г. Члена — Сопрудника Николая Александровича Беспужева	5.
— Г. Подполковника Василья Львовича Давыдова	20.
Высыпано изъ находящейся въ Общес- въ кружки для бѣдныхъ	47.
Всего	567 р.

Общество обязанностию поспавляешъ означеннымъ Благотворителямъ изъявиль со-
верпенную благодарностию за принесенныя и-
ми пожертвованія въ пользу бѣдныхъ ученаго
званія.

II.

На основаніи §§ 15 и 17 второй части
Устава, выдано Пансіонерамъ Общества за
Мартъ и Апрель мѣсяцы сего 1821 года.

	Рубл.
Г. Ск му	50.
Г. Аникину	50.
Г. Новоселову	50.
Г. Захарову	30.
И сверхъ того <i>единовременно</i> Граверу Г. Ф ву	50.
Всего	230.

III.

Общество, имѣвъ честь получить для Библиошеки своей слѣдующія книги: ошъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности — *Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Русскими Профессорами онаго. съ краткими ихъ жизнеописаніями, въ двухъ частяхъ*, и ошъ Г. Надворнаго Совѣтника и Кавалера Николая Яковлевича Нодена — *Notice sur l'exploitation des trente — six colonnes en granite, destinées à la construction des Portiques de l'église de St. Isaac, Par Auguste de Montferrand. u. Eglise de St. Isaac, restaurée et augmentée d'après les ordres de l'Empereur et Roi. Par Auguste de Montferrand*, долгомъ считаемъ изъяснить истинную свою благодарность.

IV.

Г. Членъ — Корреспондентъ Е. А. Баратынскій, особенными шрудами и усердіемъ обратившій на себя вниманіе Общества на основаніи §§ 26 и 42 первой части Устава, переименованъ въ *Дѣйствительное Членъ*.

V.

Общество, уважая отличныя познанія въ наукахъ и общественой Словесности ГГ.

Дѣйствительнаго Сташскаго Совѣтника и Кавалера Андрея Карловича Шпорха и Сташскихъ Совѣтниковъ и Кавалеровъ Петра Ивановича Соколова, Петра Андреевича Слоцова и Ивана Федоровича Фонъ Геке, на основаніи § 33 Устава, избрало ихъ *въ Почетные Члены* свои.

За представленные сочиненія и переводы, Обществу одобренные, приняты:

По существу § 26, *въ Дѣйствительные Члены* — Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Федоровичъ Кашанскій и опшавный Капитанъ Французской службы Гадей Венедиктовичъ Булгаринъ.

На основаніи § 35, *въ Члены* — *Сотрудники* — Лейтенантъ Николай Александровичъ Беспужевъ, Академикъ 10 класса Пётръ Егоровичъ Доброхотовъ и Опшавный Артиллеріи Подпоручикъ Кондрашій Федоровичъ Рылеевъ.

Согласно съ § 38, *въ Члены* — *Корреспонденты* — Коллежскій Совѣтникъ Никиша Савичъ Поповъ, въ *Перми*; Типулярный Совѣтникъ Иванъ Павловичъ Менделеевъ, въ *Тамбовѣ*; Кандидантъ 12 класса Иванъ Михайловичъ Поповъ, въ *Астрахани*; Адъютантъ 8 класса Эльпидифоръ Петровичъ Манассеинъ, въ *Георгіевскѣ*; Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Карлъ Федоровичъ Шефани, въ *Ревелѣ*; и Ти-

пулярный Совѣтникъ Алексѣй Демьяновичъ
Илличевскій, въ Томскѣ.

VI.

Во исполненіе §§ 44 и 45 первой части
Устава избраны, по болошированію, Секретарь
Цензуры и Комитета П. А. Плешневъ,
а на мѣсто его Цензоромъ Поэзіи Баронъ
А. А. Дельвигъ; исправлявшій же предъ симъ
должность Секретаря Цензуры и Комитета
И. А. Гарижскій оставленъ въ званіи члена
Цензурнаго Комитета.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ печеніе сего 1821 года издана бытъ имѣеть книга, подъ названіемъ: **ХРАМЪ СЛАВЫ ВЕЛИКИХЪ РОССІЯНЪ**, въ копорой, по хронологическому порядку, описаны будущъ знаменищые мужи, доблеспвенные наши предки, съ испорическимъ изъясненіемъ достопамятныхъ подвиговъ ихъ. Безсмертные Государя Опцы Опечесіва, изображены будущъ въ сіяніи добродѣпелей своихъ, начиная опъ *Рурика* и до нашихъ дней; достохвальные полководцы, Бояра и граждане предспавлены будущъ во славу ихъ дѣлъ, начиная опъ *Гостомисла* до *Князя Кутузова Смоленскаго*. Книга сія будетъ содержать въ себѣ множество любопытныхъ повѣствованій не токмо о тѣхъ, вовѣки незабвенныхъ, событіяхъ, какія случались во время нашеспвія на Россію свирѣпыхъ Галловъ, но и одревности славенороссійскаго народа, о его многочислен-

ныхъ побѣдахъ, о распространеніи его по земному шару, о давнобышнемъ полииническомъ его сословіи, законахъ и просвѣщеніи, что все сославить двѣ части въ четвертую долю листа. Издатель книги сей, желая содѣлать удобное благороднымъ сынамъ Опеческа, шѣмъ сынамъ, которые гордятся преславнымъ именемъ Россіянина, призываетъ въ помощь свою ихъ пособіе, всеобщей хвалы достойное. — Издревдъ знамени пое любовію къ матери своей, Россіи, благородное Ярославское Дворянство уже оказало опчаспи пособіе свое посредствомъ Господина Гражданскаго Губернашора и Господина Губернскаго Предводителя, а почтенное Рословское Купечество, чрезъ своего градскаго главу, за что напечатана будетъ должная признашельность въ первой части книги, для лучшаго коей изданія, предлагается подписка, съ шакимъ удостовереніемъ, что всякой той особѣ, или обществу, которые удостоиятъ издание упоминаемой книги вспомошествованіемъ своимъ, воздана будетъ благодарность предъ лицомъ опеческа, во славу коего шрудъ сей предпринять. — Подписная цѣна за обѣ части двадцать рублей ассигнаціями, кромѣ пересылки. — Подписка приеменя въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ Московскаго Университета; гдѣ и билетшы на получение книги выдаюлся опш

книгопродавца и Университетскаго Коммис-
сіонера Ширяева. — Имена подписавшихся
напечатаны будущъ при каждой части, сош-
въшественно продолженію подписки, которая
окончится съ изданіемъ второй части, тогда,
продажная цѣна будетъ выше; но въ какомъ
либъ не предвидимомъ случаѣ, деньги будутъ
выданы обратно особамъ, благоволившимъ под-
писаться.

П Р О З А.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ИСКУСТВЪ.

(Окончаніе).

ФИДІАСЪ И ЕГО ТВОРЕНІЯ.

Фидіасъ, великій художникъ впрочемъ эпохи Греческаго искусства, былъ Аѣинянинъ. Онъ учился у *Элада* и *Гиппія*. Геній его раскрылся въ благопріятнѣйшее для Искусства время. Перикль, управлявшій Республикою 40 лѣтъ, научилъ Аѣинянь любить и уважать таланты. Умѣя самъ чувствовать красоты искусства, онъ благопріятствовалъ художникамъ, и его покровительство воспламеняло ревность; величайшія награды гошовой были вѣнчаніе дарованія. Перикль воздвигалъ

храмы, строилъ приспани, театры, водопроводы, и желалъ украсить ихъ великолѣпнѣйшимъ образомъ. Въ толпѣ художниковъ онъ замѣтилъ Фидіаса, отличилъ его и сдѣлалъ начальникомъ и распорядителемъ великихъ предприятий своихъ. Фидіасъ, во время Перикла, былъ то, что Лебрюнь во время Людовика XIV.

Если можно судить о художникѣ, котораго твореній мы не знаемъ, по чертамъ легкимъ и примѣтамъ, дошедшимъ до насъ отъ писателей, не занимавшихся искусствомъ; то должно полагать, что Фидіасъ отличалъ творенія свои характеромъ велигія. Можетъ быть, ваятели вѣка Александра, превосходили его прелестію, выраженіемъ живности и красотою ордѣлки, но никто не сравнился съ нимъ въ высотѣ и велигіи.

Вся древность съ удивленіемъ славилъ его Юпитера Олимпійскаго. Самъ онъ признавался, что мысль о такомъ величіи родилась въ немъ при чтеніи стиховъ Омеровыхъ, гдѣ владыка боговъ, однимъ движеніемъ черныхъ бровей, колеблетъ основаніе Олимпа. Юпитерь сидѣлъ

на шронъ; вѣнецъ его былъ изъ вѣшвей оливы. Онъ держалъ въ правой рукѣ богиню побѣды изъ слоновой кости и золотѣ, которой голова украшена была перевязью и вѣнкомъ; а въ лѣвой скипетръ, сіяющій блескомъ всѣхъ металловъ, съ орломъ на верху его. Одежда бога и обувь были золотыя; на одеждѣ изображались звѣри и лиліи. Слоновая кость преимущественно употреблена была на сей памятникъ, почему Страбонъ и говоритъ, что онъ былъ изъ слоновой кости, хотя художникъ употреблялъ для него золото и другія металлы. Кумиръ представленъ сидящимъ, и хотя храмъ былъ обширенъ и высокъ, но онъ главою касался почти сводовъ; и если бы сей богъ захошѣлъ встать, то бы долженъ былъ раздвинуть своды. Художникъ желалъ дать понятіе о величествѣ бога; и хотя сія огромность, не соразмѣрная съ пространствомъ храма, можетъ казаться намъ погрѣшностью, но древніе, взирая на памятникъ, только дивились ему и поклонялись; и мы, кажется, не вправѣ бытъ спроще ихъ, потому что судимъ о немъ по сла-

*

бому, очень несовершенному понятію. Должно думать, что художникъ умѣлъ дать такое величіе сему творенію, опъ котораго зритель приходилъ въ воспоргъ и забывалъ все, что было слишкомъ увеличено. Тронъ былъ изъ золота, слоновой кости и чернаго дерева; вездѣ съ избыткомъ разсыпаны были украшенія рѣзбы и скульптуры. Павзаній оставилъ намъ подробное описаніе, которое можешъ здѣсь показаться излишнимъ. Довольно замѣшить, что эполъ тронъ обремененъ былъ множествомъ предметовъ, конечно искусно отдѣланныхъ, но развлекавшихъ вниманіе: ибо гдѣ смѣсь многихъ предметовъ, тамъ должно быть замѣшательство.

Во время Фидіаса еще не знали той истины, что *великое возвышается простотою и чистотностію украшеній*, съ Греками случилось позже, что и съ новѣйшими: сперва они постигли великое въ главныхъ частяхъ, а потомъ вкусъ ихъ обратился къ наблюденію великаго въ *посторонностяхъ*.

Статуя *Минервы* въ Паренонѣ, въ Афинахъ, принадлежала къ превосходнымъ

твореніямъ *Фидіаса*; она была изъ золота и слоновой кости. На шлемъ ея покоился Сфинксъ, а по сторонамъ были два Грифа. Богиня предспавлена стоящею и одежда простиралась до самыхъ ногъ ея. На груди изображены голова Медузы, изъ слоновой кости, и Побѣда въ четыре локтя вышиною. Эпа мѣра, замѣченная Павзаніемъ, можетъ дать намъ понятіе о колоссальной величинѣ кумира. Богиня держала копье, близь котораго лежалъ драконъ, какъ думали, *Эрихтонскій* У-ногъ ея былъ щиптъ; на вогнутой сторонѣ художникъ предспавилъ сраженіе Амазонокъ, а на выпуклой битву боговъ съ Гигантами. Онъ не пощадилъ прудовъ своихъ для самой обуви, на которой предспавлено было сраженіе *Центавровъ* съ *Лапидами*. Древнимъ нравилось такое обиліе, а новѣйшіе не одобряютъ его и, можетъ быть, справедливо. На подножій колосса предспавлено было, въ обронной работѣ, рожденіе *Пандоры*. Это содержаніе заключало въ себѣ дватцать боговъ.

Въ томъ же городѣ *Фидіасъ* оплилъ другую *Минерву* изъ бронзы. Афиняне

посвятили ей десятину добычи, приобретенной съ побѣдою на Мараѳонскомъ полѣ. Сія статуя такъ была огромна, что шлемъ богини и верхъ копія видны были мореплавателямъ изъ Суніума. Другой знаменитый художникъ, *Мисѳ*, изваялъ на щитѣ сей Паллады сраженіе *Центавровъ съ Лапидами* и другія изображенія, коихъ рисунки доставлены ему живописцемъ *Парразіемъ*. Плиній почелъ сію Минерву за одну съ Парѳенонскою, когда говоритъ, что на подножій ея представлено рожденіе *Пандары*. Но Павзаній, какъ очевидный свидѣтель, заслуживаетъ болѣе вѣроятія.

Близъ храма Вулкана былъ храмъ *Венеры*, для котораго *Фидіасъ* изъ Паросскаго мрамора сдѣлалъ статую *Венеры Ураніи*. Его Лемнійская *Паллада*, получившая названіе отъ Лемнійцевъ, ей поклонявшихся, доспойна была той богини, кою представляла образъ. Въ храмъ *Немесиды*, близъ Мараѳона, *Фидіасъ* изъ Паросскаго мрамора представилъ богиню *лиценіи*: сей мраморъ привезенъ былъ Персами, и назначенъ для торжественнаго

памятника ихъ побѣды и славы, а онъ послужилъ къ сохраненію памяти ихъ безславія. На вѣнкѣ, украшавшемъ голову *Немезиды*, представлены были въ маломъ видѣ олени, и богини побѣды. Вѣроятно побѣды означали торжество Грековъ надъ Персами, олени ихъ быстрое бѣгство, а *Немезида* небесное мщеніе, постигшее ихъ въ брани. Въ правой рукѣ богиня держала чашу, на коей представлены были Эѳіопы, а въ лѣвой вѣтвь дуба. Павзаній не могъ догадаться, что значили сіи иносказанія; онъ замѣчаетъ только, что у сей *Немезиды* не было крыльевъ, и что ни одинъ изъ древнихъ ея кумировъ не имѣетъ ихъ принадлежностей. Потомъ прибавляетъ, что жители Смирны первые дали ей крылья, — символъ любви, какъ богинѣ мщенія за несчастныхъ любовниковъ. На подножіи кумира *Леда* представляла *Елену* Немезидѣ. Эта басня относится къ древней Элинской Мифологіи, неизвѣстной новѣйшимъ. Древніе Греки полагали, что *Елена* была дочь не *Леды*, но *Немезиды* и *Юпитера*, и что

Леда только воспитала ее (*). На семь подножій были другія изображенія, не имѣвшія никакой связи между собою: *Тиндиръ съ сынами* — *человѣкъ стоящій съ лошадью* (эту группу называли всадникомъ), *Агамемнонъ*, *Ахиллъ*, сынъ его *Пирръ*, *супругъ Гермионы*, но не было Ореста; древніе нигдѣ его не представляли, потому что онъ обогрѣнъ кровію матери. Далѣе, на семь самомъ подножій, представлень былъ молодой человѣкъ, именемъ *Элохусъ* вмѣстѣ съ братомъ; оба сыны *Эноа*, родоначальника одного изъ поколѣній Аѳинскихъ. Можеть быть, эта обронная работа имѣла великое достоинство, въ отношеніи къ рисунку и опдѣлкѣ; но не возможно сославить себѣ выгоднаго мнѣнія о ея сочиненіи. Такая смѣсь предметовъ разнообразныхъ, по мнѣнію новѣйшихъ, не

(*) Такъ говоритъ Павзаній. Схولیастъ Каллимаха замѣчаетъ въ Гимнѣ Діанѣ, въ ст. 232, что Юпитеръ встрѣшилъ въ Рамнузѣ, маломъ городѣ Апшики, *Нелезиду*, которая опъ сей любви произвела лицо; *Леда* нашла его, согрѣла и такимъ образомъ вышла изъ него *Діоскуры* и *Елена*.

вроспительна, если не замѣнена величайшими красками.

Въ Мегарѣ, въ храмѣ Юпитера Олимпійскаго, была статуя сего бога, которую *Феокоидъ Мегарскій и Фидіасъ* начали вмѣстѣ и не кончили. Павзаній, описывая видъ сего бога, даетъ намъ понятіе, какимъ образомъ древніе дѣлали статуи изъ золота и слоновой кости. Голова была отдѣлана, золото и слоновая кость наложены, а все прочее оставалось въ одномъ слѣпкѣ изъ гипса. Эпопъ слѣпокъ служилъ только основаніемъ, на которомъ должно было наклеивать особый родъ *штучной работы*. За храмомъ, въ особой комнатѣ, лежали частіи доспокъ, нѣсколько обдѣланныхъ, на кошорыхъ должно было наклеивать золото и слоновую кость, для окончанія работы. Въ произведеніяхъ сего рода древніе поступали слѣдующимъ образомъ: сначала укрѣпляли стержень, потомъ лѣпили на немъ изъ гипса модель статуи, очень несовершенно, почти безъ всякой обдѣлки; въ эпопъ слѣпокъ наблюдалась только почная длина всѣхъ членовъ, но толщина бы-

ла менѣе надлежащей. Полномъ песали изъ доспокъ опдѣльныя часпи, соразмѣрныя пѣмъ, на коихъ должно было ихъ накладывашь; а наконецъ на этомъ деревѣ наклеивали дощечки слоновой кости и пласпинки золота. Все искусство заключалось въ совершенствѣ послѣдней опдѣлки. Пожалѣемъ о знаменитыхъ художникахъ древности, которые должны были соображаться съ спраннымъ вкусомъ времени и принуждать себя къ такой работѣ. Сии два художника представили на головѣ бога трехъ *Паркѣ* и чепыре времени года.

Элидцы, послѣ побѣды надъ жипелями Пизы, посвящали всю добычу для храма Юпитера и его спашуи. Надпись показывала, что кумирь былъ творенія *Фидіаса*. Еще въ Элидѣ была спашуя сего художника, она представляла *Юнону*, поясанную перевязкою.

Спашуя Минервы, въ Элидской крѣпости, почиталась также твореніемъ *Фидіаса*. На шлемѣ ея сидѣлъ пѣпухъ, пища брани, для означенія божества войны. Впрочемъ Минерва называлась

также *Эранга трудолюбивая*, и, можетъ бытъ, художникъ хотѣлъ означить это свойство богини, пщицей, пробуждающею къ трудолюбію.

Фидіасъ представилъ небесную *Венеру* также изъ золота и слоновой кости; она спояла одною ногою на черепахѣ. Спашуя *Минервы Арси*, или воинспвенной, въ Пламеш, представляла на деревянномъ вызолоченномъ шуловищѣ голову, руки и ноги изъ Пеншелійскаго мрамора. Эпашмъсь не могла производить счастливаго дѣйствія.

Въ Дельѣахъ множество было спашуей Фидіаса: *Минерва*, *Аполлонъ*, *Эривей*, *Милтіадъ*, *Цекропсъ*, *Пандіонъ*, *Антіохъ*, сынъ Геркулеса и Медеи, *Эгей*, *Акамасъ*, сынъ Тезея, *Кодръ*, *Тезей* и *Филевсъ*. Хотя Геній Фидіаса, въ каждомъ пвореніи спремился выразить по необыкновенное величіе, съ копорымъ не всегда соединяется шаланшь вѣрно изображашь нашуру, и, кажешся, ему пропиворѣчиль: однакожь удачно сдѣлалъ онъ порпрешъ одного молодаго челоувѣка, по имени *Пентацесса*, копорой предшавлень былъ въ

Рельефъ на подножіи Юпитера Олимпійскаго. Онъ сдѣлалъ также свой собственный портретъ на щитѣ Паллады.

Фидіасъ, не смотря на довѣренность, пріобрѣтенную талантами и славой, долженъ былъ примѣнять вкусъ свой къ своенравію гражданъ. Нельзя обвинять его въ томъ, что дѣлалъ статуи изъ золота и слоновой кости: онъ слѣдовалъ не собственному вкусу, но вкусу Аѣинянъ. Валерій Максимъ повѣствуетъ, что Фидіасъ просилъ позволенія у гражданъ, для статуи Паллады, предпочесть мраморъ. Аѣиняне слушали его спокойно, пока онъ говорилъ о прочности мрамора, о свойствахъ его несравненно долѣе сохранялъ блескъ и опдѣлку: но когда имѣлъ неоспоренность упомянуть, что мраморъ дешевле, Аѣиняне слушать его не хотѣли, и поставляли честь въ томъ, чтобы статуя была изъ драгоцѣннѣйшаго металла. Вѣроятно Фидіасъ невиненъ и въ томъ, что лучшія творенія свои обременялъ множествомъ украшеній; можетъ быть, также онъ долженъ былъ слѣдовать вкусу гражданъ. Трудно аршисту или

пропивъ худаго вкуса одного челоуѣка, который заказываетъ рабшу: но пропившись вкусу цѣлаго народа художникъ не въ силахъ.

Почти невѣроятно, что современники такого художника, каковъ творецъ *Юпитера и Паллады*, любовались, можетъ быть, еще больше мѣлками его твореніями, которыя дѣлалъ онъ въ часы отдыха для друзей и для забавы, какъ то: его *рыбками, кузнечикомъ и личхой Сиды* забавы великаго художника могли имѣть въ которое достоинство, приличное малостямъ; но онъ очень славны были и чрезъ нѣсколько вѣковъ послѣ его смерти. Тутъ нельзя не подумать, что челоуѣкъ дѣйствительно любилъ малое по склонности души и сердца, и что любовь къ великому часто показывается изъ одного щеславія.

Фидіасъ имѣлъ и непріятелей — не измѣнныхъ спутниковъ таланта; но враги его были враги Перикла. Они, въ лицѣ художника, преслѣдовали его покровителя, и обвинили Фидіаса въ похищеніи части золота, даннаго ему для статуи

Минервы. Но художникъ, по совѣту Перикла, наложилъ золото такимъ образомъ, что легко могъ снять его и присыдидить обвинителей. — Однакожь уверяють, что онъ кончилъ жизнь въ пещицѣ.

Сенека въ одной декламациі своей говоритъ, что Элидцы не прежде получили позволеніе отъ Аѳинянъ призвавъ *Фидіаса*, какъ давъ условіе, что возвращать его непременно, или вмѣсто его заплащать сто талантовъ. Но когда статуя *Юпитера* была кончена, то обвиняли его въ похищеніи золота, обрубали руки и, въ такомъ жалкомъ видѣ, возвратили въ Аѳины. Эта увеличенная выдумка означаетъ худые поступки съ нимъ его гражданъ. — Во время *Плинія* была еще въ Римѣ мраморная статуя *Венеры*, копорую почитали произведеніемъ *Фидіаса*.

Н. Кашанскій.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ФИЛОСОФІЮ НѢМЦЕВЪ.

Умозрительная Философія имѣла болѣе послѣдователей у народовъ Германскаго происхожденія, а опытная у тѣхъ, коихъ языкъ происходитъ отъ Лапінскаго. Римляне, искуснѣйшіе въ дѣлахъ жишійскихъ, не были Метафизиками; весьма ничтожныя свѣденія ихъ въ семъ отношеніи пріобрѣтены ими единственно отъ связей съ Греціею, и народы, ими образованные, большею частію наслѣдовали отъ нихъ знаніе о полиптикѣ и равнодушіе къ отвлеченнымъ наукамъ. Во Франціи расположеніе сіе показывается въ величайшей силѣ; Италіянцы и Испанцы также его придерживаются; но воображеніе обитателей странъ полуденныхъ

совращалось иногда съ пути дѣятельнаго разума, для занятія теоріями совершенно отвлеченными.

Высокій духъ Римлянъ придавалъ нравственности и патриотизму ихъ оплечное достоинство; но это должно приписать свойству Республиканскихъ правленій. Когда свобода уже не существовала въ Римѣ, тогда появились эгоизмъ, чувственности, роскошь и хитрая политика, которая обращала всѣ умы къ наблюденію и опыту. Римляне, ученики Грековъ въ словесности и философіи, заимствовали отъ нихъ вкусъ къ изящнымъ художествамъ, но и сей вкусъ скоро переродился въ грубыя наслажденія.

Вліяніе Рима не дошло до народовъ сѣверныхъ. Они почти всѣ просвѣщены христіанствомъ, и древняя вѣра ихъ, содержащая въ себѣ правила Рыцарства, ни въ чемъ не сходствовала съ язычествомъ странъ полуденныхъ. Они пылали духомъ геройской, великодушной преданности къ женщинамъ, коихъ боготворили; и чѣмъ болѣе суровость климата препятствовала челоѣку наслаж-

даться природою, пѣмъ болѣе она побуждала его къ душевнымъ удовольствіямъ.

Можетъ бысть, скажутъ, что у Грековъ религія и климатъ были такіе же, какъ и у Римлянъ, и что ни одинъ народъ не занимался болѣе ихъ умозрительною философіею; но не лзя-ли приписать Индѣйцамъ нѣкоторыхъ умственныхъ системъ, открытыхъ у Грековъ? Идеальная философія Пифагора и Платона не весьма согласуется съ язычествомъ ихъ одноземцовъ; равнымъ образомъ не удосповѣряютъ ли историческія преданія, что вліяніе Востока дѣйствовало чрезъ Египетъ на полуденные народы Европы. Одна только философія Эпикура истинно возникла въ Греціи.

Каковы бы ни были сіи предположенія, однако несомнѣнно, что невещественность души и всѣ происходящія отъ того мысли легко присвоены жадными Сѣвера, и что изъ нихъ Нѣмцы склоннѣе прочихъ къ умозрительной философіи. Лейбницъ, ихъ Баконъ и Декартъ, соединялъ въ себѣ всѣ свойства, къ которымъ Нѣмецкіе философы причитаютъ за славу приближись-

ся. Сей превосходный гений былъ столь же великій, ученый, какъ и праводушный чело-
 ловѣкъ. Онъ подь суровою наружноспію скрывалъ всю пылкость добродѣтельнаго сердца и основательно постигъ Богословіе, Законовѣденіе, Исторію, Языки, Математику, Физику и Химию; ибо былъ увѣренъ въ необходимости всезнанія для достиженія превосходства въ какой либо часпи. Наконецъ все показывало въ немъ тѣ качесства, копорыя производящъ возвышенность мыслей и заслуживающъ вдругъ удивленіе и почшеніе.

Творенія его можно раздѣлить на три разряда: на знанія опредѣленныя, Богословскую Философію и Философію души. Всѣмъ извѣстно, что Лейбницъ былъ соперникомъ Невтона въ теоріи исчислений. Математическія свѣденія много способствуютъ къ метафизическимъ изученіямъ; отвлеченное умствование въ своемъ совершенствѣ сущесвуесть только въ Алгебрѣ и Геометріи; оно придаетъ уму чело-
 вѣческому силу вниманія, и чрезъ со-
 дѣлываетъ его способнѣе разсматривать самаго себя. Надобно постигнуть за-

коны и силы Вселенной, чтобы познать человека во всехъ отношеніяхъ. Между физическимъ и нравственнымъ міромъ есть столько сходствъ и различій, взаимно разливающихъ свѣтъ другъ на друга, что не возможно быть ни первостепеннымъ ученымъ безъ пособія умозрительной философіи, ни умозрительнымъ философомъ безъ изученія точныхъ наукъ.

Локкъ и Кондильякъ не доспапочно занимались сими науками, и Лейбницъ въпомъ имѣлъ предъ ними неоспоримое превосходство. Декартъ также былъ великій Математикъ, и должно замѣтить, что большая часть философовъ, слѣдовавшихъ идеализму, съ излишествомъ предавались опвлеченнымъ умствованіямъ. Упражненія ума и сердца раждають въ насъ чувство внутренней дѣятельности, къ копорой существва, преданныя внѣшнимъ впечатлѣніямъ, рѣдко способны.

Первый разрядъ твореній Лейбница содержишь предметы, копорые можно названъ Богословскими, потому что они относятся къ истинамъ Религіи; а теорія

*

ума человѣческаго заключается во второмъ. Въ первомъ разрядѣ разсуждается о началѣ добра и зла, о Божіемъ Провидѣніи, словомъ: о первоначальныхъ вопросахъ, копорые выше ума человѣческаго. Говоря такимъ образомъ, я не думаю осуждать великихъ людей, копорые, со временъ Пифагора и Платона до нашего времени, преданы были симъ высокимъ умозрѣніямъ. Геній не знаетъ другихъ предѣловъ, кромѣ необходимости. Кто, обладая способностію мыслить, не захочетъ узнать начала и цѣли всего сущесвующаго?

Все живущее, кромѣ челоѣвка, кажется, не имѣетъ чувсва бытія своего. Одному ему извѣстно, что онъ умретъ, и сія ужасная истина заславляетъ его размышлять о смерти. Едва мы начнемъ разсуждать, какъ уже рѣшимъ по своему философскіе вопросы, копорые могутъ объяснить судьбу челоѣвка; но никому не суждено постигнуть ее во всей цѣлости. Каждый понимаетъ ее различнымъ образомъ; каждый имѣетъ свою философію, какъ свою поэзію, истину и свою любовь.

Сія філософія сообразна съ направленіємъ характера и ума, въ особенності всякому принадлежащихъ. Кію возносятся до безконечнаго, для того тысячи изъясненій могутъ быти равно справедливы, хотя и различны, попому что безпредѣльные вопросы имѣютъ тысячи видовъ, изъ коихъ и одинъ можетъ занять умъ на всю жизнь.

Если тайна Вселенной превышаетъ чело-вѣческаго разумѣнія, то по крайней мѣрѣ изученіе сей тайны распространяетъ предѣлы ума. Съ Метафизикомъ бываетъ поже, что съ Алхимикомъ: одинъ, опыскивая Философскій камень, а другой, спараясь открыть невозможное, вспрѣчаютъ на пути истины, копорыя считались бы неизвѣстными. Впрочемъ нельзя воспрепятствовать существованію мыслящему занимающаго хотя нѣкоторое время сверхчувственною философіею; сіе пареніе духовной природы невозможно удержатъ безъ униженія. —

Не безъ успѣха опровергали предопредѣленную Лейбницею Гармонію, копорую считали онъ великимъ открытіемъ, надеясь, что изъяснишь шѣмъ связь духа

съ веществомъ, на кои взираеть онъ, какъ на мускійскія орудія, согласно наспроенныя. Его Монады (*), изъ копорыхъ онъ соспавляеть спихи Вселенныя, споль же неосновательное предположеніе, какъ и всъ упоиребленныя для исполкованія начала вещей. Однако умъ человѣческой въ какомъ спранномъ не бываетъ смущеній? Безпрестанно влекомый къ шайнѣ бышя своего, онъ равно не можетъ ни ошкрыть оной, ни оспаться безъ всегдашняго о шомъ помышленія.

Персы говорять, что Зороаспръ воспросилъ Божество: какъ начался свѣтъ, когда окончился и какъ произошло добро и зло? На сіи вопросы Божество отвѣчало: пвори добро и приобрѣтай безсмертіе! Споль удивительный отвѣтъ ни мало не ошвращаетъ человека опъ выпреннихъ размышленій; но поучаетъ шолько, что посредствомъ совѣсти и чувства мо-

(*) Лейбницъ подъ словомъ *Монады* разумѣлъ шо, на что уже матерія дѣлиться не можетъ, и изъ чего происходитъ явленіе вещественнаго міра. *Пр: Пер:*

жно достигнуть до глубочайшихъ понятій въ философіи.

Лейбницъ былъ идеалистъ, основавшій свою систему на умствованіи; отсюда происходитъ, что онъ весьма далеко распространить опвлеченія и недовольно утвердилъ теорію свою на внутреннемъ убѣжденіи, единомъ истинномъ основаніи того, что выше разумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ спойшь только судишь о свободѣ чловѣка, чтобы не повѣришь ей; но, обратившись къ совѣсти, не лзя въ помѣ усумнишься. — Тамъ, гдѣ предлагаются великіе вопросы о свободѣ чловѣка, происхожденіи добра и зла, Божіемъ Провидѣніи и пр: не можешь бышь послѣдствій и противорѣчій въ помѣ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ соединяемъ. Въ сихъ вопросахъ чувство почти всегда въ противоположенности съ разсужденіемъ, чтобы чловѣкъ познавалъ, что называемое имъ невѣроятнымъ, въ порядкѣ вещей земныхъ, еспь, можешь бышь, высшая истина по всеобщимъ отношеніямъ.

Дантъ выразилъ великую философскую мысль слѣдующимъ стихомъ:

A quisa del ver primo che l'uom crede (*).

Надобно вѣришь нѣкоторымъ испи-
намъ, какъ бышію своему: душа намъ оп-
крываешъ ихъ; а разсужденія, каковы бы
они ни были, супъ слабые попоки, опвле-
кающіе насъ опъ сего испочника.

Лейбницъ въ своей Θεодицеѣ рассу-
ждаешъ о Божіемъ Провидѣніи и при-
чинѣ добра и зла: это естъ глубочай-
шее и подробнѣйшее твореніе о теоріи
Безконечнаго; однако авторъ, говоря о без-
предѣльномъ, весьма часто прилѣпляешъ
къ Логикѣ, кошорой свойственны предме-
ты только удобно постигаемые. Лейбницъ
былъ чрезвычайно набоженъ, и попому
считалъ себя обязаннымъ основашь исти-
ны вѣры на разсужденіяхъ метафизиче-
скихъ, дабы утвердишь ихъ на оплоцахъ,
допущенныхъ въ области опыта. Самое
заблужденіе сіе почтенно, хотя не призна-
ющя въ помъ умы холодные и сухіе: на-
прасно думаютъ, что доказательствва, пре-
длагаемыя по правиламъ Логики, достовѣр-
нѣ доводовъ чувствва.

(*) Итакъ пусть человекъ вѣришь первоначальной истинѣ.

Въ области умственныхъ и духовныхъ истинъ, о коихъ разсуждалъ Лейбницъ, приговоръ совѣси замѣняетъ доказательства. Лейбницъ, желая придерживаясь опвлеченныхъ разсужденій, пребуаетъ оны умовъ сильнаго напряженія духа, къ чему немногіе способны. Метафизическія творенія, не основанныя ни на опытѣ, ни на чувствѣ, упомляють мысль и подвергаютъ физическому и нравственному неудобству такъ, что и самый разумъ не можеть преодолѣть его. Поэтъ Багзень возвелъ сумазбродство на степень Божества; надобно прибѣгнуць къ нему, чпобы познаць творенія, которыя возносять насъ за предѣлы умственного такъ, что ниспустишься съ сей высоты нѣтъ уже возможности.

Метафизическіе и духовные писатели, равно краснорѣчивые и чувствительные, каковы были нѣкоторые, весьма сошвѣтствуютъ нашей природѣ. Они не заспаваютъ безмолвствовать чувствительныхъ способностей для того, чпобъ опвлеченныя были чище; напрошивъ возбуждають насъ мыслишь, чувствовашь,

хотѣшь, дабы сила души помогала намъ проникнуть глубину небесъ; но предаваясь отвлеченію естъ такое усиліе, опть котораго большая часть людей отказалась и сочла за удобное не признавать ничего, кромѣ очевидности.

Философія опытная полна сама собою; она довольно обыкновенна, но ограничена, основательна. Когда слѣдуешь разсужденію, какъ принято оно въ дѣлахъ свѣтскихъ, то и должно симъ удовольствоваться: безсмертіе и безконечность мы чувствуемъ только посредствомъ души; она одна можетъ внушать стремленіе къ высокой метафизикѣ. Весьма несправедливо думаютъ, что теорія чѣмъ отвлеченнѣе, тѣмъ болѣе предохраняетъ отъ заблужденія; ибо, въ такомъ случаѣ, она дѣйствительно можетъ заставить насъ заблуждаться. Многие принимаютъ сѣяніе идей за доказательства, ставя въ ряды вздорныя мечтанія, и сподвижники воображаютъ, что это ихъ воинство. Только Геній съ чувствомъ былъ бы превыше, какъ опытной, такъ и умопрительной философіи; только онъ могъ

бы вознестъ убѣжденія за предѣлы чело-
вѣческаго разума.

Сколь ни удивляюсь я силѣ ума и глу-
бинѣ Лейбницева Генія; но, по мнѣнію мо-
ему, желательнѣе бы видѣшь въ швореніяхъ
его, по часпи метафизической Богословіи,
болѣе воображенія и чувствительности,
чтобы при движеніи духа успокоивалась
мысль. Лейбницъ совѣспился прибѣгать
къ сему средству, опасаясь такимъ обра-
зомъ оболыцать въ пользу истины; онъ
обманулся, ибо въ такихъ предметахъ
чувство есть самая истина.

Возраженія, сдѣланныя мною на шво-
ренія Лейбница о вопросахъ, неразрѣши-
мыхъ разсудкомъ, не относящяся къ сочи-
неніямъ его объ образованіи идей въ умѣ
человѣческомъ; онъ суть лучезарная яс-
ность, освѣщающая тайну, которую че-
ловѣкъ можетъ проникнуть до извѣспной
степени; сіе доказываетъ, что Лейбницъ
зналъ болѣе о себѣ, нежели о Вселенной.
Мнѣнія его въ семъ отношеніи касающяся
особенно нравственнаго совершенства, ес-
ли справедливо, какъ спарались доказать
эти Нѣмецкіе философы, что свободная

воля оснований на ученіи, освобождающемъ душу опть внѣшнихъ предметовъ, и что добродѣтель не могла бы существовать безъ свободной воли.

Лейбницъ, съ удивительною діалектикою, сильно воспавалъ пропивъ системы Локка, приписывающей идеи наши ощущеніямъ. Прежде повпорялась сія столь извѣстная аксіома: *все то, что заклю-
чается въ разумѣніи, происходитъ отъ
чувствъ*, и Лейбницъ дополнилъ ее высо-
кимъ изъясніемъ, *кромя самаго разумѣнія*(*). Изъ сего правила происпекаетъ ее новая философія, шокмо дѣйствующая на умы Нѣмцевъ. Сія философія шакже опытная, ибо она спремишя познать то, что происходитъ въ насъ. Она только побуждаетъ замѣчать внутреннее чувство, вмѣсто внѣшнихъ ощущеній.

Ученію Локка слѣдовали въ Германіи люди спаравшіеся, какъ Боннетъ въ Женевѣ и многіе философы въ Англіи, согласовавъ оноє съ набожными чувствованіями, како-
выя самъ Локкъ всегда проповѣдывалъ.

(*) *Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu, nisi intellectus ipse.*

Геній Лейбница предвидѣль всѣ послѣдствія сей метафизики, и славу его навѣки утвердило то, что онъ умѣль поддерживать въ Германіи философію нравственной свободы противъ чувственной фатализма. Между тѣмъ, какъ прочіе Европейцы принимали основанія, почитающія душу спрадасельною, Лейбницъ не перешавалъ защищать идеальную философію, сколько Геній его могъ ее поспигать. Она не имѣла никакого сходства, ни съ системою Берклея, ни съ мечпаніями Греческихъ сцепниковъ о ничтожности матеріи, но утверждала независимость и права нравственныхъ существъ.

Съ Франц. А. Боровковъ.

М Е С С І Я.

(Изъ Поне).

Воспойте, дщери Іерусалимскія! Да пріяшныя звуки ваши соопвѣшпвуютъ величію избраннаго мною предмета! Меня не прельщаютъ болѣе ни испочники прозрачныя, ни пѣвны дубравныя, ни видѣнія Пиндовы, ни дружество Аонидъ прекрасныхъ. — О Ты, сообщившій успамъ Ісаи огонь жершвенный, одушеви слабый голосъ мой!

Дѣва зачнешь, дѣва родить сына! Опъ племени Іессии произойдетъ опрасль, коея священныя цѣшья распротренишь по всюду пріяшнѣйшее благоуханіе! Духъ небесный поколеблетъ вѣшьями, и шаиншвенной голушь испустишь надъ гла-

вою ея! Все погрузишься въ молчаніе, и небеса проліють росу!

Цѣлебное распеніе придастъ силы слабому, возврапитъ здоровье спраждущему, доспавишь спраннику убѣжище во время бури и мѣнь опъ зноя полуденнаго; заглядяся грѣхи, и покушенія змія оспанулся щепенными; правосудіе возсядешъ съ вѣсами; миръ проспретъ на всю вселенную оливную вѣшвь свою, и невинность, обленная въ бѣлое одѣяніе, возврапится съ небесъ. Скорѣ шекише, быспрые годы, и принесише съ собою пребываніе Вѣчнаго!

Явись, Божеспвенный младенецъ! Восхищенная природа поднесетъ шебъ начашки лавровъ и пріяшнѣйшія благоуханія весны: высокія древа Ливанскія помавають уже главами своими и роци прыгають опъ радосши, какъ юная лань; облака куреній спелюся опъ Сарона, и цвѣшущая вершина Кармея наомяетъ аромашами лазуный сводъ.

Какіе клики веселія раздались въ пущынѣ? Угошовайте лупъ! Господь, Господь шеспвуѣетъ: холмы и ушесы повшорили имя Бога! О земля, съ Небеси приєм-

лешь пы, дарь сей! Да низвергнуся горы,
и долины воздвигнуся; да преклоняшъ
главу свою кедры для возданія ему поче-
спи и рѣки воспещуть! Градешь Спаси-
тель, возвѣщенный древними оракулами!
Внимайте ему, вы, лишенные слуха, и воз-
зрите вы, поперявшіе зрѣніе! Онъ оп-
кроешь очи ваши для свѣта и усладитъ
вась снова гармонією звуковъ: хромый
вспрыгнетъ подобно оленю и языкъ нѣма-
го воспоешь въ поржествѣ! Цѣлый міръ
не услышитъ болѣе ни вздоховъ, ни ропо-
та, и слеза на глазахъ осушился: смерть
обременится оковами мѣдными, и пиранъ
преисподняго ада вострепещетъ, лишен-
ный своего владычества.

Подобно паспырю, копорый даетъ
роздыхъ спаду на паспвахъ свѣжихъ, ко-
порый собираетъ заблудшихся овецъ, не
покидаетъ ихъ изъ виду днемъ и печется
о безопасности ихъ ночью, копорый пи-
таетъ изъ своихъ рукъ юныхъ агнцевъ и
согрѣваетъ ихъ на груди своей; — подоб-
но сему паспырю великій Паспырь овецъ
будетъ пещися о родѣ челоувѣческомъ. Не
подымешъ болѣе оружія одинъ народъ на

другаго: свирѣпая война не будетъ опусто-
 шать полей, и звукъ трубы не возбудишь
 болѣ яростнаго гнѣва; бесполезное копье,
 изогнешся въ серпъ и широкая сѣкира
 превратятся въ плугъ.

Навсегда будетъ въ безопасности жи-
 лище подданныхъ Царя мира. Они прове-
 дутъ безмятежно дни свои подъ сѣнью ви-
 ноградниковъ, и рука посѣявшая соберетъ
 жатву. Паспырь въ радостномъ изумле-
 нии узритъ выходящую изъ земли лилею и
 не ожидаемую зелень въ мѣстахъ бесплод-
 ныхъ; внезапно услышитъ онъ тихое
 журчаніе ручейковъ среди песчаной степи.
 Разсѣвшіяся скалы, обиталище драконовъ,
 зароснутъ проспникомъ. На усѣянныхъ
 прежде шерновникомъ долинахъ появился
 маслина; кустарники съ увядшими листь-
 ями усупятъ мѣсто пальмамъ и ядонос-
 ныя распенія душистымъ миршамъ. Вол-
 ки будутъ паскися на мягкой муравѣ съ
 агнцами, и юныя дѣвы повлекутъ пигра
 на цвѣточной привязи. Волъ и левъ бу-
 дутъ раздѣлять кормъ въ однихъ ясляхъ и

змѣи лизашь ноги пупника. — Едва опны-
тый опъ груди младенець съ улыбкою
приласкаешь василиска и эхидну, и восхи-
щенный яркимъ цвѣпомъ ихъ спанешь за-
бавляшья раздвоившимся языкомъ ихъ.

Іерусалимъ, вознеси надменное чело
свое! Воззри на просипранные помоспы
твои, наполненные юношами и дѣвами, ко-
порые спараются возродить тебя и ко-
порые вздыхаютъ о счастливыхъ дняхъ
твоихъ! Воззри на чужеземныя племена,
въ союзъ приближающіяся ко врагамъ
твоимъ, и преклоняющія колѣна во хра-
мъ! Воззри на блестящія олпари твои,
умашенные ароматами зебы и окружен-
ные царями поклонниками. Для тебя лѣса
Идумейскія куряшъ благоуханія и золопо
сіяешь въ горахъ Офира. Воззри на ослѣц-
ляющій сводъ небесный, опверзающійся
для наводненія тебя океаномъ свѣпа. Вос-
ходящее солнце не позлапитъ болѣе для
тебя разсвѣша упреняго, не сообщитъ
лунѣ серебрянаго блеска своего. Оно распу-
ститъ опъ лучей ярчайшихъ, и Топъ,
Кшо заключаешь въ себѣ самый свѣшь, бу-

Депъ навсегда швоимъ солнцемъ. Изсохнутъ
воды въ моряхъ, небеса разсвѣются ды-
момъ, и горы распаютъ отъ жару; но обѣ-
щанія Мессіи, его могущество и священ-
ный шронъ пребудутъ вѣвѣки!

А. Дурондъ.

О РОМАНИЧЕСКОМЪ ХАРАКТЕРѢ.

(Изъ Gossip's history).

Женщины съ романическимъ характеромъ обыкновенно искренни и добродушны. Онѣ стремятся къ совершенству; воздыхаютъ о счастіи, но имъ не достаетъ врожденной твердости и опытностью приобретаемаго постоянства. — Онѣ создаютъ себѣ идеаль, которому слабымъ смертнымъ не возможно подражать. Мнимыя препоны мучатъ ихъ; воображеніемъ увеличенныя неудачи ихъ распространяютъ. Желая утвердить свое спокойствіе, онѣ его разрушаютъ, и, стараясь оплечьиться между подругами высокою чувствъ своихъ — не имѣютъ довольно здраваго разсудка для обращенія въ свѣтъ, для образа жизни.

Можетъ быть, скажутъ: „представляя съ дурной стороны романическіе нравы, значить вредишь нравственности.“ Вотъ мои доказательства, чтобы думать иначе: я довольно разсуждалъ о жизни, о назначеніи чловѣка и, признаюсь, не нашелъ никакого противорѣчія правилу: впечатлѣвать въ умы юношей истинныя понятія о пути, которой имъ предлежитъ, о людяхъ-спутникахъ на ономъ; я увѣрился, что мнимыя обязанности, проповѣдуемыя особами, утончающими чувствительность, вредящъ основнымъ добродѣтелямъ, коихъ совершенство доказано вѣковыми опытами. Въ качествѣ существъ, назначенныхъ къ общежитію, слѣдовательно обязанныхъ другъ другу опечетомъ поспупковъ своихъ, мы имѣемъ уже въ законахъ общества все, что должно управлять нашею дѣятельностію. — И желалъ бы я спросить у дамъ, которыя восхищаются Геройскимъ великодушіемъ, Романическою дружбою, Рыцарскою любовью: считаютъ ли онѣ возможнымъ представить образецъ совершеннѣе того, какой ученіе хри-

христіанское начертало намъ для примѣра? —
 Простые, изъ самой чистѣйшей нравственности
 происпекающіе законы онаго, не подвергаютъ разумъ нашъ запрудни-
 тельнымъ предположеніямъ, не налагаютъ
 на насъ разнорѣчащихъ обязанностей. —
 Представляя жизнь людей живою карти-
 ною, оно совѣщаетъ намъ съ умѣрен-
 ностью пользоваться благами и шерѣ-
 ливо сносить зло. Оно говоритъ, что сла-
 ва переменчива, какъ и міръ, ея обитае-
 мый, что и добродѣтели праведныхъ пе-
 ремѣшаны съ слабостями; наставляетъ
 насъ вооружаться всегдашнею оспорож-
 ностью и поспояннымъ прилѣжаніемъ;
 оно учитъ находить благо въ собственномъ
 надъ своими спраснѣями и умѣрені-
 емъ желаній, учитъ надѣяться съ недо-
 вѣрчивостію, пользоваться съ благодар-
 ностію, оставлять съ рѣшимостію. Уве-
 домляя насъ о недоспѣшкахъ нашихъ, оно
 проповѣдуетъ снисхожденіе къ ближнимъ,
 забвеніе обидъ; напоминаетъ, что всѣ мы
 братья, что нужды и слабости наши дѣ-
 лаютъ насъ взаимно зависимыми, и на-
 конецъ ободряетъ насъ къ благошворенію.

Не ужели писатели романовъ, наиболѣе читаемыхъ молодыми людьми, думаютъ весели къ эпохѣ же, Богомъ предназначенной цѣли, изображая любезными слабостями всѣ неисповсва любви и горя, ревности и отчаянія? Долженъ ли сочинитель, которой выдаетъ себя за христианина, выводитъ на сцену самоубійство, не запечатлѣнное печалью отверженія? Долженъ ли онъ привязанность своего героя къ замужней женщинѣ выдавать за чувство простибельное, за страсть, ничѣмъ не побѣдимую, за внушенное самой природой заблужденіе? — За чѣмъ пишутъ въ юношахъ преступныя надежды? — За чѣмъ прибавляютъ къ множеству неопразимыхъ бѣдъ сожалѣніе, слѣдующее за надеждою безразсудною?

По мѣрѣ удаленія нашего отъ границъ юности препятствія возрастаютъ и вмѣсто приданія душѣ колебимости, вмѣсто защиты отъ непостоянства судьбы, нынѣшніе писатели пріучаютъ насъ спрашиваться малѣйшихъ ея ударовъ, степенать отъ бѣдствій собственнаго вымысла, и скучать жизнью прежде, нежели

солнце бытія достигнешь своего меридіана.

Правда, мы скоро оставляемъ романтическія идеи и возвращаемся къ печальной истинѣ. — Но какъ часто, видя себя обманутымъ лестными мечтами, человекъ впадаетъ въ поску, спановится недовольнымъ, несноснымъ для самого себя и для другихъ; онъ готовъ жаловаться на Провидѣніе, для чего свѣтъ не болѣе совершенъ; для чего оно вложило въ насъ страсти, съ коими должно бороться, и жажду счастья, которая не можетъ быть удовлетворена? — Онъ забываетъ наконецъ, что блаженство сотворено не для здѣшняго испытательнаго міра!

Алек. Бес вб.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М О Г И Л А
ПЕРСИДСКАГО ПОЭТА.

(Изъ Мильвца).

„Заида, швой голосъ плѣняетъ мой слухъ,
И въ душу вливается арфы брацанье!
Не пише весенняго утра дыханье
Волнуетъ цвѣтами усыпанный лугъ.
Твои пѣснопѣнья прелестны, какъ розы,
И сладки, какъ пламенный швой поцѣлуй;
Но кто ихъ шворецъ? . . . О поэтъ, шор-
жествуй!
Я пролилъ восшорга невольныя слѣзы!“

— Тебѣ ль, Государь, неизвѣстенъ пѣвецъ,
Плѣнившій швой слухъ, Бенамаръ вдохновен-
ный?
Онъ пѣлъ безъ награды, и свѣпомъ забвенный,
Платилъ нищешой за лавровый вѣнецъ.
Въ опчаянны съ дочерью нѣжной блуждаетъ

Несчастный средь знойныхъ Ирана песковъ;
Онъ двигаетъ струны при шумъ въспровъ —
И сладоспнымъ звукамъ пустыня внимаешь!—

„Эмиръ, осѣдай вороного коня:
Онъ въ битвахъ, какъ вихоръ, леталъ подо
мною!

Помчися въ Иранскія степи спрѣлою,
И персень поэшу вручи опъ меня!
Безчисленны звѣзды на шверди небесной:
Безчисленны будущъ богашсива его.
Алмазь драгоценный вънца моего
Не скроеся въ прахъ пустыни безвѣспной!

„Иль дочь Бенамара навѣкъ ошцвѣшешь,
Какъ дикая пальма, въ спранѣ опдаленной?
Да вснупишь она въ мой черпогъ позлащен-
ный,
И счастья свѣшило надъ нею взойдетъ! “ —
Эмиръ на коня — и, какъ вранъ сизокрылой,
Подъ облакомъ пыли въ пушынѣ лешить,
И вдругъ близъ дороги красавицу зришь
Въ вѣнкъ кипарисномъ надъ свѣжей могилой.

„О пушникъ, ты скоро въ безводныхъ сте-
пяхъ
Погибнешь, какъ злакъ опъ палащаго жара!
Куда ты спѣшишь? “ — Я ищю Бенамара;
Но щелшно: вѣшь слѣду въ песчаныхъ вол-
нахъ! —

„ О пупникъ, ты дочь его зришь предъ собою;
 Во гробъ лежишь мой несчастный отецъ:
 Онъ встрѣнилъ спраданьямъ желанный ко-
 нецъ,

И смерти рука подняша надо мною!“

— Утѣшься, печальная дѣва красы!

Владышель Воспока тебя призываешь,
 И счастье швое, какъ цвѣшокъ оживаешь,
 Осыпанный влажнымъ жемчугомъ росы! —

„ Ты видишь могилу, гдѣ спишь мой роди-
 тель:

О пупникъ, не можешь раскрыться она!

Вопь сердце мое — я всего лишена;

Мнѣ счастье во гробъ, мнѣ смерть утѣши-
 шель!“ —

И дѣва печально смотрѣла вокругъ;

Могилу отца обнимала съ рыданьемъ,

И грудь, ушомленная шажкимъ спраданьемъ,

Вздымалась, какъ пѣны серебряный пухъ.

Вдругъ арфы красавица шихо коснулась;

Въ пустынѣ раздался пѣни.пельный гласъ,

И, весело встрѣшивъ послѣдній свой часъ,

Пѣвица какъ будшб сквозь сонъ улыбулась!

А. Крыловъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

Разстался я надолго съ вами,
Брега священные Невы!
Уже исчезли предъ глазами,
Среди шуманной синевы
Небесъ Пепрополя унылыхъ,
Послѣднiя главы церковей —
И я какъ вихрь лечу, друзей оставя милыхъ,
На тройкѣ удалыхъ коней,
И въ первый разъ, живя досель съ весельемъ
въ дружбѣ
Узналъ я горе не шуя. —
А ты, повариха мой по чувствамъ и по службѣ,
Безсмертныхъ дѣвъ любимое дитя,
О Гнѣдичъ, можешь бышь, съ тобою
На вѣкъ, мой другъ, проешился я!
Увы, сей грустною мечшою
Полна шеперь душа моя!

Кто знаешь, что въ своемъ свѣтѣ
 Творецъ небесный мнѣ предрекъ?
 Слѣпыя смертные, на этомъ жалкомъ свѣтѣ
 Играемъ въ жмурки мы весь вѣкъ!
 Грядущаго никто не знаешь:
 Оно сокрыто отъ людей;
 Таясь во мракѣ, какъ злодѣй,
 Судьба ударъ свой совершаетъ.
 Сегодня я здоровъ; а завтра — биль мой часъ!
 И часто, можетъ быть, забывъ, о другъ мой
 милой,
 Что жизнь зависишь не отъ насъ,
 Мы пляшемъ надъ своей могилой! —
 Такъ думалъ я, и духъ неволью унывалъ,
 Предчувствіемъ во мнѣ шайншвеннымъ смущенный;
 Казалось мнѣ, что я, на скорби обреченный,
 И счастье и друзей навѣки покидалъ. —
 Далеко ужъ за мной роскошная столица;
 И я, сквозь легкой сонъ, закутавшись въ шинель,
 Мечтаю о тебѣ, о сѣвера царица,
 О юныхъ дней моихъ вполнѣ колыбель!
 Въ тебѣ я началъ жить, въ тебѣ я встрѣ-
 шиль друга;
 Въ тебѣ я въ первый разъ знакомъ съ лю-
 бовью сталъ,
 И счастье въ тебѣжъ семейственно позналъ,
 Названіе принявъ священное супруга. —

Ты скрылася; но мнѣ оспалася мечшья:

Средь ихъ ищю я ушъшенья.

И вдругъ, о чудо воображенья!

Моимъ глазамъ явилась снова ты.

Въ шебъ опяшь съ друзьями я вспрѣчаюсь;
Иду опяшь бродить по улицамъ твоимъ;

Любуюсь снова всѣмъ и молча восхищаюсь.

Или спѣшу съ утра къ занятіямъ моимъ,

И свой окончивъ трудъ, народное шеченье

Иду смопрѣшь на Невской прошурь.

Какая песпроша и чудное смѣшенье!

Тутъ вижу Персіанъ, Бухарцевъ и Ташаръ,

Французовъ въпреныхъ и Англичанъ степен-
ныхъ;

Тамъ храбры войны, опечесыва сыны,

Въ одеждахъ, златомъ испещренныхъ,

И мирный Квакеръ здѣсь, незнающій войны,—

Или окрестности градскія посѣщаю.

Вошь въ Царскомъ я селѣ, въ волшебныхъ
сихъ мѣстахъ,

Гдѣ всякой разъ пѣвца Торквато вспоминаю,

Мечшая бышь въ его Армидинныхъ садахъ.

Иль, въ шумномъ жишь наскуча мѣрѣ,

Я мыслями лечу въ унылый Пешергофъ,

И шамъ на берегу морскомъ я въ Монплезирѣ,

Дремля подь шумъ сѣдыхъ валовъ,

Гляжу, какъ блѣдная Гекаша,

Верхи деревъ сребришь въ саду.

Или, въ часъ солнечна закаша,

Въ обшедь Невскую иду;

Люблю смотрѣшь я тамъ на чудное сближенье
Предметовъ двухъ, споль разныхъ
межъ собой.

Вошь здѣсь въ моихъ глазахъ, шеряясь въ оп-
даленьи,

Та улица, куда веселою толпой
Спрелятся всѣ: гдѣ роскошью все ды-
шетъ;

Гдѣ пышность дивную — *Притудницы* Творца
Волшебное перо едвали намъ опишетъ;

Гдѣ вѣчной суешъ и шуму нѣтъ конца;
Гдѣ все сулишь намъ вѣкъ счастли-
вый,

Среди пріятныхъ жизни сновъ!

И чтожъ въ концѣ сей гордой перспек-
тивы? . . .

Жилище смерти, рядъ гробовъ!

Невольно здѣсь душой я возвышаюсь,

Мірскую суешу, ничтожность всю узрѣвъ. —

Но день уже пропекъ; я далѣ опправляюсь,
Съ холоднымъ чувствомъ осмошрѣвъ

Умершихъ пышныхъ могилы,

Предметъ щеславія и роскоши живыхъ. —

Теперь я на мосту, склонившись на перилы,

Вспрѣчаю сумерки. — Вошь — шумъ градской
запихъ;

Вечернія мольбы ужъ кончились во храмахъ,

И я смотрю, ночной люблюсь шишиной,

Какъ свѣтлая Нева, въ своихъ граничныхъ
рамахъ

Чуть, чуть волнуясь, печешь передо мной;
Луна и рядъ палашъ, какъ будшобы въ кар-
тинѣ,

На гладкомъ зеркалѣ ея прозрачныхъ водъ.

„Давноль, подумалъ я, въ ужасной здѣсь пу-
спынѣ

Лишь въшерь выль? Теперь кипишь вездѣ
народъ.

Давноли здѣсь, среди болошь, лѣсовъ дрему-
чихъ,

Не смѣлъ и дикой звѣрь прокладывать слѣда? ..

Явился градъ Пепровъ — краса царей могу-
чихъ —

Прошли немногіе года,

И слава ужъ его вселенну наполняетъ! —

О Руской Царь, шы былъ воиспинну великъ!

Ты восхошѣлъ — и флосъ швой море покры-
ваетъ;

Сказалъ — и новый Римъ на сѣверѣ возникъ! —

Вошь шакъ-шо, милый другъ, мечшою оболь-
щенный,

На краткой мигъ я горе забывалъ. —

„О еслибъ, я сказалъ, восторгомъ увлеченный,

Небесъ священный даръ, шбой я обладалъ!

Когдабъ я могъ, Пѣвецъ Омирова рожденья,

Во слѣдъ шебъ, на лирѣ золошой

Воспышь душевны наслажденья,

Бесѣды всѣ съ волшебною мечшой;

Когда бы могъ...“ Но вдругъ, незнаемый до-
шоль,

По членамъ препенеть пробъжалъ;
Успа сомкнулись по неболю,
Въ груди священный огонь вспылалъ;
Все спало для меня пріятнѣй;
Свѣжѣ зелень на лугахъ,
И воздухъ чистый аромапнѣй,
И тѣнь прохладнѣе въ лѣсахъ;
Всея, всея природы обновленной
Казался мнѣ прелестнѣй видъ!

О радость... наконецъ, восторгомъ упоенный,
Позналъ я въ первый разъ безсмертныхъ Пі-
еридъ; —

Позналъ небесно наслажденье,
Поэшовъ счастливыхъ кумиръ,
Тебя, святое вдохновенье!
И новый мнѣ открылся міръ;
И новымъ озарилась свѣтомъ
Моя душа; и другъ твой спалъ поэшомъ!

М. Загоскинъ.

Д В Ъ М У З Ы .

(Изъ Клопштока, разбромбъ подлинника).

о — о — о, — о о — о о,
 о — о — о, — о о — о о,
 о — о — о — о — о,
 — о о — о о — о — о.

Я видѣлъ — то ли, что уже нынѣ естъ?
 Иль то, что будетъ? — Съ Музой Бришани
 Германской Музы соспизанье:

Обѣ спѣшили къ блестящимъ цѣлямъ.

Двѣ цѣли были (тамъ, гдѣ шеряся взоръ)

Вдали замѣшны. Дубы выпвисшыя

Одну пріосѣняли — ближе;

Даль — другую священны пальмы.

Обыкши въ бѣгъ (съ швердой надеждою

Во взорахъ) гордо, важною поспушью

Вступила въ кругъ Альбіонида,

Въ поприще славы (вспоминая,

Какъ прежде съ Музой звучной Мэоній,
 Съ Капишолійской Музой въ ризпалацие
 Она вступала, восхищаясь
 Чувствомъ безсмертія, сильнымъ, вѣч-
 нымъ!) —

И что же? Видишь, какъ уже юная
 Дрожитъ, пылая славой, соперница;
 Какъ яркой, съ нѣжной розой схожій,
 Цвѣтъ на ланипахъ ея алѣетъ.

Уже о трудомъ спѣснелась въ груди своей
 Дыханье дщерь Туйскона; впередъ уже
 Подавшись, смѣло ожидаетъ
 Знака пуспиться къ обѣимъ цѣлямъ:

Цѣня ее, себя еще болѣе,
 Взираешь важно, долго, привѣдливо
 Британска Муза на Туйскону.
 „Такъ, я съ тобою въ священной кущѣ

„Росла; но слухъ прошелъ: тебя нѣтъ уже!

„Проси, о Муза, если безсмертна ты,

„Проси, что по не прежде знала,

„Въ чемъ я шеперь безъ труда увѣрюсь:

„Цѣль шамъ: а оую — далѣе — видишь ли

„Съ ся вѣнкомъ? Духъ скромнаго мужесшва;

„Безмолвье гордости, поникшій,

„Пламенной взоръ швой и мнѣ извѣсны!

„Но, ахъ, подумай, Муза, пока еще
 „Молчишь гласъ шрубный, кно съ Оермо-
 пильскою
 „И съ Седмихолмнои важной Музой,
 „Пушь совершивъ, доспигаль до цѣли?“

Сказала. Чась приходитъ рѣшишельный
 Съ Герольдомъ ближе и ближе. „Люблю те-
 бя!“

Опвѣвъ былъ пламенной Тевтоны,
 „И съ удивленьемъ, Альбѣонида,

„Но шакъ ли, какъ безсмертье и пальмы,
 (шамъ

„Стоящія? Доспигни, (коль Геній твой
 „Дозволишь) ихъ, сорви вѣнокъ: я
 „Вслѣдъ за шоболо сорву вѣнивъ пальмы.

„И — какъ дрожу я! о вы, безсмертные! —
 „Бышь можешь, прежде цѣли деспигну я!
 „Тогда пускай Альбѣониды
 „Мнѣ развѣвастъ власы дыханье!“

Труба звучишь! Съ орлиною скороспью
 Онѣ лешаишь чрезъ поприще. Облако
 Взвилось вверхъ пыли; мимо дуба
 Пыль пронеслась и онѣ глазъ ихъ скрыла.

Владимірѣ Бриллерѣ.

СОБАКА И ВОРЪ.

СКАЗКА.

(ПОСВЯЩЕНА С. Д. П — ой)

Вы любите собакъ — какъ ихъ и не любите?

Ну, есть ли звѣрь другой умнѣе,

Усерднѣе, вѣрнѣе,

Великодушнѣе? Нѣтъ, и не можете быть!..

Собака рада смертью принять за господина.

Не всякая... но Гекторъ и Мальвина (*)

Конечно съ радостью умрутъ за госпожу.

Позвольте: будь одну шеперь вамъ расскажу

Жила, была собака пребольшая,

Предобрая, презлая:

Ласкала всѣхъ своихъ,

Бросалась на чужихъ —

А не кусалась,

За шѣмъ, что на цѣпи привязана была.

Жизнь пренестасянную вела;

(*) Имяна собакъ Г-жи П — ой.

Представьте: бѣдной ѣсть дни по два не да-
вали.

А какъ начнешь визжань — бивали!
Хозяинъ же ея богатый былъ Купецъ
Цафнушій Сидорычъ Заржавинъ,
Обманщикъ, росповщикъ, скупецъ,
Ну настоящій Жидъ, совсѣмъ не Христіанинъ:
Поспыжь онъ свяшо наблюдалъ,
Заупрени не пропускалъ
И по полушкѣ въ день на рубль процентовъ
бралъ.

Жилъ у него Степанъ работникъ,
Преспраншой до вина охотникъ,
За пьянство Сидорычъ журилъ его, бранилъ
И въ наказанье не кормилъ —
Степанъ же съ голоду все гилъ —
Пилъ много, а роботалъ мало.

Вошь у хозяина шерпѣнія не спало:

Согналъ его онъ со двора,
Отдавъ ему — панцорнѣ да гривну серебра
И вычлѣ сѣо рублей изъ договорной плашмы.
Чшо дѣлашь? Вѣднаго всегда прижмешъ бога-
тый.

Степанъ грозилъ Заржавину судомъ,
По принадлежности онъ съ просьбой обра-
тился,

Но шолку не добился
И шакъ, вздохнувъ, пошелъ — куда? въ пи-
шейныи домъ.

Ахъ, до чего спраспъ къ пьянству не до-
водишь!

Несчастный мой Степанъ

Напился съ горя пьянь

И что жь ему на умъ приходишь? —

Опмспишь хозяину, обворовашь его,

А онъ не вороваль ни разу до того.

„Вѣдь я свое возьму!„ — Степанъ такъ раз-
суждаешь —

„Теперь же ночь темна; ничто непомышаешь:

Меня Барбоска знаешь.., —

Рѣшился и пошелъ. Уже черезъ заборъ

Онъ перелезъ къ Заржавину на дворъ.

Кѡ намѡ кѡ намѡ! ужасный лай раз-
дался;

Степанъ къ себѣ Барбоску подо-
звалъ,

Погладилъ, хлѣбца далъ,

А пошъ замолкъ и къ вору приаскался.

Чтобъ время не теряшь,

Степанъ спалъ въ узелъ собирашь

Вѣлье, которое шумъ на дворъ висѣло.

Ужъ онъ свое окончилъ дѣло

И шелъ съ узломъ къ ворошамъ смѣло.

Барбоска за ворошъ его

И оземъ — только некусаешь;

Топъ хочешъ вспашъ — онъ не пу-
скаешь,

Легъ на него и лаешъ.

Хозяинъ прежде всѣхъ услышалъ спрашный лай.

Вскочилъ онъ съ сундука, кричитъ: „огня давай!

„Вставай, Макарьевна, вставай!

„Гаврила, Павелъ, Карцъ, вставайше!

„Фонарь, фонарь скорый давайше!

„Барбоска лаешъ, вѣрно воръ!

„Гаврила, ты возьми запоръ,

„Ты водовосъ, а ты шопоръ!

„Ступайше всѣ передо мною!

„Макарьевна, поди и ты хопъ съ кочергою,

„А я за вами съ фонаремъ!

„Пойдемъ, пойдемъ!.. —

Пошли — Барбоска пуце лаешъ.

Спецанъ ни живъ, ни мершвъ ле-
житъ.

„Вошь воръ! Барбоска усы!... „Макарьевна
дрожитъ

И кочергу изъ рукъ роняешъ.

„Поспой, вошь мы тебя! Ребаша, бей, вяжи!

„Что у тебя въ узлѣ, скажи!

„Ба! ба! да это нашъ Спецанъ работникъ!

„Ахъ, шы разбойникъ!

„Смошрите - ка бѣлье все наше онъ собралъ!..

Спецанъ проситъ прощенья спашъ,

И наконецъ его просмили,

Когда порядочно уже поколошили.

Пафнушій Сидорычъ Барбоскѣ изъясилъ

При всѣхъ свое благодаренье,

Иль, по просту сказаши, его онъ похвалилъ —

А похвала — большое награжденье!

А. Измайловъ.

Но чтожь? Надменная вънокъ мой разорвала
И самыя лиспы ногами распопшала.

О поспѣшишежь къ ней скорѣй
Ты, спаросишь, вы морщины!
Пожнише прелесшей цвѣтны,
Смирите гордостъ красоты!
Васъ умоляютъ всѣ мущины.

3.

Анакреонъ, въ жару мечпаній,
Хощѣлъ бышь Нины башмачкомъ,
Чшобъ ножку милую сжимаешь шайкомъ.
У всякаго свой родъ желаній:
Я лучшебъ сдѣлашься хощѣлъ
Моей Глицеріи корсетомъ —
И, признаюсь, увѣренъ въ эшомъ,
Чшо мнѣ завиднѣишій доспался бы удѣлъ.

Панаевъ.

С М Ъ С Ъ.

ГОРАЦІЙ.

(Изъ Блюмнера).

Кто со вниманіемъ читалъ творенія Го-
рація, говоритъ одинъ благоразумный Англи-
чанинъ, шопъ любилъ сего поэта и желалъ
бы его лично знать 1). Въ самомъ дѣлѣ,
писатель и человѣкъ находилъ въ немъ въ
пѣснѣйшей связи. Разумъ, оспроша, веселый
нравъ, опдровенность, изображенныя въ стихахъ
Горація, производятъ то, что онъ и по
прошествіи осьмнадцати столѣтій служилъ
пріятнѣйшимъ и поучительнѣйшимъ собесѣд-
никомъ людей образованныхъ 2), также, какъ
Геній его поэзіи образцемъ и наставникомъ
любителей піитическаго искусства. Стихо-
творенія его двойкаго рода: *оды и піитическія*

разсужденія; послѣднія раздѣляются на *послания и сатиры*, хошя впрочемъ и не имѣють у него существенной разности. Въ *пейтическихъ* разсужденіяхъ Гораций занимается частію такими предметами, которые относятся къ словесности, а большею частію нравственными: сіи творенія, также какъ почти и всѣ его оды, исполнены философическихъ правилъ, съ которыми онъ сообразовался въ жизни своей. Не держась никакой системы исключительно, занимшвался онъ ошъ каждой хорошее 3), и сколько мало подражалъ своимъ современникамъ, что прямо называлъ ихъ слабости слабостями, пороки пороками 4). Всего же болѣе осуждалъ онъ ихъ за слѣпую приверженность къ благу, зависящему ошъ случая, и за уваженіе людей, обладающихъ такимъ благомъ безъ всякой заслуги и уважающихъ только себя подобныхъ 5). Любя во всемъ истину и прекрасное, училъ онъ судить о вещахъ по ихъ достоинству; искать счастья въ самомъ себѣ и въ правильномъ пониманіи о дѣлахъ житейскихъ; находить истинную честь не въ мнѣніи другихъ, а въ собственномъ чувствѣ; наслаждаться съ благоразуміемъ, по ести, жить во всемъ смыслѣ слова. Онъ училъ быть всегда въ одинакомъ расположеніи духа, умереннымъ, довольнымъ, сирогимъ къ своимъ, снисходительнымъ къ чу-

жимъ недостаткамъ. Не занимаясь бесполезными, мѣлочными изысканіями, разсуждаетъ онъ только о такихъ предметахъ, которые имѣютъ вліяніе на жизнь, и, следуя Сократову способу, въ которомъ онъ былъ весьма искусенъ, приводитъ часто примѣры самые обыкновенныя. Что противорѣчало нравственному чувству его, то осуждалъ онъ съ величайшею откровенностью, не исключая и собственныхъ поступковъ. За всѣмъ тѣмъ сатира его исполнена болѣе веселости, нежели желчи; иронія его никогда не бываетъ груба б). Съ необыкновеннымъ знаніемъ сердца и людей различнѣйшихъ званій сообщаетъ онъ самыя тонкія и поучительныя наблюденія нравовъ, склонностей и спрасней — хотя только своего вѣка, но занимательныхъ для образованныхъ народовъ всѣхъ вѣковъ.

Сатиры и посланія (επιγρამες), въ которыхъ разсуждается о словесности, въ своемъ родѣ, не менѣе превосходны. Онъ излагаетъ въ нихъ достоинство и трудность поэзіи, опровергаетъ предрасудки, возбуждаемые нѣкоторыми писателями противъ правилъ ея, осцерегаетъ молодыхъ стихотворцевъ отъ заблужденія: принимаетъ плодовитость и охоту за признаки творческой силы г) и сообщаетъ о стихотворствѣ — часто въ нѣсколькихъ словахъ — осипроумнѣйшія замѣчанія

б), которыя свидѣшельствуютъ о глубокомъ его познаніи сего искусства. Но не одно только содержаніе сапиръ и посланій Горациа — самое изложеніе показывается въ немъ масштаба. Приступая къ нимъ, по видимому, безъ плана и цѣли, и уклоняясь въ сторону при всякомъ любопытномъ предметѣ, не смотря на всѣ отступленія, достигаетъ онъ, какъ будто случайно, предположеннаго себѣ конца. Онъ даетъ симъ сочиненіямъ иногда видъ писемъ къ нѣкоторымъ особамъ, иногда видъ разговора съ самимъ собой, или съ другимъ — и умѣетъ находить каждому изъ сихъ родовъ примечныя выраженія. Объясненіе отвлеченныхъ истинъ примѣрами, предсказаніе всеобщихъ правилъ и наблюденій въ лицахъ сообщаютъ твореніямъ его занимательность всегда новую; слогъ его *кажется* небрежнымъ, но крапockъ, исполненъ мыслей, почтенъ и ровенъ. — Въ одахъ своихъ по большей части подражаетъ онъ греческимъ образцамъ, заимствуя отъ нихъ множеству картинъ и оборотовъ; но онъ дѣлаетъ это съ величайшею разборчивостію, такъ, что не теряетъ своей оригинальности и не забываетъ того, чего требуетъ вкусъ. — Онъ обилителенъ и высокъ въ изобретеніяхъ, не очень смѣлъ въ пареніи; но полонъ пріятности, силы и величія. Языкъ и стихосложеніе его чисты и отработаны. Онъ

первый изъ римскихъ стихотворцевъ образовалъ языкъ свой для лирической поэзіи, и остался единственнѣйшимъ по важности содержания 9). Въ твореніяхъ этого любезнаго поэта находимъ мы также и много извѣстій о его жизни; онъ родился въ Венузій за 65 лѣтъ до Р. Х. Отецъ его, человекъ низкаго происхожденія и недоспающій, прилагалъ всевозможное стараніе о воспитаніи своего сына, который говоритъ о томъ съ ирогательною благодарностію. Старый Горацій привезъ его въ Римъ, приискалъ ему лучшихъ учителей, и самъ смотрѣлъ за всѣми его поступками. Здѣсь-то поэтъ положилъ основаніе познанію греческой литературы. На двадцатомъ году отправился онъ въ Аѳины, гдѣ имѣлъ случай образовавъ себя во всѣхъ отношеніяхъ, научиться философіи истиннаго и прекраснаго; здѣсь сдѣлался онъ извѣстенъ Бруту, который хотя и не имѣлъ недоспашка въ способныхъ людяхъ, но сколько его уважалъ, что во время войны съ Октавіемъ поручилъ ему — имѣющему отъ роду только 23 года — въ начальство легіонъ. Послѣ Филиппійскаго сраженія, въ которомъ убійцы Цезаря погибли, Горацій, какъ и всѣ державшіе ихъ сторону, лишенъ былъ своего наслѣдства; но, воспользовавшись объявленнымъ прощеніемъ, занялъ небольшую должность и посвятилъ себя поэ-

зіи. Онъ познакомился съ Виргиліємъ и Варіємъ, которые предспавили его Меценату, почтившему его своимъ уваженіемъ и дружбой. Меценатъ подарилъ ему не большую деревню въ Сабинской области: онъ жилъ попеременно въ ней и въ Римъ, упражнялся въ философіи и обращаясь съ Музами, и умеръ на 57 году своей жизни.

Его правдивость и способности приобрѣли ему любовь различнѣйшихъ парній, а приверженность къ Врушу и участіе, которое бралъ онъ въ предпріятіи сего великаго Римлянина, преданы были въ послѣдствіи Октавіемъ и друзьями забвенію. Какъ мудрецъ, онъ покорился судьбѣ, и, бывъ прежде ревностнымъ защитникомъ погибающей республики, предался новому монарху. Впрочемъ оствороженость и понкосность его посшупковъ въ отношеніи къ Авшократу заслуживаютъ величайшую похвалу: никогда не унижался онъ до лести, и Августу, не малаго шруда спомло, былъ упомянутымъ въ твореніяхъ поэта. — Что касается до роскошной жизни — въ чемъ его многіе обвиняли — оправданъ онъ совершенно нѣкошорыми разсудительными мужами: ибо хотя онъ — по собственному признанію — и любилъ въ молодости забавляться іо); однако имѣлъ швердоссть опказаться онъ забавъ во время, и искашь истиннаго наслажденія въ

познаціи сердца и людей, въ усовершенствованіи своихъ способностей, въ созерцаніи природы и въ дѣятельномъ мудролюбіи. *Оды* его большею частію переведены и объяснены *Виландомъ*: 11) писателемъ, копорый лучше всѣхъ прочихъ умѣлъ выкинуть въ духъ Венувійскаго лебеди 12).

Съ Нѣмецкаго В. Бриллеръ.

ПРИМѢЧАНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА.

1) Весьма справедливо сказано. Кто бы не желалъ имѣть знакомства съ Авшоромъ, копорый столько дѣйствуетъ на душу и сердце? Но шощь ошибается, кто желаніе сдѣлавшись извѣстнымъ человѣку *извѣстному* приписываетъ щцеславію. Къ чести нашего рода я полагаю, что оно происходитъ отъ благодарности за пользу или удовольствіе, доставленное намъ Авшоромъ. Ужели и Пешръ Великій хотѣлъ только бышь *извѣстнымъ* Лейбницу, когда онъ посѣщилъ его?

2) Черта, копорою Горацій ошличается едвали не отъ всѣхъ Авшоровъ. Еслибъ содержаніемъ его одъ, саширъ и посланій были — не шонкія изображенія человѣка съ разныхъ сторонъ, а только однь похвалы царямъ и вельможамъ, или предметы словесности, онъ

никогда не заслужилъ бы чести называться *Сократомъ поэтовъ*, такъ какъ — напрошивъ того — Платонъ названъ *Омеромъ философовъ*.

3) Обыкновенные люди не признають философомъ того, кто не имѣетъ системы; но такіе люди не могутъ ни давать, ни лишать чести. — Многие хотя и не имѣютъ системы, однако умъ ихъ совершенно систематической — Системы Спокковъ, Эпикурейцевъ и новыхъ Академиковъ, которыхъ славились во времена Горація, могли ли *исключительно* привязать къ себѣ мудраго? Ученіе стоической школы, чрезъ то уже вознесившее человеческую природу; Эпикурской, слишкомъ ее унижавшее, и новыхъ Академій, подвергавшее *почти* все сомнѣнію, не въ состояніи были плѣнить того, кто имѣлъ умъ, свободный отъ предвзудковъ вѣка. —

4) Еслибъ Горацій, скрывая свои собственные слабости вооружался только противъ слабостей и пороковъ другихъ людей, то возбудилъ бы тѣмъ справедливое мнѣніе, что не чистая любовь къ истинѣ и добродѣтели, а презрѣніе своихъ современниковъ и лщеславіе водили перомъ его. — Но великій человекъ можетъ ли унижать другихъ, не чувствуя, что и онъ во многомъ на нихъ походитъ? — Изъ сего и слѣдуетъ, сколь малы, или, лучше сказать, низки сапир-

ки нашего времени, которые своихъ собратій осуждають любящъ, а о собственныхъ недосаткахъ (весьма ошорожно) умалчивають, давая шѣмъ, кажешся, поняшь, что въ *нихъ-то* сосредоточились всѣ достоинства. — Но что и того еще забавнѣе: сіи спрое судьи не имѣють и сами часпо — не говорю уже объ умѣ философическомъ — ни малѣйшаго поняпія о сердцѣ и вліяніи на него спраспей, съ природой челоуѣка неразлучныхъ.

5) Въ самомъ дѣлѣ смѣшно — и досадно видѣшь, что люди, шакъ называемаго, большаго свѣша, изъ копорыхъ каждый думаетъ о себѣ, что онъ образованъ, то еспь имѣеть справедливыя поняпія о вещахъ — уважають шолько однихъ любимцевъ Фортуны. Будь глупъ, подлъ, порочень, золь; но имѣй деньги — и шы будешь уменъ, благородень, невинень, добрь: тебя ласкають, принимаютъ, почищаютъ; не успѣль шы еще открышь рта, уже удивляющся оспрошъ швоей; не находи, что сказашь, то еспь не имѣй въ головѣ ни одной мысли, превознесушь швое глубокомысліе. Но за чѣмъ я говорю о большомъ свѣшѣ: и *аб малолѣ* шакихъ довольно: словомъ, шакъ разсуждають всѣ, имѣющіе умъ ограниченный. Если же сіе сужденіе свойспвенно большей часпи челоуѣческаго рода, опъ чего бы онѣ

происходило? Кажется, опть шемнаго чувства, что богатый человек отъ насъ не зависитъ, а намъ при слугахъ можетъ доставитъ пользу. —

6) Урокъ для мнимыхъ оспроумцевъ, которые, повидимому, не умѣють различить тонкой насмѣшки опть грубой брани, и пѣмъ обнаруживають только низкой образъ мыслей своихъ. — Человекъ, хотя не много образованный, не позволишь себѣ грубости и въ разговорѣ, а эти господа — *die sich nichts übel nehmen*, сказалъ Виландъ — не стыдился писателю площаднымъ шутокъ на счетъ своихъ — мнимыхъ, или дѣйствительныхъ — прощивниковъ!

7) Желать надобно, чтобы кристики, присвоивъ себѣ эту мысль, не были очень щедры на похвалы нѣкошорымъ писателямъ, и перестали величать ихъ Геніями, только за то, что они получили навыкъ довольно плавно — хотя и не всегда вѣрно — переводить стихи и прозу. Нельзя, кажется, назвать много Геніемъ, кто не имѣеть способности изобрѣтенья, и не въ состояннн — часно однимъ словомъ, повидимому, нечаянно соскользнувшимъ съ пера его — воспламенить сердца читателя и, въ то же время, озарить его умъ. Здѣсь долженъ я, къ сожалѣнню, сказать, что мно-

гіе изъ современныхъ намъ поэтовъ (назову ихъ такъ, слѣдую обыкновенію), описывая въ стихахъ своихъ потребности, представляющія челоука существомъ, подчиненнымъ механизму природы (каковъ онъ и есть *сб одной стороны*), думаютъ, что описанія сіи — поэзія; но они того не знаютъ, что нѣтъ поэзіи безъ свободы (я разумью моральную): слѣдовательно предметомъ ее заслуживаетъ бытъ только то, что возвеличиваетъ нравственную природу челоука, или, крайней мѣрѣ, не напоминаетъ ему нужды его. — Предоставляю себѣ впредь удовольствіе распространиться объ этомъ предметѣ.

8) Изъ эпига видно, какъ важно содержаніе сочиненій. Гораціевы экзамены не имѣютъ красоты *Виргиліевыхъ*; но ихъ читаютъ болѣе — почему? попому что его сатиры и посланія насъ *научаютъ*, тогда какъ *Виргиліевы* шворенія — по большой части — только занимаютъ, плѣняютъ и восхищаютъ. „Развѣ эпига еще мало?“ спросятъ меня, можешь быть. Весьма мало для того, кто привыкъ размышлять, и пребудетъ онъ, поэта, чтобы онъ находился съ нимъ на *одной* степени просвѣщенія.

9) Въ одахъ своихъ воспѣваетъ онъ мно-

гда и такія забавы, которыя прошивны нравамъ нашего времени; но мы должны извинить его, вспомнивъ, что Римляне были язычники и не имѣли еще понятія о нравственности святой религіи Христіанъ.

10) Болѣе всего осуждаетъ онъ въ своихъ саширахъ Луцілія за неисправность слога, отдавая ему впрочемъ справедливосшь въ остроуміи. Чшобы онъ сказалъ объ экзаменахъ, которыми въкошорые изъ нашихъ Эллинистовъ и Лашинистовъ переводяшъ древнихъ? Не нужныли доказательства? —

11) Не знаю, откуда взялъ Блксмеръ, что Виландъ перевелъ оды (*) Горація. Сколько мнѣ извѣстно, онъ перевелъ и изъяснилъ оды его сашары и посланія. — Впрочемъ со всѣмъ уваженіемъ къ Виланду, долженъ я признаться, что переводъ его слабъ — покрайней мѣрѣ въ сравненіи съ Фоссовымъ, въ кошоромъ хошя и есть нѣ колько шемныхъ мѣстъ; но чего не просишь переводчику за красоту и силу слога?

(*) Оны переведены Рамлеромъ, Фоссомъ и Эшеномъ. Переводъ послѣдьяго, если могу я вѣрить своему вкусу и — слуху, совершенноше перевода двухъ первыхъ.

12) Превращающимся въ лебедя изображаетъ себя Гораций въ послѣдней одѣ второй книги; *Венузійскимъ* лебедемъ называетъ его Клопшпокъ въ одной изъ совершеннѣйшихъ одъ своихъ — *въ Туйскомъ*.

БІОГРАФІЯ КАМПЕ.

Іоакимъ Генрихъ Кампъ родился въ Дей-
венѣ, въ Княжесствѣ Браунсвикъ—Вольфенбиш-
пелскомъ, въ 1746 году. Первоначальное обра-
зованіе получилъ онъ въ школѣ Гольцмендена,
потомъ учился Богословіи въ Галлѣ и въ 1773
году опредѣленъ священникомъ въ полкъ Прин-
ца Пруссаго въ Пошдамскомъ гарнизонѣ. —
Въ 1776, послѣ славнаго Базедофа, онъ управ-
лялъ Институтъ воспитанія въ Дессау.
Оставивъ въ слѣдующемъ году сію должность,
Кампъ сдѣлался въ Гамбургѣ начальникомъ по-
добнаго заведенія, основаннаго имъ въ семь
городѣ; но, чувствуя слабость здоровья, онъ
уступилъ къ 1783 году сіе мѣсто Профессору
Траппу и поѣхалъ въ Трисповъ, деревню близъ
Гамбурга, гдѣ и жилъ нѣсколько лѣтъ въ уе-
диненіи. — Въ 1787 году онъ получилъ званіе
училищнаго Совѣтника въ Княжесствѣ Браун-
свикскомъ и мѣсто каноника Сенсиріакскаго
Собора, котораго избранъ наспошелемъ въ

1805 году, имѣя въ шоже время надзоръ за управленіемъ книжной лавки воспитанія въ Браунсвикѣ. Въ 1789 Кампе пріѣхалъ въ Парижъ для поправленія своего здоровья. Правила, коими руководствовались при произведеніи Французской революціи, плѣнили его умъ и сердце; онъ былъ въ числѣ ученыхъ иностранцевъ, получившихъ отъ Національнаго Собранія званіе и право Французскихъ гражданъ. — По возвращеніи своемъ, онъ издалъ *Писма изъ Парижа во время революціи*. Сіе сочиненіе произвело тогда большое впечатлѣніе въ Германіи. — Послѣ сего Кампе посвятилъ труды свои юношесству. Онъ жилъ въ шененіе многихъ лѣтъ въ одномъ сельскомъ домѣ, купленномъ имъ въ окрестностяхъ Браунсвика. Его соотечественники, имѣвшіе сполько побудипельныхъ причинъ уважать его, какъ философа и нравоучителя, оказывали также ему большое почтеніе за его стараніе очищать языкъ отъ выраженій иностранныхъ, мало по малу вкравшихся въ оный. — Онъ издалъ много важныхъ сочиненій о Нѣмецкой Грамматикѣ, проложившихъ дорогу Императорамъ, начавшимъ послѣ его заниматься усовершенствованіемъ сего языка.

Въ послѣдніе годы своей жизни Кампе успремилъ весь свой умъ къ тому, чтобы оставивъ послѣ себя большое опечеспенное

сочиненіе въ семь родѣ; и онъ занимался съ 1806 по 1811 годъ составленіемъ словаря языка Нѣмецкаго въ V большихъ томахъ въ четвершку, копорый содержитъ въ себѣ 141277 словъ, или выраженій. Эпопъ исподинской прудъ, окончанный въ пять лѣтъ въ такое время, когда торговля книгами въ Германіи была въ бездѣйствіи, когда бѣдствія войны распространили уныніе по всей Браунсвикской землѣ, когда Кампе въ особѣ Государя лишился своего покровителя, благодѣтеля и друга, разстроилъ его здоровье и состояніе.

Но Кампе своими сочиненіями о нравственности и воспианіи приобрѣлъ наиболѣе право на благодарность юношества, отцевъ и матерей семейства и вообще всѣхъ друзей добродѣтели и просвѣщенія. Въ нихъ-то удивляюща рѣдкому его таланту предсавляшь дѣламъ слогомъ чистымъ, яснымъ, естественнымъ и убѣдительнымъ поніянія самыя ошвлеченныя, и къ разсужденіямъ самымъ важнымъ и самымъ полезнымъ присовокупляшь пріятность повѣствованія, содѣлавшаго языкъ его понятнымъ для всѣхъ возрастовъ и часто даже для всѣхъ состояній. — Его *Робинзонъ Крузе*, первый предметъ, о коемъ писалъ онъ въ видѣ разговора между опцомъ и его дѣтьми, проснымъ подражаніемъ сдѣлался въ рукахъ его швореніемъ, шакъ сказашь, образцовымъ.

Книга сія находится во всѣхъ библіотекахъ, переведена на всѣ Европейскіе языки, не исключая Турецкаго и новаго Греческаго и пять разъ на одинъ Французской. Его сочиненія: *Открытіе Америки* въ 3 частяхъ, *Христофоръ Колумбъ*, *Кортецъ* и *Пизарро*, всѣ разположены въ видѣ разговора. Его книги: *О нравственности для дѣтей* и *Собраніе разныхъ мнѣній и рассужденій о воспитаніи*, кои обѣ переведены на Лаптинской языкъ; его *Маленькая Библіотека для дѣтей* и *Библіотека наставительная и географическая* для молодыхъ людей, его *Основанія психологіи или начальные уроки о душѣ* также для дѣтей; его *Геофронъ или наставникъ молодыхъ людей* и продолженіе оной подъ названіемъ *Совѣтъ людей догери* — всѣ сіи сочиненія имѣли успѣхъ общій и отличаются мудростію правилъ, чистотою нравоченія и пріятностію слога. — Кромѣ вышеприведенныхъ есць еще многія другія сочиненія Кампе, не менѣе достойныя вниманія. Всѣ же они вообще сославляютъ 30 томовъ.

Домашняя жизнь Кампе совершенно сообразна была имѣть понятіямъ, кои находились въ его твореніяхъ. Будучи другомъ молодыхъ людей, онъ былъ для нихъ и примѣромъ въ добродѣтели. Слѣдующій поступокъ можешь служишь тому доказательствомъ. Онъ завѣ-

щаль похоронить себя въ своемъ саду безъ всякой пышности, и деньги, кошорыя бы должно было употребить на богатое погребеніе, по шамошнему обыкновенію, раздѣлитъ бѣднымъ, равно и двѣ тысячи экземпляровъ его книги *Теофронъ* раздашь молодымъ людямъ, не могущимъ купить оной. Онъ умеръ 22 Октября 1818.

Въ весьма молодыхъ лѣтахъ Кампе получилъ уже оипъ своихъ гражданъ почешные знаки ихъ къ нему уваженія. Онъ былъ избранъ въ разрядъ ученыхъ Членомъ пшшатовъ Вестфальскаго Королевства, состоящихъ изъ трехъ разрядовъ, помѣщиковъ купцевъ и ученыхъ.

Вопшь, что говорить о Кампе его сотоварищи, Члены Общества *персонального образованія* въ Парижѣ, коего онъ былъ членомъ. Не многіе изъ людей оказали столь важныя услуги нравственности и воспитанію; не многіе изъ писателей заслужили честь бышь избраны образцами въ такомъ родѣ словесности, кошораго усовершенствованіе столь необходимо для улучшения рода человеческого, и въ кошоромъ труды нашихъ писателей и философовъ столь далеки еще оипъ желаемой цѣли. Если удивляюшя геніямъ, коихъ смѣлыя паренія разширяюшь предѣлы ума чело-

вѣческаго, по шѣмъ большую благодарность должно воздаватьъ мужамъ почтеннымъ, умѣющимъ поселать въ молодыхъ людяхъ любовь къ добродѣтели и ученію. Кампе заслуживаетъ отличное мѣсто между сими благодѣтелями чловѣчества.

Съ Франц. Сахаровъ.

НѢЧТО О БЕЛЬЗОНИ.

Бельзони, путешественникъ и аншикварій, извѣстный смѣлыми предпріятіями въ изысканіи Египетскихъ древностей, обратившій на себя вниманіе ученаго свѣта, родился въ Италіи, въ Церковной области. Часные случаи его молодыхъ лѣтъ почти совсѣмъ неизвѣстны. О лѣтъ оныхъ роду пріѣхалъ онъ въ Единбургъ, гдѣ показывалъ опыты своей силы и увеселялъ публику гидравлическими представленіями и игрою гармоникки. Послѣ съ симъ же намѣреніемъ ѣздилъ онъ въ Ирландію и на островъ Манъ, а оттуда въ Лиссабонъ. Ему было тогда около 25 лѣтъ. Имѣя станъ необыкновенный и весьма сшройный, видъ мужественный, онъ былъ приглашенъ Директоромъ Театра Санъ Карлъ. Онъ вышелъ на сцену въ піесѣ *Валентина и Орзонъ*, пошомъ, во время поспа, въ священ-

ной драммѣ *Салпсонъ*. Въ обѣихъ сихъ пѣсахъ смѣлою и ловкостію своею онъ пріобрѣлъ большое одобреніе. Въ Мадридѣ онъ давалъ представленія въ такомъ же родѣ въ присутствіи Короля и всего двора. Изъ Испаніи онъ отправился Бельзони на островъ Мальшу, гдѣ познакомился съ Измайломъ Гибралтаромъ, Агентомъ Египетскаго Паши, убѣдившимъ его посѣтить Каиръ. Пріѣхавъ въ сей городъ, по настоятельному преобанію Паши, предпринялъ онъ построити машину для поднятія воды изъ Нила сухо такимъ способомъ, какъ она проведена для орошенія садовъ Ибрагима. Ему обѣщано за сію работу 800 піасировъ въ мѣсяцъ и, если предпріятіе будетъ произведено въ дѣйство съ успѣхомъ, приличное вознагражденіе. Въ три мѣсяца работа была кончена. Три Араба и одинъ молодой Ирландецъ, котораго Бельзони привезъ изъ Эдинбурга въ качествѣ слуги, посажены были въ огромное колесо, долженствующее своимъ обращеніемъ приводить машину въ движеніе. Но едва оно сдѣлало два или три оборота, какъ Арабы, испугавшись, соскочили внизъ колеса, которое, потерявъ равновѣсіе отъ уменьшенія прошиводѣйствующей силы, пошло весьма скоро назадъ, и слуга, желая выйти изъ опаснаго положенія, въ коемъ былъ оставленъ одинъ, погибъ бы безъ сомнѣнія;

если бы Бельзони не схватилъ колеса и чрезъ
вычайною своею силою не ошановилъ онаго.
Слуга полько повредилъ себѣ ногу.

Видя неудачу сего опыта, Бельзони рѣ-
шился испытать счастье въ изысканіи древ-
ностей въ Верхнемъ Египтѣ; но въ то самое
время, какъ онъ намѣревался туда отпра-
виться, Г. Сальтъ пріѣхалъ въ Каиръ. Сей путе-
шественникъ, по свидѣтельству Шейка Иб-
рагима о необыкновенной силѣ Бельзони, из-
бралъ сего послѣдняго, какъ человека наиболее
способнаго къ предпріятіямъ смѣлымъ, для
привезенія изъ Оивъ огромной гранитной го-
ловы Мемнона. Съ сей минуты Бельзони ос-
тавилъ намѣреніе путешествовать для одно-
го себя и обязался съ Г. Сальтомъ и Шейкомъ
на такое предпріятіе, котораго никто до сихъ
поръ не считалъ возможнымъ. Онъ имѣлъ
въ помъ совершенный успѣхъ послѣ шеспи-
мѣсячныхъ невѣроятныхъ трудовъ, при по-
собіи полько нѣсколькихъ Арабскихъ земле-
дѣльцовъ. — Съ сего времени Бельзони былъ
употребляемъ Сальтомъ во всѣхъ изысканіяхъ.

Стоить упомянуть объ одномъ случаѣ,
доказывающемъ непоколебимую твердосиь
Бельзони и сколь достоинъ онъ довѣрія. Во
время путешествія въ Нубію ему сопутство-
валъ Г. Векки. Пріѣхавъ къ храму Ипсамбула,
сіи любители древностей нашли, что варуж-

над спорона онаго почпи совсѣмъ засыпана пескомъ: однѣ только головы колоссальныхъ спашуй едва были видны. — Тотчасъ извѣстное число жипелей было употреблено для открытія сего примѣчательнаго памятника. Но едва они начали работу, какъ вдругъ остановились подѣ видомъ, что законъ запрѣщаль имъ работать во время Ромазана, которой приближался. — Наши путешественники сами съ однимъ только слугою рѣшились продолжать сію трудную работу. Они узнали, что Ага, дабы уничтожить ихъ предпріятіе, запрѣшилъ доставлять имъ съѣстные припасы. Но у нихъ оставался еще мѣшокъ проса въ лодкѣ, на которой они перѣехали рѣку, и одно просо съ водою Нила было единственною ихъ пищею въ теченіи 21 дня, во все время ихъ трудныхъ работъ, и они наконецъ открыли входъ во внутренность Ишамбула. —

Бельзони продолжаетъ нынѣ свои изысканія, кои безъ сомнѣнія принесутъ величайшую пользу наукамъ и художествамъ. —

Съ Франц. Сахаровъ.

МЫСЛИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ
улаждающія возвышенными чувствованіями
дружбы, великодушія и благошворительности.

Какъ ни рѣдка истинная любовь, — истин-
ная дружба еще рѣже.

Любовь чистая, свободная отъ другихъ
спрашекъ, есть та, которая сокрыта во глу-
бинѣ нашего сердца, которая для насъ самихъ
неизъяснима.

Человѣчество является въ общественномъ
своемъ видѣ, безъ всякаго случайнаго различія
сословій: предъ Трономъ Всемогущаго Судія,
во гробѣ и при ошарѣ любви.

Души склыныя, подобно волканамъ, иногда озаряють нравственныи мїръ необыкновеннымъ свѣтомъ; иногда покрывають его густымъ мракомъ.

Люди гораздо лучше убѣждаются представленіями сердца, нежели ума.

Тамъ рѣдко являешся склонность къ торговлѣ, гдѣ благошворишь сама природа.

Люди привыкають ко всему, кромѣ спокойствія и благополучія.

Добродѣшель чловѣка безызвѣстнаго занимаешъ только его друзей, и даже не имѣешъ права служишь для прочихъ примѣромъ.

Въ Литшпературѣ слогъ — самое важное; онъ часшо замѣняешъ все; но недоспашковъ его ничшо и нилогда замѣнишь не можешъ.

Если чшеніе возносишь духъ вашъ и внушаешъ благодарныя и великодушныя чувствію-

ванія; но, оставя правила, скажише: прекрасное швореніе: оно произведено рукою мастера!

Писатели безъ энтузіазма на поприщѣ словесности знакомы только съ ядовитою кришикою; словомъ: со всѣмъ, что угрожаетъ спокойствію другихъ; иногда ругательство и несправедливости ихъ бываютъ прискорбны — но могутъ ли онѣ разрушить истинное, внутреннее наслажденіе таланта?

А . Б . р . овб.

Говорить много и хорошо есть дарованіе остроумцевъ; мало и хорошо — черта истинно-мудрыхъ; много и худо — спросить глупыхъ; мало и худо — нещасіе совершенныхъ дураковъ.

Есть три рода невѣжества: ничего не знаешь, знаешь худо то, что знаешь, и знаешь иначе, нежели должно знаешь.

Ученость — есть словарь, но разумокъ грамматика познаній.

Говорить, что природа играетъ человекомъ: свѣшь его обманываетъ, жизнь опъ не-

го бѣжитъ, счастье надъ нимъ смѣется, время
улетаетъ, смерть поражаетъ его; земля раз-
рушаетъ шло, забвеніе уничтожаетъ славу.

Толковать о важномъ дѣлѣ съ глупымъ
все равно, что нести фонарь передъ свѣ-
цомъ.

Книгопечатаніе есть артиллерія мыслей.

Умной непріятель полезнѣе глупаго друга.

Будущее — странная птица; подклады-
вай подъ нее голубиные яйца — она высидитъ кукушку.

Учтивость дешева, однакожь ею приоб-
рѣщаются дорогія вещи.

Говоришь не подумавши, все равно, что
спрѣляешь не прицѣлившись.

Человѣкъ безъ рѣшительности подобенъ
судну безъ весель.

Анекдоты.

Зачѣмъ споль многіе не отдають назадъ взявшихъ ими для чтенія книгъ — спросилъ нѣкто Тоанарда; за шѣмъ, ошвѣчалъ онъ, что легче удержашъ самую книгу, нежели ея содержаніе. —

Левъ Аллаціусъ, бібліошкаръ Папы Александра VII, былъ 80 лѣтъ, когда Папа спросилъ его, для чего онъ не вспушпшъ въ духовное званіе? Для того, чтобы я могъ, когда вздумаю, женишья, ошвѣчалъ онъ. Для чего же не женишья — снова спросилъ Папа? Что бы, когда захочу, могъ вспушпшъ въ духовный санъ, возразилъ Аллаціусъ.

(Изъ Freimuthige.)

„Всѣмъ бы хорошъ былъ Комментарій Цезаря, сказалъ одинъ Руской дворянинъ, да не проспшпшельно педаншпшво авшора! Не грѣхъ ли шакую полезную книгу написашъ на Латинскомъ языкѣ?“

Алекс. Б . ж . сб.

СТРАСБУРГСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ.

(Датскій писатель Баггезень, путешествуя по Германіи и Швейцаріи съ приятелемъ своимъ Графомъ Молшке, принявшимъ имя Адамса, осматриваетъ Страсбургскій соборъ, и, описавъ самыми живыми красками его великолѣпіе, возводитъ съ собою чашатель на вершину Мюншпера).

.

.

Прошедши нѣсколько ступеней, мы очутились въ небольшой комнаткѣ гдѣ, получивъ ключи и проводника, мы собрались съ силами и изготовились къ шрудному походу Жена церковнаго спаросшы не совѣшовала намъ подниматься выше площадки на колокольнѣ. „Ипши далѣе опасно, сказала она, а съ площадки пошъ же видъ. На самой верхъ ходяшъ только Швейцарцы, кровельщики, каменьщики и Англичане.“ — Прибавъ опъ сего дня въ сво-

емъ списокъ и Дашчанъ, — примолвилъ я, выпилъ спаканъ вина, ошкланялся и рѣшился, во чшобы шо нѣ спало, ишши шакъ высоко, какъ шолько позволяшъ мои силы, — Если я и не полезу за кровельщикомъ, шо покрайней мѣрѣ вездѣ могу слѣдовать за Англичаниномъ. — „ Не говори, опвѣчалъ Адамсъ: Англичанинъ часто опваживается на шакия дѣла, опъ кошорыхъ у другаго голова закружишся. — А Дашской машрось, — вскричалъ я — прыгающій съ палубы въ воду, и борющійся съ раненымъ акуломъ, изъ одного сосираданіи къ своему Акулу, кошорому, говоришъ онъ, не попустому же ходитъ такъ долго на рибнвѣй провислѣ! Дашской машрось, кошорый упавъ съ машпы, ломаетъ себѣ ногу, и, припрыгивая на другой, клянется капитану, что при шакомъ скачкѣ можно бы сломать себѣ и шею; кошорый въ дыму сраженія, между сыплющимися ядрами и пулями, перенесши девятнадцать раненыхъ шоварищей съ одного конца корабля на другой, причимаешся за двадцашаго, смѣется надъ бомбою, кошорая опрызгаетъ бѣдняку голову, и божишся фельдшеру, что его шоварищъ все шакой же шупникъ, какъ и прежде, увѣрлялъ его, что онъ шолько раненъ! „ Ты правъ, прервалъ меня Адамсъ, — но развѣ ты Дашскій машрось? “ — Покрайней мѣрѣ, и я разъ снялъ флагъ съ большой

мачты; сидя въ бурю на палубѣ, игралъ на флейшъ, и на кормѣ разбитой лодки пѣлъ веселыя пѣсни. — Впередъ спусеней на сто опъ эшой комнапки находилси первая галлерей подь куполомъ: шупъ спояшъ при большія спашуи, высъченныя каждая изъ одного камня и предспавляющія основашеля церкви Хлодовика, Дагоберта и Родольфа Габсбургскаго. Опсюда начинаелся средняя башня, возвышающаяся надъ главными врапами и вмѣщающая въ себѣ колокола. Зодчій Эрвинъ предполагалъ воздвигнушъ и надъ обоими другими врапами два подобныхъ колосса вышиною въ 600 фупъ; но исполинскій сей чершежъ выполнемъ только частію; сѣверная башня имѣешъ 500 фуп. вышины; южная только нѣсколькими локшями превышаетъ площадку.

За 100 спусеней выше увидѣли мы желѣзную рѣшешку, въ паралельномъ направленіи съ церковною кровлею; еще далѣе усмотрѣли мы серебряный и другіе большіе колокола. До сихъ поръ поднимались мы довольно бодро по удобной круглой лѣспницѣ; но при шретней сошнѣ спали уставашъ, и уже съ шрудомъ добрались до площадки, успроенной на кровлѣ колокольни. Какъ изобразилъ наше удивленіе, когда, взглянувъ на вершину шпица, мы увидѣли, что онъ опъ насъ въ шомъ же самомъ разшомніи, какъ былъ и снизу опъ подошвы башни!

Какой видъ съ этой площадки, превышающей всѣ Спрасбургскіе шпицы! Мы плавали въ сшруяхъ чистаго, свѣзлаго ээира, и, забывъ усшалость, бѣгали и прыгали около ограды; внизу, на улицахъ люди, или лучше сказашь, ихъ шляпы, казались намъ мухами. Тупь-шо мы посшигли всю дерзосшь опважныхъ смѣлчаковъ, копорые и понынѣ, еще не рѣдко бьюнся объ закладъ, что обойдутъ по краямъ этой ограды. Въ 18 сполѣніи Священникъ церкви Св. Стефана первый покусился на сей безумный подвигъ. Счастливо прошель онъ 90 шаговъ по краю рѣшешки, озирая съ ужасной высошы мухъ, копорыхъ рукоплесканіе едва доходило до его слуха. Въ началѣ 18 вѣвка, одинъ Англичанинъ захопѣлъ еще презойши его опважносшію и ударился объ закладъ, что пройдетъ за одинъ пріемъ при раза по всей рѣшешкѣ. Уже обошелъ онъ дважды узкое поприще; уже принимался за послѣдній кругъ, но вдругъ закружилась у него голова, и несчастный полешѣлъ спремглавъ на церковную папершь, съ вѣрнымъ пуделемъ, копорый не опсшаваль опъ своего Господина. Въ 1779 году случилось здѣсь еще другое прагическое произшешвіе. Въ общесшвѣ нѣсколькихъ пушешешвенниковъ, одна прекрасная 18 лѣшняя дѣвушка, дочь богашаго Спрасбургскаго купца, осмашривала досшопримѣча-

педельности Мюншера; но, боясь подниматься слишком высоко, осмалась на площадкѣ, между стѣмъ, какъ другіе пробирались далѣе; присѣла на рѣшенку, и начала играть съ своею моською. Собачка выскользнула изъ ея рукъ, она хопѣла схватить ея, поперяла равновѣсіе и

У входа въ сіе воздушное пріищелище, на южной споронѣ, устроено жилье для спрражей, копорые каждую полночь звуками трубы возвѣщаютъ ошсюда жишелямъ Спрасбургта часъ успокоенія; здѣсь же находилса и каменный бассейнъ, наполненный водою. На прошивоположной споронѣ споянѣ двѣ спашуи, изъ коихъ одна изображаетъ Эрвина, а другая человѣка, взирающаго какъ бы съ невольнымъ ужасомъ на вершину шпица; подлѣ нихъ изваянія Марса и Геркулеса, — въ памлѣ шого, что на развалинахъ ихъ капищъ воздвигнушъ сей храмъ Хрисціанства. Вой огромныхъ часовъ, расположенныхъ на сей спѣнѣ, раздаешся по всему городу; безчисленное множесшво надписей и именъ свидѣшельствуюшъ, сколько путешесшвенниковъ осматшривало сію славную площадку.

Но предметъ, обращающій главное вниманіе ешъ верхняя башня или шпиць, до вершины коего ошсюда шакое же разспояніе, какъ ошъ подошвы колокольни до площадки. Содрѣ-

гаясь прочель я на черной мраморной плитѣ
подъ часами слѣдующую надпись:

Terrae motus
quo die III mensis Augusti MDCCXXXVIII
summum templum
cum civitate nec non
vicinis longe lateque provinciis
concussum fuit
maxime VI
stupendum ad modum
aquas in dimidiam viri staturam evertas
ex hoc receptaculo
in subjectam aream octodecim usque pedes
ejecit (*).

При чтеніи этой надписи, мнѣ казалось, что башня колеблется въ своихъ основаніяхъ; говорятъ, что въ это ужасное землетрясеніе она передвинулась на цѣлый футъ съ прежняго своего мѣста, и что при сильныхъ ударахъ весь колоссъ качался, какъ въ страшную бурю, мачта на кораблѣ. — Насытившись зрѣлищемъ, которое развивалось предъ нами, мы пустились далѣе вверхъ, и по безконечной

(*) Въ 3 день августа 1728 года Соборная церковь съ городомъ и съ окрестными мѣстами поколебалась отъ землетрясенія, которое удивительнымъ образомъ было сильно 6 числа, такъ, что вода, подвѣсившись въ прудѣ на половину человеческого роста, высушилась на площадь до осмнадцати футовъ.

круглой лѣсенкѣ, выдолбленной во внутренности одного изъ столбовъ, пробрались до подошвы верхней башни. Отсюда городъ показался намъ еще меньше. Окружающіе оную ченыре балкона безъ сомнѣнія высочайшія въ свѣтѣ. Строенія на улицахъ казались каршочными домами, а толпы людей муравьиными кучами. Это мѣсто есть обыкновенное *plus ultra* путешественниковъ. Нѣсколькими ступенями выше великолѣпный ходъ окружаетъ начало конечной башни.

Но отъ сего хода, далѣе вверхъ, путешествіе наше спановилось со всякою минушою труднѣе и пыгоснѣе. Лѣстница, окруженная частыми боковыми опверзтіями, часъ отъ часу сужалась; мѣстами могли мы едва пролѣзати между тонкими подпорками и столбиками. При концѣ сего пѣснаго хода — наступающаго подобія узкаго пути къ небу, Адамъ долженъ былъ оспановиться, не смотря на весь свой воспортъ и на всѣ свои усилія. Недалеко отъ вершины, онъ, пакъ сказашъ, повисъ въ священномъ удивленіи между камнями и желѣзомъ; съ этой почки виды вверхъ, внизъ, и во всѣ стороны просширались въ такую неизмѣримую опдаленность, что нѣсколько саженой выше, казалось, не могли ничего прибавить къ великолѣпію зрѣлища. И мои силы изнемогали. Потъ капился гра-

домъ съ моего лица; сердце мое билось шакъ часто и шакъ вяшно, какъ будтобы настала послѣдняя минута моего существованія. Но душевное мое спремленіе возраспало съ убавленіемъ шѣлесныхъ моихъ силъ. Высшій куполь рисовался уже подо мною; спупени кончилисъ: мнѣ надобно было обвиватьсъ вокругъ шпица на ошкрытомъ воздухѣ по поненькимъ палочкамъ. Одинъ неосторожный шагъ шрепещущей моей ноги, одно внезапное ослабленіе руки моей... и я сдѣлался бы жершвою ужаснѣйшей смерти; успѣлъ бы шри раза испушпшь духъ, прежде, чѣмъ прахъ мой разсыпался бы по землѣ. Но въ шу минушу я былъ штвердъ какъ камень, о который опирался; движенія мои были шакъ судорожны, чшо я не могъ содрагашься; душа моя была шакъ исполнена ужаса, чшо спрахъ бѣжалъ ея. Всѣ помышленія мои слились въ одно непреодолимое желаніе; все шѣло мое сжалось въ оцѣпенѣніе....

Побѣда! я на высочайшей шочкѣ сего ишполинскаго дѣла рукъ человѣческихъ. Какія ушсилія, какое напряженіе, какія опасности и какое изнеможеніе! Колѣна мои подгибались; шощь оледенѣлъ на лицѣ моемъ; я едва шреводилъ дыханіе и глаза мои подернулись шуманною завѣсою, когда цѣлая вселенная кашплась подо мною; но я напрягъ послѣднія умц-

рающія силы и какое шоржество! какой небесный восторгъ! . . .

Какъ исписанный холешъ распилался предо мною весь Спрасбургъ съ блестящими своими зданіями, съ полпами празныхъ и шрудящихся; увѣнчанный несмѣшнымъ множествомъ холмовъ и равнинъ, лѣсовъ, селеній, песпрѣющихся роцъ и верпоградовъ. Эльзась, Бадень, Брейсгау, облегаемая горами Лопригскими и Шварцвальденомъ опшѣняли сію роскошную каршину. Побѣда! Также изнуршелень пушь къ блаженству покойной совѣспи, но шакже блиспашельно зрѣлище, озаряющееся съ свѣшлой его вершины! —

Эфирные, шепчущіе въперки лелѣюшь эшопъ каменный шашерь, надъ копорымъ покоишся высочайшій каменъ, высъченный рукою смершнаго. Какъ близко опъ меня плывешъ эшо облачко по синевѣ яснаго неба! Какъ далеко подо мною кровля церкви, кошорой глазъ мой едва доспигалъ съ земли! — Какой ужасной гуль опъ капящихся внизу повозокъ, опъ ударовъ сѣкиры и молоша, опъ оглушающаго грома волоколовъ. Не высипся ли еще болѣе эша башня опъ смѣшанныхъ сихъ звуковъ, доспигающихъ свода небснаго? Не приближаешъ ли меня эшопъ чудный гуль къ зенипу моего сущесшвованія? Не уношшь ли меня эшо парящее облако въ быспромъ

своемъ печеній? Я *легкое перо!* *празд!* и на вершинѣ этого колосса? Что послужитъ мнѣ опорой? Гладкой ли эпошъ камень? или скользское желѣзо, или спруящійся воздухъ? Дрожащая ли рука, или препенщунія ноги удержашъ меня на эпой высошъ? — Вотъ оно, эпо кружащееся облако; шонкіе пары его ложашся вокругъ меня, какъ прозрачная пелена: оно свѣваешъ меня въ спечи небесныя...

Чудесное, спрашное, божеспвенное ощущение! Нѣшъ, никогда не чувспвовалъ я подобнаго; не вижу, не слышу, не осязаю! — Пущопа пропасни облегла меня; все обрашилось въ проспранство безпредѣльное, въ необъшпную бездну!... Богъ!... Богъ! пакъ и дерзкій безбожникъ возгласилъ бы здѣсь въ умиленіи душевномъ: *Богъ!*... Имя Твое гремишъ звучнѣ въ безмолвіи; все могущество Твое грознѣ въ пущыни, и гдѣ все изчезаетъ, гдѣ власшвуешъ видимая ничтожность, — и шамъ Ты, и шамъ духъ Твой, Вездѣсущіи!

На сей вершинѣ поднебесной, не смопра на шашкую мою опору, я забылъ о землѣ. Какъ на крылахъ орлиныхъ, воображеніе мое носилось свободно и беззабошно по лазуревымъ сводамъ. Ни паденіе, ни просшуда не приходили мнѣ на мысль; я не думалъ о томъ, какъ сойду съ башни; не думалъ ни о чемъ, — ибо *не могъ думать*. Всѣ силы, бышія моего слѣ-

ялись въ молитву, въ душевное упоеніе, въ сладостную надежду! Вся душа моя возвращалась къ источнику своего существованія, къ ключу своего безсмертія, къ неизъяснимому....

.

Но прахъ попребовалъ правъ своихъ; настало время спускасья. Мнѣ сдѣлалось холодно, и я почувствовалъ, что спрадаю еще въ оковахъ плѣсныхъ. Ахъ, одинъ, одинъ шолько взгляды съ сей единственней пирамиды!

Вы ли эпо, любимцы природы, творцы великаго и чудеснаго, будущіе небожители, граждане вѣчности, вы ли, какъ муравьи, пресмыкаешесь тамъ въ безднѣ, въ юдоли земной слабости? Киръ, Александръ, Цезарь, неужели и вы, съ высоты эпой, казались не больше другихъ? Сократъ, Врушь, Люперъ, Франклинъ, неужели и вы, подобно имъ, ползали въ пыли сей? И ты Эрвинъ былъ такожде червь, ты, который взгромоздилъ эпошь усипрашающій колоссъ? Нѣтъ! Поспѣшу сойти на землю, чтобы увѣришься, что они были люди!

Прости, лучезарное небо! Прости, зенишь! Прости, эфирное обиталище! Простите и вы, о Альпы, которые тамъ въ неизмѣримой дальности являешесь упомянутому взору моему пылинками, апомами. Иду, спускаюсь на

землю, чтобы нѣкогда вознесись еще выше несравненно!

Эта мысль утѣшила и ободрила попрясенную мою душу. Я пвснился въ обратный путь: сходить было еще труднѣе, нежели поднимашся. Олчаянїе овладѣло бы мною; есткбы на каждомъ шагу я не одушевлялся мыслию, что нѣкогда воспряну оляшь къ высопѣ. Предметы росли безпресшанно въ моихъ глазахъ; но, опускаясь, я самъ спановился менѣе, начпожнѣе, по мѣрѣ изъ увеличенїя. Наконецъ, какъ падшїй изъ обителей небесныхъ, я спупилъ оляшь на землю.

Ударило два часа; мы провели цѣлыя пяшь часовъ на колокольѣ. Солнце сїало всѣмъ своимъ блескомъ — но площадь и церковъ показались мѣмъ мрачными. Помоспѣ и окрестныя зданїя спѣсняли мой взоръ; копорый искалъ горизонта, дальности, безпредѣльнаго, и повсюду вспрѣчалъ равную землю. — Я взглянулъ на колокольню и увидѣлъ образъ свой на ея вершинѣ; у меня закружилась голова, и я ухватился обѣими руками за Адамса . . .

.

Баронъ Корфъ.

ИСТОРИЯ ЗНАКОВЪ ПРЕПИНАНІЯ.

Говоришь, будто любви паспущеской одолжены мы изобрѣшеніемъ живописи, а я узналъ, что и спрочные знаки пому же чувству обязаны своимъ существованіемъ; послушайте! Давно, очень давно въ какой-то землѣ властвовала безымянная царица: это не диво; — но у нея цвѣла красною дочь на диво цѣлому свѣшу, на бѣду всѣмъ воздыхателямъ — Молодая Княжна была прекрасна и весела. мать ея спрога и брюзглива — сколько пр. чинъ быль обманушими — одной самолюбіемъ, другой недовѣрчивоспію! — Это и случилось.

При дворѣ царскомъ верпѣлся тогда какой-то *инкогнито* пупешеспвующій Князь именемъ *Препинани* — Его сѣпшали великимъ оспроумцемъ; потому что каждое слово онъ сопровождалъ двусмысленною улыбкою, и никогда не договаривалъ рѣчи, давая разумѣль о томъ, чего самъ не думалъ. — Придворные называли его проницательнымъ, дѣвушка кра-

савцемъ, — шѣ и другія ошибались, но это не помѣшало круженію головы молодой Княжны, и она нашла его милымъ. — Ей уже пробило осьмнадцать; сердце шептало: пора любить; зеркало сказывало, что она бѣдѣтъ любима, а пріятные сны, получаемые дѣвушками ея возраста въ награду безсонницы, часио представляли красавицѣ нашей князя Препинани. Она красѣла отъ одной мысли о любви, и уже любила краснѣть отъ сей мысли. — И въ самомъ дѣлѣ: можно ли было не полюбить ей человѣка, копорому она дивилась, потому что его не понимала.

„Прелесная Княжна, сказалъ однажды Препинани робкой красавицѣ ... Ваши взоры...“ — Князь, отвѣчала она, вы говорите всегда такъ умно, я всегда слушаю васъ такъ охотно!. Почему, почему... — „Я въ восхищеніи, воскликнулъ Препинани, бросаясь на колѣни! Позвольте мнѣ поцѣловать вашу ручку, но...“ — Переспаньте, возразила прерывающимся голосомъ Княжна: сердце мое давно принадлежитъ вамъ, однако... — Почему князь дурачился, какъ всѣ любовники; почему Княжна сердилась, какъ всѣ женщины; а прочее можете вы дочислять въ любомъ романѣ.

Черезъ четверть часа, высказавъ все другъ другу, Княжна отъ нечего-дѣлать, взяла карандашъ и провела нѣсколько черпочекъ. „Что

вы дѣлаете“ спросилъ съ нѣжностію Препинани. — Занимаюсь нашею любовью, опивѣчала Княжна; посмотрице на эптоу знакъ (?), онъ будетъ изъясняшь: любезной князь, любите ли вы меня? — „Люблю ли я васъ, о Боги!“ произнесъ Препинани. Такой опивѣтъ, подхватила она, раздѣлился на двое; первая часпъ ш. е. *люблю ли я васъ*, означится запятою, а вторая ш. е. *о Боги!* знакомъ восклицанія. — Двѣ почки, одна надъ другою посшавленія, (i) будутъ сигналомъ шого, что мы имѣемъ нѣчто сказать другъ другу; такимъ непоняннымъ для всѣхъ средствомъ можемъ мы безопасно объясняшся. — „Какъ это умно!“ повторилъ раза чепыре Препинани. —

Послушайте, милый князь, продолжала царева, условимся подробнѣе о знакахъ. — Точка съ запятой, на примѣръ, будетъ у насъ признакомъ какого нибудь препяшспвія къ свиданію; — *тертожка* или *тире*, опсрочки онаго до благопріяшнѣйшаго времени. — Если же намъ случишся упрекать другъ друга (ибо нѣжная любовь всегда имѣетъ въ запасъ такое средство) — то упреки свои изобразимъ мы *острымъ* удареніемъ (´), примиреніе *мягкимъ* (˘), печальное слово *прощай краткою* (˘) чершою, а уединенное свиданіе *скобками*, представляющими опдѣленность опъ другижъ ().

.

Вошь какъ-мъ образомъ Препинани и Княжна умѣли обмануть прозорливосшь махери и самыхъ придворныхъ.

Между тѣмъ время, которое не останавливается на запятыхъ желаній нашихъ, шекло и уцесло спросить Препинани. — Новый Эней бросилъ новую Дидону и уѣхалъ не вѣдомо куда. — Вѣдная Княжна вздыхала и горевала. — Испорія умалчиваетъ, умѣла ли она пишашь, но говоритъ, что умѣла любить и любишь вѣрно — глупосшь, кошорую она скрипила другою, сошедши съ ума. Въ воспаленномъ воображеніи ей мечпались однѣ кавыки и знаки восклицанія, напоминавшіе минушы благополучія — Придворные пишашели, сперва изъ лесий, а потомъ по привычкѣ украшали спроки свои знаками, любезными для царевны. Ошь нихъ заразились эшою болѣзнію и всѣ свѣпские поэпы, крючокшворцы, журнализшы и прозаики.

Имя невѣрнаго не выходило изъ устъ несчастной царевны — наконецъ смершь послпавила точку на концѣ жизненной фразы ея, и Княжны не спало. — Время разрушило мавзолеи несчастной, украшенныи всѣми спрочными препинаніями, неблагодарное попомсшво не сохранило для нихъ даже импани изобрѣшашельницы, и спрочные знаки назвало въ чесшь князя Препинани, знаками *препинанія*.

Такъ Америкъ Веспунцій передалъ имя свое
землѣ, Колумбомъ открытой.

Красавицы! — вздохните о моей царев-
нѣ, прочищавъ въ каждой запятой ея исто-
рію. — Что до меня — я шакъ распроганъ
романическимъ происшествіемъ оной, что о-
брекаюсь, если когда нибудь буду сочините-
лемъ, написать въ честь Княжны первую
книгу знаками восклицанія!!!

Алек. Бестужевъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

IX томъ Исторіи Государства Россійскаго вышелъ изъ печати и по подпискѣ раздается. Особо продается онъ въ обѣихъ столицахъ по 15 руб. Желающіе купить все сіе сочиненіе въ девяти томахъ (второе исправленное изданіе) могутъ получать оное въ С. Пешербургѣ у книгопродавца Слѣнина. Цѣна за все сочиненіе здѣсь 87 руб., въ Москвѣ 95, а съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 100 руб.

Излишнимъ починаемъ распространяшья о достоинствѣ сего шворенія. Довольно сказать, что это первая книга на Рускомъ языкѣ, которая читается съ жадностію повсемѣстно. Самые иностранцы отдали ей всю справедливостъ, что доказали переводы оной на Нѣмецкой и Французской языки.

Второе изданіе отличаетъя чистотою печати и украшено превосходно гравированнымъ порпешомъ знаменитаго Историографа нашего.

ИМЯНА ОСОБЪ, БЛАГОВОЛИВШИХЪ ПОД-
ПИСАТЬСЯ НА СЕЙ ЖУРНАЛЬ 1821 ГОДА,

(*Продолженіе*).

Въ С Петербурѣ.

Его Сіяшельство Графъ Пепръ Пепровичъ
Коновницынъ.

Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ Иванъ
Григорьевичъ Жевановъ.

Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ Сер-
гѣй Семеновичъ Уваровъ.

Его Превосходительство Пепръ Александро-
вичъ Пузыревскій.

Ихъ Высокоблагородія :

Василій Васильевичъ Погодинъ.

Машвѣй Алексѣевичъ Горозанскій.

Владиміръ Васильевичъ Чепелевъ.

Василій Поликарповичъ Никишинъ.

Иванъ Васильевичъ Марковъ.

Ихъ Благородія:

Александръ Пешровичъ Бекманъ.
 Тимошей Александровичъ Александровъ.
 Владиміръ Николаевичъ Смирновъ.
 Федоръ Ивановичъ Франкенъ.
 Череповъ.
 Порупчикъ Алек. Ив. Воробьевъ.
 Баронъ Густавъ Карловичъ Врангель.
 Дворянинъ Людвигъ Михайловичъ Эничъ.

Купцы:

Городской Глава Иванъ Федоровичъ Жербинъ.
 Алексѣй Ивановичъ Кусовъ.
 Филашъ Алексѣевичъ Боровиковъ.
 Алексѣй Ивановичъ Новиковъ,

Въ Москвѣ.

Его Благородіе Илья Ивановичъ Полугарскій.
 Содержатель Университетской книжной лав-
 ки Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ.

Въ Астрахани:

Его Сіятельство Князь Давыдъ Аванасьевичъ
 Меликшанновъ.

Ихъ Благородія:

Никиша Ивановичъ Юноша.
 Пешръ Семеновичъ Давыдовъ.

Купцы:

Брашья Сапожниковы.
 Максимъ Даниловичъ Смирновъ.
 Яковъ Дмишрѣевичъ Суляевъ.
 Николай Пешровичъ Солодовниковъ.

Гаврила Козьмичъ Кудряшовъ.
Алексѣй Ивановичъ Гречищевъ.
Григорій Ивановичъ Авессаломовъ.

Въ Муромѣ

Иванъ Максимовичъ Горноспавевъ.

Въ Василѣ.

Земскій Исправникъ . . . Бабанинъ.

Въ Витебскѣ.

Его Сіашельство Графъ . . . Плахеръ.

Губернскій Маршалъ Феликсъ . . . Цехановец-
кій.

Вригадиръ Пепръ . . . Храповицкій.

Коммиссіонеръ 8 класса . . . Бузановскій.

Засѣдатель і Департаментша . . . Подвинскій.

Секретарь і ражд. Губернашора . . . Булановъ.

Въ Полоцкѣ.

Повѣшовой Маршалъ . . . Гребницкій.

Въ Дрицѣ.

Повѣшовой Маршалъ . . . Щипъ.

Въ Екатеринославѣ.

Губернскій Предводитель Дворянства Дмитрій
Ларионовичъ Алексѣевъ

Его Высокоблагородіе Осипъ Яковлевичъ де
Далке.

Въ Ялбурѣ.

Его Высокоблагородіе Францъ Ивановичъ Са-
вичъ.

Въ Шлиссельбурѣ.

Баронъ Карлъ Романовичъ Унгерншпернбергъ.

Во Гдовѣ.

Его Благородіе Егоръ Михайловичъ Овошниковъ.

Въ Мосалвскѣ.

Уѣздный Предводитель Дворянства . . . Сухадольскій.

Въ Черкасахъ.

Повѣшовой Маршалъ Дворянства . . . Каневскій.

Въ Сквирѣ.

Повѣшовой Маршалъ Дворянства . . . Рыльскій.

Въ Черринѣ.

Подполковникъ Василій Львовичъ Давыдовъ.

Въ Липовцѣ.

Повѣшовой Маршалъ Дворянства . . . Даховскій.

Въ Києвѣ.

Депутатъ Дворянства Николай Федоровичъ Носковъ.

Въ Махновкѣ.

Повѣшовой Маршалъ Дворянства Вякешій . . .
Абрамовичъ.

Въ Тулѣ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Савичъ Бабаевъ.

Въ Судогдѣ.

Его Благородіе Степановъ.

Въ Сосницѣ.

Повѣшовой Маршалъ . . . Забѣла.

Помѣщикъ . . . Селивановичъ.

Въ Новозыбковѣ.

Повѣшовой Маршалъ . . . Савичъ.

Въ Козелци.

Повѣшовой Маршалъ . . . Аѳендикъ.

*Въ Радомислѣ.*Повѣшовой Маршалъ Филиціанъ Михайловичъ
Глембецкій.*Въ Василевкоѣ.*

. Липоманъ.

Въ Рязани.

Его Превосходительство Николай Александровичъ Наумовъ - - - - 4.

Ихъ Высокоблагородія:

Дмишрій Николаевичъ Масловъ.

Карлъ Конспаншиновичъ Маршенсъ.

Павель Николаевичъ Масловъ.

Ихъ Благородія:

Степанъ Ивановичъ Форцинскій.

Павель Николаевичъ Меньшиковъ,

Степанъ Аванасьевичъ Мосоловъ.

Въ Слободскоѣ.

Земскій Исправникъ . . . Новосельскій.

*Въ Саратовѣ.*Его Превосходительство Алексѣй Давыдовичъ
Панчулидзевъ.*Ихъ Высокоблагородія:*

Яковъ Васильевичъ Протопоповъ.

. Бахмешевъ.

Ассессоръ Губернскаго Правленія . . . Ивановъ.

Гвардіи Прапорщикъ Павель . . . Гладковъ.

Провіантскій-Коммиссіонеръ . . . Ухацкой.

Губернскій Секретарь . . . Симаповскій.

Купцы:

Городской Глава . . . Лисковъ - - 3.
Иванъ . . . Волковъ.

Въ Иркутскѣ.

Балаганскій Главный Тайши Андрей Назаровъ.
Аларскій Главный Тайши Бапоръ Васильевъ.

Въ Острогжскѣ.

Его Высокоблагородіе Григорій Николаевичъ
Глинка.

Въ Екатеринбургѣ.

Купцы:

Полевкшъ . . . Рябовъ.
Конспаншинъ . . . Якушевъ.

Въ Львовѣ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ
Тарасовъ.

Въ Петропавловскомъ Портѣ на Камчаткѣ.

Начальникъ Флота Капитанъ 1 ранга Ри-
кордъ, на полученіе сего журнала 1820. г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ПРОЗА.

	<i>Стр.</i>
Взглядъ на Исторію Искусствъ - 3. 117.	259.
Старая и Новая Ладога - - -	26.
Демутье въ Винценскомъ лѣсу - - -	40.
Извѣстіе о древнѣйшихъ Историкахъ Польскихъ, и въ особенноси о Кад- лубкѣ, въ опроверженіе Шлецера -	146.
О темной комнашѣ и о глазѣ - - -	172.
Общія замѣчанія на философію Нѣмцевъ	273.
Мессія (<i>изъ Поне</i>) - - - -	288.
О Романическомъ характерѣ - - -	294.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мицнхъ (<i>Элегія</i>) - - - - -	53.
Весна - - - - -	58.
Бдѣніе - - - - -	61.
Тоска - - - - -	63.
Въ Альбомѣ - - - - -	65.
Эпиѳанія Ф. И. Ахвердову - - - -	66.
Шефизъ (<i>Идиллія</i>) - - - - -	187.
Къ Родинѣ - - - - -	190.
Спасеніе - - - - -	195.
Къ О. Н. Глинкѣ - - - - -	197.

	Стран.
Подарокъ въ имянины - - -	200.
Эпиграмма - - - - -	202.
Могила Персидскаго Поэша - - -	299.
Посланіе къ Н: И: Гнѣдичу - - -	302.
Двѣ Музы (изъ Клопштока) - - -	308.
Собака и Воръ (Сказка) - - -	311.
Изъ Аншологіи - - - - -	316.

С М Ъ С Ь.

О древности Финикійскаго Алфавита	67.
Биографія Августина Коцебу - - -	82.
Письмо къ Издашелямъ Соревнователя просвѣщенія - - - - -	91.
Ссора между Дидерошомъ и Руссо - - -	103.
Биографія Парни - - - - -	203.
Ошвѣщъ на письмо къ Издашелямъ Сорев- нователя просвѣщенія - - - - -	209.
Описаніе Туакской пещеры въ Крыму - - -	220.
Записки Общесства - - - - -	250.
Объявленіе - - - - -	257.
Гораций - - - - -	317.
Биографія Кампе - - - - -	350.
Нѣчто о Вельзони - - - - -	336.
Мысли изъ разныхъ авшеровъ - - -	340.
Сирасбургская колокольня - - - - -	545.
Исторія знаковъ препинанія - - -	357.
Объявленіе - - - - -	362.
благоволившихъ подписать журналь - - - - -	363.

